

Институт славяноведения РАН

Балканские чтения. 15

БАЛКАНСКИЙ ТЕЗАУРУС:
КОММУНИКАЦИЯ
В СЛОЖНО-КУЛЬТУРНЫХ
ОБЩЕСТВАХ
НА БАЛКАНАХ

Москва, 2019

УДК 81-13
ББК 81-67(47)
Б20

РЕКОМЕНДОВАНО К ПЕЧАТИ УЧЕНЫМ СОВЕТОМ
ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

Издание подготовлено в рамках проекта «Язык и культура в полиэтничных и поликонфессиональных сообществах Юго-Восточной Европы XXI века: междисциплинарное исследование»

(Программа фундаментальных исследований Президиума РАН
«Культурно-сложные сообщества: понимание и управление»)

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

к.ф.н. *М. В. Завьялова*,
чл.-корр. РАН *А. Л. Топорков*

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

И. А. Седакова (отв. ред.), *М. М. Макарецев*, *Т. В. Цивьян*

Балканский тезаурус: коммуникация в сложно-культурных обществах на Балканах / Отв. ред. И. А. Седакова, ред. М. М. Макарецев, Т. В. Цивьян. — М.: Институт славяноведения РАН, 2019. (Балканские чтения. 15.) — 190 с.

ISSN 2618-8597

DOI 10.31168/2618-8597

В сборник вошли материалы к очередным Балканским чтениям, организованным Центром лингвокультурных исследований *Balkanica* и посвященным проблемам межэтнической, межъязыковой и межконфессиональной коммуникации на Балканах.

Balkan Thesaurus: Communication in complex-cultural Balkan societies / Ed.-in-chief I. A. Sedakova, eds. M. M. Makartsev, T. V. Civjan. Moscow: Institute of Slavic Studies, 2019. (Series *Balkanica*. 15.) — 190 p.

The book includes preliminary materials for the biannual Balkan conference (*Balkanskie chteniya*, or *Series Balkanica*), organized by the Centre for Linguocultural Research «*Balkanica*» and dedicated to problems of interethnic, translanguag, and interconfessional communication in the Balkans.

УДК 81-13
ББК 81-67(47)

В оформлении обложки использована иллюстрация «Орфей среди фракийцев», Государственные музеи Берлина, Античное собрание, инв. V.I. 3172 — краснофигурный аттический кратер мастера Орфея, ок. 440 до н.э.

© Коллектив авторов, текст, 2019
© Институт славяноведения РАН, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

БАЛКАНСКИЕ ДРЕВНОСТИ

<i>Н. Н. Казанский</i> (Санкт-Петербург). Этническое и лингвистическое многообразие древних Балкан	13
<i>В. П. Казанскене</i> (Санкт-Петербург). С кем делил царские приношения Посейдон: к интерпретации мик. o-wi-de-ta-i (PY Un 718).....	17
<i>А. А. Новохатько</i> (Фрейбург). К вопросу об этнонимах и этностереотипах в классической Греции (V в. до Р.Х.).....	20
<i>Я. Л. Забудская</i> (Москва). «Греческое» и «римское» в «Сравнительных жизнеописаниях» Плутарха	26
<i>А. А. Евдокимова</i> (Москва). Диалог византийской и александрийской систем акцентуации в греческих граффити из разных балканских памятников	31
<i>Л. И. Акимова</i> (Москва). Вазы Канозы: греко-балканские и итальянские голоса	38

СЛОВО

1. СИСТЕМА ЯЗЫКА

<i>Helmut W. Schaller</i> (Marburg). Turkish, Bulgarian and Macedonian — Morphosyntactic similarities in the nominal systems	45
<i>Victor A. Friedman</i> (Chicago, Melbourne). The conservative nature of Macedonian obscenity: Evidence from the 2015 <i>Bombi</i>	52
<i>Max Wahlström</i> (Helsinki). A speech corpus study of two impersonal strategies in Bulgarian and Croatian	56
<i>М. М. Макарецев</i> (Москва / Ольденбург). Ключивность и определенность в албанских безличных конструкциях	60
<i>Ekaterina Tarpomanova, Bilyana Mihaylova, Nikola Krastev</i> (Sofia). Emotions in grammar: Fear in the Balkan languages	68

2. ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ

- А. Ю. Русаков, М. С. Морозова* (Санкт-Петербург).
Языковые контакты в условиях трилингвизма:
заимствование «материи» (matter borrowing)
в балканских диалектах 75
- М. С. Морозова* (Санкт-Петербург).
Особенности коммуникации
в условиях неравновесного билингвизма:
славянско-албанская интерференция и переключение кодов 82
- А. А. Новик, А. С. Дугушина, Д. С. Ермолин* (Санкт-Петербург).
«Një komb, një gjuhë» (?): коммуникация между албанцами
Балкан и диаспоры 89
- А. А. Новик* (Санкт-Петербург).
Семейные истории как акт коммуникации
в албанско-греческом пограничье: по материалам экспедиции
в Химару в 2018 г. 95
- К. А. Климова* (Москва).
Переключение кодов в языковом поведении помаков Ксанти
(Северная Греция) 102
- Н.С. Гусев* (Москва).
Русские в болгарской языковой среде (XIX — середина XX вв.):
эмоции и проблема взаимопонимания 108
- Владислава Вардиц* (Потсдам).
О некоторых социолингвистических механизмах
лексического трансфера в балто-балканском ареале
(на примере турецко-болгарского, немецко-польского
и русско-латышского языкового контакта) 113

3. ПИСЬМЕННОСТЬ

- Robert Greenberg* (Auckland).
The communicative value of scripts:
The changing status of Cyrillic in the former Yugoslavia..... 118
- А. А. Леонтьева* (Москва).
Книги в системе ценностей в бытовой культуре
мусульман и христиан Софии в XVIII в. 120
- Motoki Nomachi* (Sapporo).
On the language of the second edition of Ioann Rajić's *History
of Various Slavic Peoples* (1823) 125

4. СЛОВО И РИТУАЛ

- Н. Г. Голант, М. М. Рыжова* (Санкт-Петербург).
«Влашка магија», русская эзотерическая литература
и интернет: магические практики одной знахарской семьи
из восточной Сербии 129
- Е. С. Узенёва* (Москва).
Религиозный синкретизм на Балканах:
культовые места болгар-мусульман 133
- Е. С. Струганова* (Москва).
Человек vs стихии в обрядовом тексте
мусульманского села Виево, Болгария 137
- К. С. Задоя* (Дюссельдорф), *Е. Э. Будовская* (Вашингтон).
Противопоставление «свой — чужой»
и конструирование самоидентификации в одном карпатском селе 142

ТЕКСТ

- Н. В. Злыднева* (Москва).
К проблеме коммуникационных стратегий
в художественном пространстве балканской модели мира:
апофатическое высказывание 149
- Дагмар Буркхарт* (Маннгейм).
Внутритекстовая и внетекстовая коммуникация:
боснийско-сербско-славонская парадигма 154
- Т. В. Цивьян* (Москва).
Кавафис сквозь призму балканского тезауруса 159
- Ф. А. Елоева* (Санкт-Петербург).
Георгий Визиинос (1849–1896) и Георгий Иоанну (1927–1985) —
пути самоидентификации через образ *другого* 162
- М. Г. Метляева* (Лукьянчикова), *А. А. Романова* (Кишинев).
Поэма М. Эминеску «Лучафэр»:
авторерефлексия над опытом перевода 166
- Е. А. Сартори* (Афины).
Танос Веллудиос:
фантазиометрия как проект художника-этнографа 172
- Т. Ф. Теперик* (Москва).
Коммуникативное пространство и онейрическая реальность
в фильме Т. Ангелопулоса «Взгляд Одиссея» (1995) 177

И. А. Седакова (Москва).

Балканистика и коммуникативные стратегии:

теория и практика..... 182

Публикации серии «Балканские чтения» 187

CONTENTS

BALKAN ANTIQUITIES

- N. N. Kazansky* (Saint Petersburg).
Ethnic and linguistic diversity of ancient Balkan area 13
- V. P. Kazanskienè* (Saint Petersburg).
With whom did Poseidon share sacrificial offerings?
An interpretation of Myc. o-wi-de-ta-i (PY Un 718) 17
- A. A. Novokhatko* (Freiburg).
The ethnonyms and ethnic stereotypes in classical Greece
(5th century BC) 20
- Y. L. Zabudskaya* (Moscow).
The “Greek” and the “Roman” in “Parallel Lives” by Plutarch 26
- A. A. Evdokimova* (Moscow).
The dialogue of Byzantine and Alexandrian accent systems
in the Greek graffiti from different Balkan monuments of language 31
- L. I. Akimova* (Moscow).
The vases of Canosa: The Balkan Greek and the Italiot voices 38

THE WORD

1. LANGUAGE SYSTEM

- Helmut W. Schaller* (Marburg).
Turkish, Bulgarian and Macedonian —
Morphosyntactic similarities in the nominal systems 45
- Victor A. Friedman* (Chicago, Melbourne).
The conservative nature of Macedonian obscenity:
Evidence from the 2015 *Bombi* 52
- Max Wahlström* (Helsinki).
A speech corpus study of two impersonal strategies
in Bulgarian and Croatian 56
- M. M. Makartsev* (Moscow / Oldenburg).
Clusivity and definiteness in Albanian man-impersonals 60
- Ekaterina Tarpomanova, Bilyana Mihaylova, Nikola Krastev* (Sofia).
Emotions in grammar: Fear in the Balkan languages 68

2. LANGUAGE CONTACTS

- A. Y. Rusakov, M. S. Morozova* (Saint Petersburg).
Language contacts in trilingual communities:
Matter borrowing in Balkan dialects 75
- M. S. Morozova* (Saint Petersburg).
Communication in unbalanced bilingual situations:
Slavic-Albanian interference and codeswitching 82
- A. A. Novik, A. S. Dugushina, D. S. Ermolin* (Saint Petersburg).
Një komb, një gjuhë (?): The communication between Albanians
in the Balkans and in the diaspora 89
- A. A. Novik* (Saint Petersburg).
Family stories as a communicative act in Albanian-Greek
border zone: On the data from the expedition to Himara in 2018 95
- K. A. Klimova* (Moscow).
Codeswitching in language behaviour of the Pomaks in Xanthi
(Northern Greece) 102
- N. S. Gusev* (Moscow).
Russians in the Bulgarian language milieu
from the 19th to mid-20th century: Emotions and the problem
of mutual understanding 108
- Vladislava Warditz* (Potsdam).
On several sociolinguistic mechanisms of lexical transfer
in Baltic-Balkan area (based on Turkish-Bulgarian,
German-Polish, and Russian-Latvian language contact) 113

3. WRITTEN WORD

- Robert Greenberg* (Auckland).
The communicative value of scripts:
The changing status of Cyrillic in the former Yugoslavia 118
- A. A. Leontyeva* (Moscow).
Books in the system of values in the everyday culture of Muslims
and Christians in Sofia in the 18th century 120
- Motoki Nomachi* (Sapporo).
On the language of the second edition of Ioann Rajić's *History
of Various Slavic Peoples* (1823) 125

4. WORD AND RITUAL

- N. G. Golant, M. M. Ryzhova* (Saint Petersburg).
 Vlaška magija, Russian esoteric literature and the Internet:
 On magical practices of a faith-healing family in Eastern Serbia 129
- E. S. Uzeneva* (Moscow).
 The religious syncretism in the Balkans:
 The sacred places of Bulgarian Muslims 133
- E. S. Struganova* (Moscow).
 The man vs forces of nature in the ritual text
 in the Muslim village of Vievo, Bulgaria 137
- Kira Sadoja* (Düsseldorf), *Elena Boudovskaia* (Washington).
 The opposition “self vs other” and the constructing
 of self-identification in a Carpathian village 142

THE TEXT

- N. V. Zlydneva* (Moscow).
 On communicative strategies in the art space
 of the Balkan model of the world: An apophatic discourse 149
- Dagmar Burkhart* (Mannheim).
 The intratextual and extratextual communication:
 A Bosnian-Serbian-Slavonian paradigm 154
- T. V. Civjan* (Moscow).
 Cavafy through the prism of Balkan Thesaurus 159
- F. A. Eloeva* (Saint Petersburg).
 Georgios Vizyinos (1849–1896) and Georgios Ioannou (1927–1985):
 Ways of self-identification through an image of the Other 162
- M. G. Metleaeva* (*Luchiancikova*), *A. A. Romanova* (Chisinau).
 M. Eminescu’s poem “Luciafărul”:
 A self-reflection over an attempt of translation 166
- E. A. Sartori* (Athens).
 Thanos Velloudios:
Fantasiometry as a project of an artist as an ethnographer 172
- T. F. Teperik* (Moscow).
 The communicative space and the oneiric reality in the film
 by T. Angelopoulos “Ulisses’ Gaze” (1995) 177

I. A. Sedakova (Moscow).

Balkan studies and communicative strategies:

Theory and practice 182

Backlist of *Series Balcanica* 187

БАЛКАНСКИЕ ДРЕВНОСТИ

Н. Н. Казанский (Санкт-Петербург)

ЭТНИЧЕСКОЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ МНОГООБРАЗИЕ ДРЕВНИХ БАЛКАН

Рассмотрение субстратного материала традиционно ограничивается сравнением с фактами, засвидетельствованными в текстах II–I тыс. до н.э. В этом направлении сделано много наблюдений над топонимикой, показывающей единые словообразовательные модели в материковой Греции и Малой Азии (Kretschmer 1896; Schachermeyr 1967; Гиндин 1981), возможность влияния со стороны языка критской иероглифики (начальное удвоение имен по И. Дюю — Duhoux 1998), индоевропейский слой догреческой лексики в греческом языке (Georgiev 1941–1945; Откупщиков 1988).

Движение, связанное с неолитической революцией и с экспансией сельскохозяйственных культур плодородного полумесяца в Юго-Восточную Европу, остается важным этапом в истории возникновения балканской полиэтничности. Давно известны поселения в Сескло и Димини, датируемые V тыс. до н.э. Именно к этому доисторическому времени должны относиться прослеживаемые в топонимике связи в направлении север — юг (ср. Карпаты и о. Карпатос). Такого рода связи подразумевают передвижение по морю, что постулировалось археологами уже давно, например, заселение Крита носителями археологических культур с территории современной Венгрии (Клейн 1971; с критическим разбором собственной концепции: Клейн 2000). В этом же направлении могут рассматриваться и генетические связи греческого языка с фригийским и другими палеобалканскими языками, включая македонский, а также возможные индоевропейские корни, лежащие в основе топонимии Северной Греции. При этом необходимо иметь в виду и находящее подтверждение в работах последних лет языковое единство, допускающее промежуточную реконструкцию на основе греческого, фригийского, армянского и индоиранских языков. Следует специально подчеркнуть, что приход греков на Балканы не обязательно был появлением на Балканах первых индоевропейцев, тем более что

отдельные топонимы наводят на мысль об анатолийском присутствии, возможно более древнем, чем греческое.

Для II тыс. до н.э. в нашем распоряжении имеются тексты и памятники, которые показывают связи в направлении восток — запад. В микенских документах хорошо представлены связи Пилоса с островами и побережьем Малой Азии, в Кносских архивах на Крите засвидетельствован целый ряд хеттских имен, возможно переселение ликийцев с Крита (Hdt. I, 173). Археологически прослеживается строительная практика, которая не могла одновременно и независимо возникнуть в разных местах. Речь идет о циклопической кладке, которая на востоке представлена укреплениями хеттской Хаттусы, в материковой Греции распространение циклопической кладки ограничивается на севере крепостью у современного Гла (Палекастро) в Беотии (граница распространения письменности линейного письма В после находки фрагментов микенских табличек в древнем Йолке (Кафра-Палайя в г. Волос, Фессалия) в 2010 г. сильно передвинулась к северу). Хорошо представлена циклопическая кладка в Афинах, Микенах, Тиринфе. Далее к западу циклопическая кладка встречается единожды в Сицилии. Можно быть уверенным, что в распространении циклопической кладки как комплекса архитектурных, инженерных и строительных навыков значительную роль сыграли морские пути.

Тянущиеся в направлении восток — запад цепочки древнегреческих диалектов отчетливо свидетельствуют о таком же направлении движения и на рубеже II—I тыс. до н.э. Связи в направлении восток — запад в последнее время проявились также в выделении тирренской группы языков, лингвистически сблизившей жителей острова Лемнос и Этрурию (см.: Цымбурский 2018).

Связи с Востоком прослеживаются на примере культурных заимствований, к числу которых относится большая пласт названий музыкальных инструментов, а также заимствования отдельных сюжетов с топонимической привязкой. Для микенской мифологии очень правдоподобны заимствования с Востока таких божеств, как Решеф, фигурка которого найдена в микенской гробнице, а также представлений о сиренах. В свое время Вяч. Вс. Иванов обращал внимание на обозначение колесницы как «конской» (мик. *i-qi-ja*), а также на совпадение обозначения народов как «сынов» (ср. для обозначения народа такие выражения, как «сыны ахейцев», «сыны Израиля» и проч.). Фиванские таблички показали использование такого способа обозначения и

в единственном числе (*ra-]ke-da-mo-ni-jo-u-jo /Lakedaimonios huios/* TH Gr 227.2, ср. *ra-ke-da-mi-ni-jo* TH Fq 229+).

Для I тыс. полиэтничность восстанавливается в нескольких вариантах с разной степенью социальной адаптации или отторжения. Диалектные различия внутри греческого языка должны учитываться при оценке этнического многообразия региона. Следует также учитывать хорошо зафиксированные случаи противопоставления по этническому принципу. Так, для Спарты в нашем распоряжении имеется четкое социальное противопоставление спартанцев и илотов, для Афин — противопоставление граждан, метеков и периеков. При этом в тех же Афинах классического времени прослеживаются связи в восточном направлении. На Керамике найдено среди других погребений надгробие, написанное на стандартной для Афин плите финикийским алфавитом, а также надгробный камень, содержащий текст на карийском языке. Из источников мы знаем, что карийцы допускались на часть религиозных афинских праздников, поскольку сохранилось восклицание: «*θύραζε, Κάρεις: οὐκέτ' ἄνθεστήρια*» — «Карийцы, уходите! Антестерии закончились» (Comica Adespota fr. 548).

Движение населения Балкан в классическое время установить легче: Великая греческая колонизация, связи между полисами, которые поддерживались и на политическом, и на культурном уровне, дают достаточный материал. Уже с архаического времени можно наблюдать, в частности, единство культурного и культового пространства, на котором действовали, например, жрецы-очистители (Лебедев 2015; Казанский 2005; 2009).

Со времени Греко-персидских войн связи между разными полисами достаточно хорошо документированы, как и последующее македонское вмешательство в дела материковой Греции, связи с Востоком и с римской культурой на Западе.

ЛИТЕРАТУРА

- Гиндин 1981 — Гиндин Л. А. Древнейшая ономастика Восточных Балкан (Фракохетто-лувийские и фрако-малоазийские изоглоссы). София: Издательство Болгарской академии наук, 1981.
- Иванов 1977 — Иванов Вяч. Вс. Древние культурные и языковые связи южно-балканского, эгейского и малоазийского (анатолийского) ареалов // Балканский лингвистический сборник / Зализняк А. А., Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. (ред.), Цивьян Т. В. (отв. ред.). М.: Наука, 1977. С. 3–39.

- Казанский 2005 — *Казанский Н. Н.* Койне до койне (о языке Селинунтского закона об очищениях) // Индоевропейское языкознание и классическая филология-IX (чтения памяти И.М. Тронского). Материалы конференции, проходившей 20–22 июня 2005 г. / Казанский Н. Н. (отв. ред.). 2005. С. 108–110. (Индоевропейское языкознание и классическая филология, 9.)
- Казанский 2009 — *Казанский Н. Н.* Переход к ритуальной чистоте по материалам селинунтского декрета (V в. до н. э.) // Переходы. Перемены. Превращения. Тезисы и материалы. 31 марта — 2 апреля 2009 года / Седакова И. А. (отв. ред.), Макарец М. М., Сиднева С. А., Цивьян Т. В. (ред.). М.: Институт славяноведения РАН, Центр лингвокультурных исследований «Balkanica», 2009. С. 186–190. (Балканские чтения. 10.)
- Клейн 1971 — *Клейн Л. С.* Феномен СМ III и вопрос о языке линейного письма А // Вестник Ленинградского университета, 1971, № 8. С. 110–113.
- Клейн 2000 — *Клейн Л. С.* Инвазия с севера на Среднеминойский Крит: оценка достоверности гипотезы // ΣΥΣΤΙΤΑ. Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб.: Алетейя, 2000. С. 98–104.
- Лебедев 2015 — *Лебедев А. В.* «Теогония» Эпименида Критского и происхождение орфико-пифагорейского учения о реинкарнации // Индоевропейское языкознание и классическая филология-XIX (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы конференции, проходившей 20–22 июня 2005 г. / Казанский Н.Н. (отв. ред.). С. 550–584. (Индоевропейское языкознание и классическая филология, 19.)
- Откупщиков 1988 — *Откупщиков Ю. В.* Догреческий субстрат. У истоков европейской цивилизации. Л.: Издательство ЛГУ, 1988.
- Цымбурский 2018 — *Цымбурский В. Л.* Тирренские языки // Языки мира: Палеоевропейские языки. СПб.: Нестор-История, 2018. С. 179–185.
- Duhoux 1998 — *Duhoux Y.* Pre-Hellenic Language(s) of Crete // Journal of Indo-European Studies, 1998. Т. 26.1/2. P. 1–40.
- Georgiev 1941–1945 — *Georgiev V.* Vorgriechische Sprachwissenschaft. Bd. I–II. Sofia: Universitätsdruckerei, 1941–1945.
- Kretschmer 1896 — *Kretschmer P.* Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1896.
- Schachermeyr 1967 — *Schachermeyr F.* Aegäis und Orient: Die überseeischen Kulturbeziehungen von Kreta und Mykenai mit Aegypten, der Levante und Kleinasien unter besonderer Berücksichtigung des 2. Jahrtausends v. Chr. Wien: Böhlau, 1967. (= Österreichische Akademie der Wissenschaften, Philologisch-historische Klasse, Denkschriften, 93. Band.)

В. П. Казанскене (Санкт-Петербург)

С КЕМ ДЕЛИЛ ЦАРСКИЕ ПРИНОШЕНИЯ ПОСЕЙДОН: К ИНТЕРПРЕТАЦИИ МИК. O-WI-DE-TA-I (PY UN 718)

Пилосская таблица PY Un 718 с самого начала привлекла внимание ученых тем, что она содержит довольно большой, поврежденный только в самом конце текст с четкой, понятной структурой, детальное понимание которого, однако, пока не достигнуто. Приведем этот текст:

.1	sa-ra-pe-da , po-se-da-o-ni , da-so-mo	В Сарапеде ¹ Посейдону дань
.2	o-wi-de-ta-i , da-so-mo , to-so , e-ke-ra ₂ -wo	o-wi-de-ta-i (дат.мн.ч.) столько дани Эхелавон ²
.3	do-se , GRA 4 VIN 3 BOS ^m 1	даст ЗЕРНА 4, вина 3, быка 1
.4	tu-ro ₂ , TURO ₂ 10 ko-wo , *153 1	сыров СЫРЫ 10, БЫЧЬЮ ШКУРУ *153 1
.5	me-ri-to , V 3	мёда V 3
.6	<i>vacat</i>	
.7	o-da-a ₂ , da-mo , GRA 2 VIN 2	также община [даст] ЗЕРНА 2, ВИНА 2
.8	OVIS ^m 2 TURO ₂ 5 a-re-<ра>, cf. AREPA V 2 *153 1	БАРАНА 2, СЫРОВ 5, мазь V 2, *153 1
.9	to-so-de , ra-wa-ke-ta , do-se ,	а столько даст воевода
.10	OVIS ^m 2 me-re-u-ro , FAR T 6	барана 2, муки МУКИ T 6
.11a	<i>vacat</i> -ma	
	VIN S 2 o-da-a ₂ , wo-ro-ki-jo-ne-jo , ka-	ВИНА S 2, wo-ro-ki-jo-ne-jo , ka-ma [даст]
.12	GRA T 6 VIN S 1 TURO ₂ 5 me-ri[	ЗЕРНА T 6, СЫРОВ 5, мё[да ...
.13	<i>vacat</i> [ ] 11 vel] 21 V	

Немаловажно, что данный документ написан писцом, известным под номером 24, руке которого принадлежат всего четыре пилосские

¹ Предполагается, что sa-ra-pe-da обозначает местность, куда направляются дары. Это слово в несколько ином написании sa-ra-pe-do[встречается еще раз в таблице PY Eg 880, где речь идет о владении земельным участком. Эти два свидетельства, а особенно упоминание важнейших лиц государства в изучаемой таблице PY Un 718, как кажется, исключает интерпретацию, согласно которой царь отправляет дары в неизвестное место.

² Или Эхелавон. Убедительно предположение, что речь идет об имени царя Пилосского царства. О вариантах толкования самого имени, см. s.v. e-ke-ra₂-wo (DMic I 1985: 211).

таблицы, зато все касающиеся царя; также и в PY Un 718 Энхелавон определяется как глава царства. Содержание изучаемой нами таблицы Т. Палайма определяет как «the highest matters of religious ceremony» (Palaima 2011: 95). Кроме имени царя на важность записанного материала указывает присутствие второго по значимости человека — *ra-wa-ke-ta* ('воевода'), а также термина *da-mo* ('община'); обе лексемы известны по другим пилосским документам. Еще два термина, *wo-ro-ki-jo-ne-jo ka-ma* и *o-wi-de-ta-i*, по нашему мнению, до сих пор остаются без надежного объяснения. Последнему будет посвящено это сообщение.

Слово *o-wi-de-tai*, несомненно, следует понимать как дательный падеж множественного числа, т.е. мы имеем дело с тем же падежом, что и в случае с Посейдоном. Предложенные ранее толкования *o-wi-de-tai* как *owi-dertai* 'sheep-flayers', снимающие шкуру с жертвенной скотины, или как *owi-detai* 'связывающие овец' (DMic II 1993: 58) в последнее время были заменены более общим понятием 'служители религиозных обрядов'. Эти предположения неубедительны: во-первых, такие 'служители' больше нигде не встречаются, хотя таблиц с жертвоприношениями (в том числе кровных жертв) достаточно много. Кроме того, вряд ли совместимо упоминание в одном ряду с ними общины, воеводы и даже царя.

Мы предлагаем в этом тексте в качестве получателей жертвоприношений наряду с Посейдоном видеть обобщенное название божеств *awid-etai > *owid-etai, исходя из представления о том, что первоначально словом 'Аид' обозначалось место, доставшееся третьему брату Зевса и Посейдона (LfgrE I 1979: 275). При этом в данном случае несущественно, принимается ли этимология Аида как **ŋ-wid-* или **sm-wid-*, поскольку в древнегреческом языке начальный слогообразующий назальный сонант мог отражаться не только как **a-*, но и как **o-*, ср. ὄμβρος < *ŋros.

Среди суффиксальных образований на *-etai* Э. Риш (Risch 1974: 35) как наиболее древние определяет отыменные производные: мик. *ko-to-na ktoiva* — *-ko-to-ne-ta* для обозначения группы (Gruppenbezeichnung); ср. еще *oikos* — *oiketai*. Таким образом, предположительно словообразовательное значение мик. *o-wi-de-ta-i* может быть 'живущим в Аиде'.

В мифологическом лексиконе Рошера отмечается древность хтонических божеств Деметры, Персефоны и Аида, которые издревле выступают как триада (Roscher 1909–1915: IV, 1787–8), хотя в историческое время святилище Аида, согласно Павсанию, существовало только у

элейцев (Paus.6,25,2). Для нас важно объединение в раннюю пору греческой религии этих трех божеств, названных по месту их пребывания, Аиду. Такое название нашло бы соответствие в групповых обозначениях других богов (ср. олимпийцы, океаниды).

Следует отметить еще один факт: упоминаемые в таблице PY Un 718 дары — зерно (мука), сыр, вино и мед — представляют собой ингредиенты напитка *кукеών*, известного по гомеровским поэмам, а также упоминаемого в контексте Элевсинских мистерий.

Таким образом мы полагаем, что в микенском *o-wi-de-ta-i* PY Un 718 на таблице следует видеть не людей, обслуживающих культовый акт, а божества, вероятно, хтонические, которые наряду с Посейдоном получали дары от царя и других официальных представителей высшего ранга в пилосском царстве.

ЛИТЕРАТУРА

- DMic I 1985 — *Aura Jorro J.* Dictionario Micénico, vol. I / Adrados F.R. (red.). Madrid: Consejo Superior de Investigaciones Científicas, Instituto de Filología, 1985.
- DMic II 1993 — *Aura Jorro J.* Dictionario Micénico, vol. II / Adrados F.R. (red.). Madrid: CSIC Press, 1993.
- Palaima 2011 — *Palaima T.G.* Scribes, scribal hands and palaeography // *A Companion to Linear B. Vol. 2* / Duhoux Y., Morpurgo Davies A. (eds.). Louvain-la-Neuve; Walpole, MA: Peeters, 2011. P. 33–136.
- Risch 1974 — *Risch E.* Wortbildung der homerischen Sprache. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1974
- Roscher 1909–1915 — *Roscher W.H.* Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie, Bd. IV. Hildesheim; Leipzig: B. G. Teubner, 1909–1915.
- LfgrE I: 1979 — Lexikon des frühgriechischen Epos, Bd. I. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1979.

А. А. Новохатько (Фрейбург)

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОНИМАХ И ЭТНОСТЕРЕОТИПАХ В КЛАССИЧЕСКОЙ ГРЕЦИИ (V в. до Р.Х.)

В древнегреческих архаических текстах, а особенно в гомеровском эпосе, есть много примеров тому, как «свой» противопоставляется «чужому», «чужак» сравнивается с «местным», и они взаимодействуют в процессе коммуникации. Эта коммуникация по-разному оценивается и интерпретируется поэтами в литературных текстах.

Классической иллюстрацией может послужить обращение Ириды к Гектору во второй песни «Илиады». По ее словам, в великом городе Приама много союзников, и каждый говорит на своём языке («*ἄλλη δ' ἄλλων γλῶσσα πολυσπερέων ἀνθρώπων*»), дословно «разный язык у разных во множестве посеянных людей»), и Приам царствует над всеми (Ном. II. 2.803–806). В девятнадцатой песни «Одиссеи» подобно описывается Крит, где девяносто городов населяют несчётные народы («*ἐν δ' ἄνθρωποι πολλοὶ ἀπειρέσιοι, καὶ ἐννήκοντα πόλεις*»), смешаны разные языки («*ἄλλη δ' ἄλλων γλῶσσα μεμιγμένη*»), там живут ахейцы, этеокрытыне, кидоны, дорийцы, пеласги (Ном. *Od.* 19.172–177). Греки не отличаются здесь от не-греков. Этноним *Δωριέες* ‘дорийцы’ был причиной, по которой указанный пассаж «Одиссеи» считали интерполяцией, так как другого упоминания дорийцев у Гомера нет (Morpurgo Davies 2002: 165 сн. 26; Rutherford 1992: 157–159).

Описание Крита в «Одиссее» свидетельствует не только об осознании этнических и языковых различий внутри такой ограниченной территории, как остров, но, что гораздо важнее, об осознании взаимного влияния языков, наречий и диалектов друг на друга («*ἄλλη δ' ἄλλων γλῶσσα μεμιγμένη*»). Вообще в «Одиссее», тематизирующей странствие и различие культур, неоднократно подчёркивается коммуникация чужих народов друг с другом (Ном. *Od.* 1.183; 3.302; 15.453).

Другим важным ранним свидетельством является употребление корня *βαρβαρ-* в прилагательном *βαρβαρόφωνος* (Ном. II. 2.867). В послед-

ние годы активно обсуждалось, означает ли это, что концепт “грек — варвар” можно датировать VIII в. до Р.Х., или же слово означает здесь только грубый, жёсткий говор, а не чужой язык (Mac Sweeney 2013: 64, подробная библиография в сн. 57).

Далее, 591 г. до Р.Х. датируется греческая надпись, высеченная на скале Абу-Симбел в Нубии на фигуре второго колосса в южной части Малого храма. Надпись была оставлена ионийскими и дорийскими наёмниками, пришедшими сюда при Псамметихе II, во время преследования отступавших от Элефантины к Эфиопии воинов, и гласит: «ἀλογλόσος δ' ἦχε Ποτασιμτο, Αἰγυπτίος δὲ Ἀμασις» (SEG 16:863; GHI 7a, 4 M–L). Генерал Потасимто, видимо, вёл иностранцев («другогоголосых», ἀλογλόσος), в то время как генерал Амасис возглавлял отряд египтян¹.

В архаическом греческом четыре существительных обозначают язык, акцент или произношение: *θρόος*, *γῆρυς*, *γλώσσα* и *φωνή*, последние два со временем станут филологическими терминами, но чёткого разграничения между вариативными отклонениями внутри одного языка и разными языками на уровне терминологии нет. Два прилагательных означают ‘на иностранном языке’: *ἀλλόθροος* и *ἀλλόγλωσσος*, ещё два означают звуковую окраску в произношении: *βαρβαρόφωνος* относится к карийцам, в то время как *ἀγριόφωνος* относится к лемносцам. Этнолингвистическая вариативность появляется, возможно, в форме аллегорезы, когда дориец, иониец и эолиец происходят от отца эллина (Hes. fr. 9 M–W; Hainsworth 1967: 65). В архаический период в Греции не засвидетельствованы теоретические рассуждения об этнических и диалектальных различиях, но, несомненно, заложены концептуально-терминологические основы культурной и языковой вариативности.

В течение V в. до Р.Х. число литературных источников, упоминающих этнонимы и диалекты, неизменно растёт. Это, с одной стороны, объясняется прибавляющим количеством письменных свидетельств, а с другой стороны — повышающимся интересом к вопросу (этно)коммуникации.

Так, Орест в трагедии Эсхила «Хоэфоры» (458 г. до Р.Х.) говорит, что он и Пилад постучатся в дом Эгисфа под видом путников, оба будут говорить на парнасском наречии / языке, подражая фокийскому диалекту / языку («ἄμφο δὲ φωνὴν ἧσομεν Παρνησιίδα / γλώσσης αὐτὴν

¹ Подробный разбор надписи см. в (Hauben 2001); см. также (Lloyd 1975: 21–22).

Φωκίδος μιμουμένω», Aesch. Ch. 563–564). Высказывание Ореста должно напомнить афинскому зрителю в театре, что в Аргосе Орест будет говорить на северо-западном греческом диалекте Фокиды, чтобы его не узнали. Важно упомянуть здесь также постепенное становление терминологии: парнасское наречие (*φωνή*) относится к языку / диалекту (*γλῶσσα*) Фокиды¹.

Значительную роль этнолингвистические противопоставления играют в «Историях» Геродота (до 424 г. до Р.Х.) и отражают, по всей вероятности, расхожее мнение его современников. В восьмой книге сформулирован принцип «греческости» (*τὸ Ἑλληνικόν*) как кровного и языкового родства с другими эллинами, общих святилищ богов, жертвоприношений на празднествах и подобного образа жизни («*αὐτίς δὲ τὸ Ἑλληνικόν, ἐὼν ὁμαίων τε καὶ ὁμόγλωσσον, καὶ θεῶν ἰδρύματά τε κοινὰ καὶ θυσίαι ἤθεά τε ὁμότροπα*», Hdt. 8.144.2). Как отметила Эдит Холл,

[t]he priority of the linguistic criterion in the Greeks' self-determination of their ethnicity is not surprising when one considers their geographical dispersal over numerous coasts and countless islands, and the enormous variety in way of life, political allegiance, cult, and tradition amongst the different communities, whether Ionian, Dorian, or Aeolian. [...] No other ancient people privileged language to such an extent in defining its own ethnicity².

Наконец, жанр древнеаттической комедии, в которой отражена и воспроизведена многоголосная палитра афинского общества, также позволяет судить о быстро растущем осознании языковой вариативности и этностереотипов в афинском полисе. К примеру, в комедии «Вавилоняне» (426 г. до Р.Х.) Аристофан употребляет глагол *λακεδαίμονιάζω* ‘вести себя по-спартански’ (Ar. fr. 97 PCG). Само название комедии наводит на мысль о противопоставлении «афинского» «чужестранному», что, вероятно, в контексте войны Афин со Спартой отразилось и в сюжете. Глаголы на *ιάζω* и *ίζω*, производные от этнонимов, всё чаще встречаются в греческом языке в течение V в. до Р.Х.: *δωριάζω* (‘вести себя / говорить

¹ В трагедии Эсхила «Семеро против Фив» (467 г. до Р.Х.) встречается прилагательное *ἑτερόφωνος* ‘с другим голосом’ в отношении вражеской (но грекоговорящей) армии (Aesch. *Sept.* 170).

² Hall (1989: 4–5). См. также Morpurgo Davies (2002: 166). Ср. другие места у Геродота, где обсуждаются этнолингвистические вопросы, Hdt. 1.56–57, 1.142, 2.154.4, 4.78, 6.138, 8.135. Это подробнее рассматривается в моей статье (Novokhatko (в печати)).

по-дорийски'), *λεσβιάζω* ('~ по-лесбосски'), *βοιωτιάζω* ('~ по-беотийски'), *χιάζω* ('~ по-хиосски'), *σιφνιάζω* ('~ по-сифносски'), *αἴγυπτιάζω* ('~ по-египетски'), *λυδίζω* ('~ по-лидийски'), *μηδίζω* ('~ по-мидийски'), *λακωνίζω* ('~ по-лаконски'), похожий на *λακεδαιμονιάζω* ('~ по-спартански'), *θητταλίζω* ('~ по-фессалийски'), *ἀττικίζω* ('~ по-аттически'), *βαρβαρίζω* ('~ по-варварски'), *ἐλληνίζω* ('~ по-гречески') (Orth 2017: 533–536).

Комедия выводит этностереотипы на сцену и высмеивает их¹. Например, в сохранившихся комедиях Аристофана по большим партиям драмы прослеживается четкое противопоставление аттического характера другим региональным типам: мегарскому и беотийскому в «Ахарнях» (Ar. *Ach.* 729–835, 860–954), ионийскому в «Мире» (Ar. *Pax* 45–48), лаконскому в «Лисистрате» (Ar. *Lys.* 1242–1315). Фрагменты древнеаттической комедии дополняют эту картину. Персонаж в «Финикиянках» Страттида высмеивает беотийский диалект, подробно разбирая непонятные слова (Stratt. fr. 49 PCG); Евполид в «Илотях» использует дорийские морфемы и лексемы, видимо, подчёркивая происхождение персонажа (земледельцы-илоты происходили от покорённых дорийцев, Eur. frs. 147, 149, 150, 151, 154, 155 PCG, это комментируется в Olson 2016: 11–26); доктор на сцене, как правило, говорит на дорийском (у Кратета: Crat. fr. 46 PCG) или ионийском (у Амейпсия: Ameips. fr. 17 PCG) диалекте (Zimmermann 2014: 5). Политик Клеофон в комедии Платона высмеивается за то, что его мать говорит с ним на варварском фракийском (Plat. Com. fr. 61 PCG).

Этноязыковая вариативность, маркированная в драме, узнавалась и определялась зрителем афинского театра. Эта маркированность драматического текста, произносимого на сцене и воспринимаемого зрителем на слух, выполняла функцию интеллектуальной рефлексии современных автору и зрителю процессов, но одновременно способствовала развитию новой терминологии для дальнейшего теоретического изучения этнонимов и языковой вариативности (Hall 1997: 170–177; Conzani 2014).

¹ Следует отдельно отметить названия несохранившихся или фрагментарно сохранившихся комедий, из которых следует, что тема этноязыковых изысканий была в центре внимания в классическом полисе: «Персы или ассирийцы» Хионида, «Лидийцы» Магнета, «Самосцы» Кратета, «Персы» Ферекрата, «Фракиянки» Кратина, «Спартанцы (Лаконцы)» Кратина, Евполида, Платона и Никохара, «Македоняне» и «Финикиянки» Страттида и т.д.

В заключение нужно сказать, что к концу архаического периода греческие тексты фиксируют осознание диалектальных различий внутри греческого языка от не-греческих языков. В классический период проза (Геродот, Фукидид) и драма (Эсхил, Софокл, Еврипид, Аристофан, а также фрагментарно сохранившийся корпус классической драмы) предоставляют основной материал для исследования. Интенсивное развитие технической лексики в течение и особенно к концу V в. до Р.Х. в разных областях (этнонимы и диалекты не составляют исключения) создаёт терминологические предпосылки для позднейших этнографических и диалектологических штудий.

ЛИТЕРАТУРА

- Consani 2014 — *Carlo C.* Ancient Greek sociolinguistics and dialectology // Encyclopedia of Ancient Greek Language and Linguistics / Giannakis G.K. (ed.). V. 1. Leiden; Boston: Brill, 2014. P. 117–124.
- Hainsworth 1967 — *Hainsworth J. B.* Greek views of Greek dialectology // Transactions of the Philological Society 1967 (66), 1. P. 62–76.
- Hall 1989 — *Hall E.* Inventing the Barbarian: Greek self-definition through tragedy. Oxford: OUP, 1989.
- Hall 1997 — *Hall J. M.* Ethnic identity in Greek antiquity. Cambridge: CUP, 1997.
- Hauben 2001 — *Hauben H.* Das Expeditionsheer Psamtiks II. in Abu Simbel (593 / 592 v. Chr.) // Geus K., Zimmermann K. (Hrsg.). Punica — Libyca — Ptolemaica (FS W. Huß; Studia Phoenicia 16; Orientalia Lovaniensia Analecta 104). Leuven: Peeters, 2001. P. 53–77.
- Mac Sweeney 2013 — *Mac Sweeney N.* Foundation myths and politics in ancient Ionia. Cambridge: CUP, 2013.
- Morpurgo Davies 2002 — *Morpurgo Davies A.* The Greek notion of dialect // Greeks and barbarians / Harrison T. (ed.). Edinburgh: Routledge, 2002. P. 153–171.
- Novokhatko (в печати) — *Novokhatko A.* Awareness of linguistic variation in archaic and Classical Greece // Towards a history of dialect studies / Van Rooy R. (ed.). Münster: Nodus Publikationen (в печати).
- Olson 2016 — *Olson S.D.* Eupolis. Heilotes — Chrysoum genos (fr. 147–325) / Transl. and comm. Heidelberg: Verlag Antike, 2016.
- Orth 2017 — *Orth Ch.* Aristophanes. Aiolosikon — Babylonioi (fr. 1–100) / Übersetzung und Kommentar. Heidelberg: Verlag Antike, 2017.

PCG = Poetae Comici Graeci / Kassel R., Austin C. (ed.). Vol. 1–8. Berlin; New York, 1983–.

Rutherford 1992 — *Rutherford R. B.* Homer, Odyssey, books XIX and XX / Comm. Cambridge: CUP, 1992.

Zimmermann 2014 — *Zimmermann B.* Dialekte und ‚foreigner talk‘ im griechischen Drama // Komparatistik online 2: Polyglotte Texte, 2014. P. 1–11.

Я. Л. Забудская (Москва)

«ГРЕЧЕСКОЕ» И «РИМСКОЕ»
В «СРАВНИТЕЛЬНЫХ ЖИЗНЕОПИСАНИЯХ» ПЛУТАРХА

Сопоставление «греческого» и «римского» — это, собственно, одна из основных задач «Сравнительных жизнеописаний». Однако впрямую эта тема рассматривается редко (возможно, в силу кажущейся очевидности), а если она все-таки затрагивается, то чаще всего в ракурсе «Рим у Плутарха» (с рассуждениями о знакомстве Плутарха с латынью, рассмотрением его гражданской службы и — совсем редко — упоминанием его полного «римского имени: *Lucius Mestrius Plutarchus*) (Stadter 2014: 15; Аверинцев 2004: 278). Историко-литературный контекст творчества Плутарха позволяет рассмотреть тему «греческого» и «римского» в «Сравнительных жизнеописаниях» и с точки зрения предшествующей литературной традиции, однако в рамках данной работы мы рассматриваем тему именно в аспекте «внешнего» восприятия Плутархом греческой и римской культуры.

Отношение Плутарха к Риму демонстрируется уже в первом из дошедших до нас произведений автора — «Об удаче римлян» (*Περὶ τῆς Ρωμαίων τύχης*). Эта работа, написанная в первой половине 60-х годов I в., представляет собой, по-видимому, ученическую декламацию на довольно популярную тему и важна именно потому, что формирует ту систему взглядов и подходов во взаимоотношениях Греции и Рима, которая найдет потом отражение в «Римских вопросах» и в отдельных биографиях «Сравнительных жизнеописаний». Плутарх соединяет здесь греческую концепцию Удачи, способствовавшей взлету Рима, с римской концепцией Доблести. При этом он не противопоставляет греческую и римскую традиции, показывая, что поклонение Удаче свойственно римлянам не меньше, чем грекам (заметим, что некоторые примеры Удачи будут потом подвергнуты критике — например, содействие Нуме нимфы Эгерии в соответствующей биографии («Нума» 8) Плутарх представляет не как свидетельство Удачи, а как умелую интригу

героя); в целом цитаты из греческих авторов, привлеченные в рассказ о римском герое, сопоставление греческих и римских именовании богов, понятий и явлений, перечисление (без различений) греческих и римских традиций создают впечатление о греко-римской культуре как цельном и неделимом континууме.

Плутарх не поддерживает филэллинство эпохи Антонинов декларативным превосходством греческой культуры и традиций над римскими — возможно, потому, что в его эпоху границы «греческого» уже размыты и большинство писателей и риториков позднего эллинизма происходят из восточных провинций (Дион Хризостом и Дион Кассий — из Вифинии, Элий Аристид — из Мисии, Аппиан, Полидевк и Афинея — из Египта) и по этническому происхождению не являются «эллинами» даже в расширенном понимании эллинистической эпохи (например, кельт Фаворин и сириец Лукиан). Лояльное отношение Плутарха к Риму — общеизвестный факт, он говорит о римских традициях «с такой охотой, как едва ли кто-нибудь из греческих авторов его эпохи» (Аверинцев 2004: 279). Этот изначальный баланс «греческого» и «римского» — одно из проявлений уравновешенного отношения к миру, в целом свойственного мировоззрению Плутарха (Аверинцев 2004: 292).

В «Сравнительных жизнеописаниях» картина предстает более сложной. Цель этой работы (точнее, работ — хронология и соотнесенность отдельных биографий остаются предметом дискуссий) можно сформулировать как сравнение двух культур через их ключевые фигуры. При кажущейся простоте задачи ее реализация демонстрирует нам сложную систему взглядов и представлений, что объясняется и объемом текста, и длительным временем создания, и, в не меньшей мере — самим методом автора: Плутарх очевидно приспосабливает принцип изложения к личности героя.

В концепции *Bioi parállhloi* пары героев дополняют друг друга или противопоставляются — в том числе на основании культурных различий. Плутарх показывает либо сходные доблести в различных исторических обстоятельствах, либо сходство судеб при различиях в характере. При этом положительно оцениваемые характеры и поступки — греческие или римские — всегда схожи, а вот критический подход выделяет индивидуальность. Интересно, что эксплицитно «отрицательная» пара (Деметрий» 1) — Деметрий и Антоний — одновременно не соответствует дихотомии «греческое» / «римское»: история Деметрия названа «македонской драмой», а судьба Антония, «драма», заявлен-

ная как «римская» («*Διηγωνισμένον δὲ τοῦ Μακεδονικοῦ δράματος, ὅρα τὸ Ῥωμαϊκὸν ἐπεισαγαγεῖν*», «После того, как разыграна македонская драма, пора начинать римскую», «Деметрий» 53), разворачивается в декорациях эллинистического Египта, и тиранические наклонности героя, как и его «восточные» привычки, создают впечатление его отчуждения от римских доблестей. Заметим, что деление на «греков» и «римлян» не обязательно рассматривать антитетически: классическое деление на «эллинов» и «варваров» перестало быть актуальным в эпоху господства Рима; вдобавок оно было осложнено концепцией происхождения римлян от троянцев и особой ролью Македонии (Bréchet 2008: 85–110).

Стремление к уравновешенности проявляется и в подборе героев: мы видим цельную картину греко-римского прошлого, где полисной Греции соответствует республиканский Рим, на фоне которых очерчиваются фигуры представителей «индивидуалистически организованного мира» (Аверинцев 2004: 393) — Александра и Цезаря; в качестве особой группы выступают борцы против единовластия, как римские, так и греческие: Дион, Тимoleon, Брут, Катон Старший. Пример особого баланса — пара Фламинин / Филопмен: «последний эллин», «враг и недоброжелатель римлян», уравновешивается фигурой борца с Филиппом Македонским, стремившегося приобрести расположение греков и предоставившего им независимость от имени римского сената («Тит Фламинин» 9, 10).

Интересен и принцип использования литературного контекста, и дело даже не в легко объяснимом и вполне ожидаемом преобладании цитат в рассказах о греческих героях и информативной функции, зачастую отличающей их от декоративности немногих цитат в биографиях римлян. В некоторых «Жизнеописаниях» персонаж биографии выступает как герой драмы, а перипетии его судьбы описываются посредством драматической структуры (*deus ex machina*, чередование «эпизодиев» и «стасимов» (краткой характеристики «фоновых» событий и моральной оценки)): это, например, «Кориолан». Похожей «драматической структурой» — чередование «крупного плана» и лиро-эпических частей, ключевая сцена, драматическая в обоих смыслах слова — отличаются также «Цезарь» и «Брут». Примером прямой драматической аналогии является финал биографии Красса — драматический контекст (буквальная репостановка «Вакханок», именование похода Красса «трагедией» — *ἐξῴδιον τὴν Κράσσου στρατηγίαν ὥσπερ τραγῳδίαν τελευτήσαι*», «Красс» 33) эксплицитен и очевидно формирует нарратив. Таким

образом, если греческих героев литературный контекст окружает, римляне скорее становятся его частью.

Наиболее наглядный материал в вопросе сопоставления «греческого» и «римского» представляют, безусловно, синкрисисы — сравнения, которые сопровождают большинство парных биографий. Здесь ярче всего проступает оценочный подход — следствие морализма Плутарха. С одной стороны, и в синкрисисах он стремится к балансу, что особенно ярко проявляется в заключении сопоставления Фламинина и Филопемена: *«Ἐπεὶ δὲ οὕτως ἐξεταζομένων δυσθεώρητος ἡ διαφορά, σκόπει, μὴ τῷ μὲν Ἑλληνι τὸν ἐμπειρίας πολεμικῆς καὶ στρατηγίας στέφανον, τῷ δὲ Ῥωμαίῳ τὸν δικαιοσύνης καὶ χρηστότητος ἀποδιδόντες οὐ φαύλως διαιτᾶν δόξομεν»* («Пусть читатель судит сам, не сделаем ли мы ошибки, если присудим греку венки за военное искусство и талант полководца, а римлянину — за справедливость и сердечную доброту», «Тит Фламинин» 24 (Сопоставление 3), перевод Е. В. Пастернак). С другой стороны, здесь «греческое» и «римское» оказывается в противопоставлении и проявляется различие в отношении к ним Плутарха. Например, в сопоставлении Алкивиада и Кориолана наиболее «драматичный» (во всех смыслах) поступок Марция Плутарх осуждает, явно не учитывая и не понимая отличий в отношении к роли женщины в обществе у греков и у римлян: *«Χαρίσασθαι τῇ μητρὶ τὴν ἀναχώρησιν, οὐ τῆς μητρὸς ἦν τιμὴ, ἀλλ' ἀτιμία τῆς πατρίδος, οἴκτω καὶ παραιτήσει διὰ μίαν γυναῖκα σφωζομένης»* («Снять осаду в угоду матери было не честью для матери, а бесчестьем для отчизны, спасенной жалобными просьбами одной женщины», «Алкивиад» 43 (Сопоставление 4)); точно так же он не видит разницы между греческим отношением к «народу» и римским — к «плебсу». В биографии того же Марция, хоть и имплицитно, выражено коренное отличие греческой культуры и традиции, определяющее характер героя и, в конечном итоге, его судьбу, — это «пайдейя», система воспитания, которая отсутствовала у Кориолана, а также, например, у Гая Мария («Марий» 2). Впрочем, у римлян ее вполне могут заменить «законы отечества» (*«ὅπῃ τῶν νόμων καὶ τῆς πατρίδος»*, «Тимолеонт» 41 (Сопоставление 2)), как это было с Эмилием Павлом.

Таким образом, по каким бы критериям ни проводилось сопоставление, результатом оказывается баланс положительных и отрицательных черт каждой из сторон. Однако греческие доблести и достижения отнесены в прошлое, римские — устремлены в будущее, что видно в синкрисисе Перикла и Фабия Максима («Фабий Максим» 30 (Сопо-

ставление, 3)). Указывая на расхождения в частности, в целом Плутарх видит много сходства между Римом и Грецией (точнее, между Римом и Афинами), пытаясь найти в том числе ответ на вопрос, почему взлет Афин оказался столь кратким, в то время как господство Рима — столь долгим и прочным.

ЛИТЕРАТУРА

- Аверинцев 2004 — *Аверинцев С. С.* Плутарх и античная биография // Аверинцев С. С. *Образ античности*. СПб.: «Азбука-классика», 2004. С. 225–278.
- Bréchet 2008 — *Bréchet Ch.* Grecs, Macédoniens et Romains au «test» d’Homère. Référence homérique et hellénisme chez Plutarque // *The Unity of Plutarch’s Work. ‘Moralia’ Themes in the ‘Lives’, Features of the ‘Lives’ in the ‘Moralia’*. Edited by Anastasios G. Nikolaidis. Berlin, New York: De Gruyter, 2008. P. 85–110.
- Stadter 2014 — *Stadter Ph. A.* Plutarch and Rome // Mark Beck (Hrsg.): *A Companion to Plutarch*. Chichester: Wiley-Blackwell, 2014. P. 13–31.

А. А. Евдокимова (Москва)

Диалог византийской
и александрийской систем акцентуации
в греческих граффити из разных балканских
памятников

Если последовательно проанализировать все случаи, когда встречаются те или иные диакритические знаки¹ в граффити двух памятников: собора Святой Софии в Константинополе и храма, который был в Парфеноне в Афинах, то возникнет следующая любопытная картина.

При сокращениях в некоторых надписях происходит сдвиг ударения вправо в трехсложном слове, и акут с третьего слога от конца переходит на второй или со второго на третий. Например, в граффито из Афин (без даты, Orlandos 1973: 7, № 14) написано «δεσπ'να», само слово с сокращениями, и пропущено «οι» или тот гласный, который там предполагался вместо него. В той же надписи над дифтонгом в «βῶεῖ»² стоит знак, который традиционно расшифровывается как «ὀν», а гласная второго слога пропущена. Таким образом, мы можем говорить о том, что в этой надписи знаки ударения используются как указатели пропущенных гласных и указывают на место пропуска, в остальных случаях ударение отсутствует. Однако в приведенной форме глагола знак для сокращения с ударением «ὀν» стоит не перед «θ», а после. Этот же знак сокращения для «ὀν» дважды повторен после в традиционном своем значении в «τ̄ ὀ = τ(ὀν) σ(ὀν)». Упомянутый знак сокращения «τ̄» — часто единственный диакритический знак константинопольских граффити (Evdokimova 2011: № 2, № 5, № 9–10).

В другом граффито (без даты, Orlandos 1973: 9, № 18) оказываются ударными два глагола «μνήστῆτι» и «δῶς», а также два слова с сокращениями «δῶλ» и «αῶτ̄». Так слово «δῶλ» имеет обремененное ударение на

¹ Анализ проводился по прорисовкам и фотографиям, представленным в изданиях.

² Здесь и далее все примеры приведены в оригинальной орфографии.

первой части дифтонга «ου», а второе ударение является переносом с клитики, хотя вместо акута употреблен знак грависа. То же самое в константинопольском граффито (Antoniades II: 303, илл. 391, нет в РНП7, Van Nice: SW, 2 pier) «βοήθη τὸν δοῦλ», остальные слова в граффито без диакритики и ударений. В еще в четырех надписях из Константинополя находим вариант с сокращением артикля: «τ̄ δδλ» (Evdokimova 2010: № 1, № 7), с повтором артикля и без сокращения «[τ]ὸN τ̄ δδλ» (Evdokimova 2010: № 3) и с безударным вариантом сокращения артикля в другом памятнике, найденном рядом: «τ̄ δδλ» (Evdokimova 2010: № 4). В первом из них встречается имя с ударением на треме «Ζα χ̄ ῑ» (Evdokimova 2010: № 1). Похожий случай переноса с клитики, но без сокращений в 197 граффито (Orlandos 1973: 158–160, № 197) гравис на последнем слоге в «σοτηρίων».

Надпись (без даты, Orlandos 1973: 13, № 24) содержит легкое придыхание вместо тяжелого над «ἀμαρτολον», акут на имени «Πέτρον» и на существительном «δδλον» и гравис над «αμῆν», остальные слова в надписи безударны. Поскольку дифтонг «ου» написан лигатурой, то неизвестно, на какую часть автор поставил бы ударение, поэтому выше она цитируется в классической постановке.

В афинском граффито 1314 года (Orlandos Orlandos 1973: 16–17, № 26) также ударными оказываются два слова с сокращениями «Νικώλ» и «δουλ̄», два с дифтонгами «κὰ» и «τδ̄», и еще четыре маркированы: «οιουλήου», «αθήνου», «ὰ» в значении цифры и «έτ(ους)», остальные безударны. В существительном «δουλ̄» формально гравис также может служить обозначением для безударного сокращения «ον». В случае, если автор считал его также и ударением, то мы наблюдаем сдвиг ударения вправо при сокращении или переносом с клитики, о чем мы уже писали выше. Отдельного внимания заслуживает использование грависа в «αθήνου» на втором слоге от конца, традиционно такое употребление отсутствует в византийской системе акцентуации, но возможно в александрийской. Оба слова с дифтонгами написаны с грависом, в первом случае, как принято в александрийской системе акцентуации, наблюдается сдвиг влево, во втором мы вполне можем предположить то же самое, однако дифтонг написан автором лигатурой, как и в № 24, что не позволяет сделать уверенных выводов. Отдельного внимания заслуживает использование легкого придыхания вместо тяжелого, как в предыдущей записи в слове «ἀγίωττ», поскольку остальные слова, начинающиеся на гласную, и в этой надписи, и в предыдущей никак не

маркированы. Можно предполагать, что для этих авторов такая маркировка показывала отличие в качестве придыхания и фиксировала произношение в этих словах даже в такое позднее время некоего призвука до основного гласного. Остальные акцентуированные существительные в этом памятнике находятся в рамках византийской системы.

В надписи № 31 (без даты, Orlandos 1973: 19–20, № 31) также встречается знак сокращения для «ὸν», дважды и оба раза в артикле «τὸν», при этом акутом отмечен эпоним «Κοκκαλάν», явно как наиболее незнакомое слово для читателя. В другом граффито (без даты, Orlandos 1973: 20, № 32) два ударения на весь текст, один гравис в значении сокращения «ον», традиционно в артикле «τὸν». А второе, акут в «βό(η)θ(ει)» иллюстрирует ту же систему, которая представлена в надписи № 14, когда ударение ставится на слово с сокращением и формально переносится влево со второго на третий слог от конца. Эта же система зафиксирована и в прорисовке константинопольского неизданного граффито, выполненной Ван Найсом (Van Nice: Br-4, gallery, SW bay, col 49, Br3), в сокращении «πρ'βυτερο» сдвиг акута влево.

В надписи № 39 1153 года (Orlandos 1973: 25–26, № 39) при последовательной постановке ударения и различения густого и тонкого придыхания в двух сокращениях «ἀγιώττ» и «μῆτρολόλ» происходит тот же сдвиг ударения влево, что и в выше описанных случаях. А также в другом сокращении используется гравис «ὀρ» и возникает сдвиг на второй слог от конца. В надписи № 40 1160 года (Orlandos 1973: 27, № 40) происходит сдвиг влево «ἐτελείωθ(η)» на третий слог от конца, при этом, поскольку дифтонг написан в виде лигатуры, мы не можем доподлинно установить, на какой части дифтонга автор предполагал ударение. Нетрадиционный для этой системы сдвиг вправо происходит при сокращении имени «Γεωργ' (ις)», и этот сдвиг в отличие от приведенных выше никак нельзя объяснить переносом ударения с клитики.

В надписи № 43 (без даты, Orlandos 1973: 30, № 43) в дифтонге сдвиг акута влево, на его первую часть «δούλου». В другом граффито 1121 года (Orlandos 1973: 34–35, № 47) также сдвиг ударения влево в «(ἀ)γιώτ(α)τ(ος)» на четвертый слог от конца, а в «ἐτόυς» происходит сдвиг акута вправо на первую часть дифтонга. Над «τ(οῦ)» и второй согласной в «N(t)κ(ή)φ(ορος)» стоит знак сокращения, который указывает на пропуск гласной и по своему виду похож на более жирно выделенный гравис, а над первым согласным в «μ(η)τροπολ(ίτης)» такой же вариант в виде акута.

В надписи (Orlandos 1973: 36–38, № 48) 1175 года, найденной в Парфеноне, «ὄ», «ἀγῴτ(α)τ(ος)» имеют классические значки для обозначения густого придыхания. В «ἄγῴτ^{δρτ} ὢ» используются сразу два знака: акут и густое придыхание, словно автор читал это сложное слово как два отдельных, и каждое со своим ударением. А в конце использован тот же принцип — появление грависа или двойного грависа для обозначения ударения на пропущенной гласной. Остальные слова без знаков ударения или придыхания, только в двух словах со слогом «νῖ»: «Νικόλαο(ς)» и «μῆνῖ», над йотой стоит трема.

В граффито № 51 (без даты, Orlandos 1973: 39, № 51) два слова с классическим византийским ударением: «φιλούμένον», «μεγάλω», и у третьего ударного слова опять гравис на третьем слоге от конца вместо второго «πάρωντον». Остальные слова без диакритических знаков. В надписи № 57 1030 года (Orlandos 1973: 44, № 57) всего три маркированных диакритикой слова: акут в «αγῴτατος», густое придыхание и обремененное ударение в «ἡμῶν» и густое придыхание в «έτους». В другом граффито (без даты, Orlandos 1973: 83, № 91) два слова с акутом: «βασιλεία» и «Π[αναγ]ίας», остальные слова без ударения и других диакритических знаков. В надписи № 131 (без даты, Orlandos 1973: 107, № 131) акут вместо обремененного ударения «οργή». Возможно, как смысловое выделение слова.

В другом граффито 1482/3 года (Orlandos 1973: 118, № 149) в сокращениях ударение смещается вправо, в то время как ударный гласный опускается: «Φργγός» и «Κουκοπλ´». Такое же смещение на надписи 166 (Orlandos 1973: 133, № 166) 1482/3 года, посвященной тому же адресату «Φραγγός», только гласная не пропускается. В надписи № 176 (без даты, Orlandos 1973: 142, № 176) сдвиг акута влево при сокращении со второго на третий слог от конца «δῆκ(αι)ο·[—]» и в «δικ(αι)όσοι[ναι]». Традиционное место ударения в глагольной форме «μνησθόσην», остальные слова без ударения. Автор надписи № 177 (без даты, Orlandos 1973: 143, № 177) вместо знака придыхания использует акут в глаголе «έτε[λειω]θη(η)», поскольку форма сокращена, то, возможно, это перенос ударения влево при сокращении, как в предыдущей надписи. В существительном «δουλ´» акут используется в качестве знака сокращения окончания. В имени «Γεώρυ(ιος)», несмотря на сокращения, никакого сдвига ударения не произошло, в артикле «τοῦ» поставлено обремененное ударение, «ἡμέρα» акут.

В надписи № 228 (без даты, Orlandos 1973: 180, № 228) использовано классическое ударение «δέσπῆνα», вполне вероятно употребление

знака двойного акута в качестве смыслового акцента «θκὲ». Знак сокращения для «ὄν» встречается в традиционном своем значении после в «τ̄» («τ(ὄν)»). В прорисовке граффито из Константинополя (без даты, Antoniadès II: 289, илл. 360) используются двойные грависы — дважды в «τ̄», однако в первом случае это не согласуется с дальнейшим контекстом при традиционной расшифровке «τ̄ δούληθ̄ου Ἰω(άννη) ἡ Λα·(—)». В граффито из Константинополя (Antoniadès II: 303, илл. 390, нет в РНП) помимо тремы в «θῦ» и фрагмента «βοήθη τ̄» встречается нетрадиционная постановка ударения «Γ'ω», которую можно интерпретировать как сдвиг влево в сокращении, после него классическое сокращение из двойного грависа «τ̄» («τ(ὄν)») остальные слова без ударения. Любопытен тот факт, что эта надпись приводится в прорисовке в архиве Роберта Ван Найса (Van Nice: SW gallery, 2nd pier), и он подтверждает только одну диакритику «τ̄». В другой прорисовке из архива Ван Найса (нет фото¹, Van Nice: SW Gallery, 2nd pier, SA) перенос ударения с клитики отмечен: «ελεηθ̄», сама клитика в прорисовке отсутствует, и таким же двойным грависом выделен классический гравис на конце слова «αμαρτολ̄». Начало текста отличается, но оба эти слова встречаются в таком же написании в прорисовке другого константинопольского граффито (нет фото, Van Nice: West Gallery CD). В другом граффито (в РНП отсутствует, Antoniadès II: 40, илл. 238) «τ̄» — двойной акут вместо грависа в сокращении «ὄν», остальные слова в надписи без диакритических знаков.

В граффито из Константинополя 1379–1389 гг. (Antoniadès II: 318, илл. 426) при сокращении сдвиг акута влево со второго от конца на пятый слог в «ἄγιωτ(α)του». И в конце граффито полностью акцентуированный фрагмент, кроме пропущенного придыхания на первом слове: «οικουμενικοῦ π(α)τριάρχου πολλὰ τα ἔτη», остальные слова в надписи не акцентуированы.

Отдельно стоит выделить игру ударениями в одном слове в константинопольском граффито «μ(ο)ναχοῦ μονάχου» (Antoniadès II: 318, илл. 425).

На иконе Богородицы X–XI вв. из Константинополя (Antoniadès I: 170, илл. 197) глагол «ἐξέλεθη» с классическим византийским ударением и облеченным придыханием. В то время как в этой же надписи в союзе

¹ Некоторые из прорисовок Ван Найса соответствуют фотографиям граффито на пленке, большая часть из которых так и не были распечатаны.

«`ка» использован либо украшательный элемент, либо гравис до начала слова, фактически перенос влево при дифтонге. В граффито св. Софии (без даты, Antoniadès II: 317, илл. 423) то же ударение поставлено чуть раньше гласной, к которой оно относится: «Αρσ` ενιος». В надписи № 111 (без даты, Orlandos 1973: 94, № 111) акут вместо грависа «κα<ι> ση {σὺ} με τ` α ομ(μ)ατια σο[υ]». Возможно, перед нами либо свидетельство другой системы акцентуации, либо определенная палеографическая особенность ряда памятников.

Существовала еще система, которая переключалась с византийской и александрийской: текст в основном был без диакритических знаков, а ударением отмечались лишь некоторые слова. Так, в граффито из Константинополя «Κυ(ρι)έ» (Antoniades II: 209, илл. 295) сдвиг акута в сокращении вправо, возможно, как смысловое выделение. В афинской надписи (без даты, Orlandos 1973: 9, № 18) над сокращением «Κ(υρι)έ» стоит гравис. Вполне вероятно, постановка такого ударения указывает на то, что в некоторых случаях данное сокращение и читалось в таком сокращенном виде. Другой вариант того же выделения наблюдается в граффито (Antoniades II: 339, илл. 487): гравис на сокращении, стоит перед гласной «Κ`ε». Самая ранняя надпись, где встречается двойной акут в качестве пометы ударения над сокращением, относится к 693 году (Orlandos 1973: 21–22, № 34), и это единственный диакритический знак на весь текст, над словом «επισκ». Скорее всего, явление того же порядка — это выделение клитики из всего текста гравис «σοὺ» (Antoniades II: 209, илл. 295) или облеченное ударение «σῶ» (Antoniades II: 339, илл. 486).

Таким образом, можно заключить, что сдвиг ударения влево, характерный для александрийской системы акцентуации, был распространен в граффити и в Афинах, и в Константинополе и чаще всего встречался в сокращениях или в дифтонгах. Также эти ударения в сокращениях маркировали пропуск ударного гласного и иногда служили смысловым акцентом слова. Достаточное число надписей из других балканских памятников дает подобную картину: последовательное проставление знаков ударения в рамках византийской системы акцентуации и сдвиг на некоторых дифтонгах влево, словно дань александрийской традиции. Возможно, причина этого явления в другом: поскольку дифтонги были монофтонгизированы и уже в византийское время в массе своей на их месте произносился один звук, то такое ударение на первую часть дифтонга указывает на ударение на этот один звук в произношении.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Antoniades — *Antoniades Eu. M.* Ἐκφρασις τῆς ἁγίας Σοφίας. Bd. I–III. Athens: Τύποις Π. Δ. Σακελαρίου, 1907–1909.
- Евдокимова 2010 — *Евдокимова А. А.* Греческие граффити Софии Константинопольской. К вопросу об истории изучения // *Историография источниковедения и вспомогательных дисциплин. Материалы XXII международной конференции.* Москва: РГГУ, 2010. С. 201–205.
- Евдокимова 2011 — *Евдокимова А. А.* Греческие граффити из собора Софии Константинопольской (предварительные замечания) // *Индоевропейское языкознание и классическая филология – XV (чтения памяти И. М. Тронского).* Материалы конференции, проходившей 20–22 июня 2011 г. / Казанский Н. Н. (отв. ред.). Санкт-Петербург: Наука, 2011. С. 159–164. (Индоевропейское языкознание и классическая филология, 15.)
- Orlandos 1973 — *Orlandos A. K., Vranoussis L.* Τὰ Χαράγματα τοῦ Παρθενῶνος. Athens: Ακαδημία Αθηνῶν, 1973.
- Van Nice — *Van Nice Robert L.* Records and Fieldwork Papers in Dumbarton Oaks, Image collections and Fieldwork Archives. Washington, DC.

Л. И. Акимова (Москва)

ВАЗЫ КАНОЗЫ: ГРЕКО-БАЛКАНСКИЕ И ИТАЛИЙСКИЕ ГОЛОСА

Коммуникация в культурно-сложных обществах могла осуществляться не только в речевых, письменных, поведенческих и прочих актах, но и в сфере искусства. Памятники способны запечатлеть «голоса», исходящие от разных этносов и традиций, иногда образуя очень сложные композиционные и образные структуры. Об этом, в частности, говорит искусство Канозы — города в Апулии, находившегося в сфере влияния Тарента — крупнейшей греческой колонии в Италии (705 до н.э.). Ныне это Каноза ди Пулья, римский Канузиум, в греческое время производивший чеканку монет с легендой ΚΑΝΥΣΙΝΩΝ. Здесь говорили на греческом языке, хотя местное население — в основном давны, обитавшие на севере Апулии, — соседствовало с многими другими народностями (япиги, мессапы, салентины, певкеты и прочие), чьи диалекты входили в понятие «мессапский язык». Гораций, которому пришлось проезжать через Канозу, писал о *Canusii more bilinguis* (Sat. I.10.30; *Art grec insolite* 1988: 3).

Западные греки жили в состоянии постоянных конфликтов с местным населением, как показывают хотя бы посвящения Тарента в Дельфы. В конце VI или начале V в. до н.э. виднейшему тогда ваятелю аргосцу Агелладу была заказана бронзовая группа: всадник и группа пленных мессапиянок (Paus. X.10.6). А около 468 до н.э. другой известный скульптор, Онат из Эгины, исполнил новую композицию: вождь япигов Опис, распростертый перед Тарасом (эпоним Тарента), Фаланфом (местный герой) и дельфином, символом моря (Paus. X.13.10). В IV в. до н.э. начались столкновения с северными соседями греков — Этрурией и Римом, и Тарент потерял независимость (272 до н.э.).

Но, несмотря на тяжелую ситуацию, в Апулии с последней четверти V в. до н.э. начинает широко укореняться погребальный культ. Развивается строительство гробниц, не имевших места в балканской ме-

трополии, причем с конца V в. до н.э. появляются большие подземные галереи *гипогейи*, в Канозе — самые многочисленные и монументальные из всех западногреческих. Техника сооружения — вырубание в мягкой туфовой породе — близка этрусской и наследует местную давнийскую традицию погребений с гроттами (*tomba a grotticella*); планы — анфиладные, центрические и в виде латинского креста — перекликаются с этрусскими; архитектурные членения, монументальные ордерные фасады и общая структура роднят их с македонскими гробницами Вергины, Лангазы, Ниаусты, которые в свою очередь заимствуют идеи Малой Азии (Ликия и др.) (Lamboley 1982: 117–119, 124–125, 139–142). Пути заимствования шли через Эпир и Адриатику, но в гипогейях Канозы практически нет скульптурного декора и росписей, нет надписей ни на порталах, ни внутри (местная черта), они не покрывались тумулусами, как гробницы Этрурии и Македонии. Их отличительная черта состоит в наличии большого числа *керамических ваз*, которые к эпохе эллинизма в греческих гробницах практически исчезли. Общий вид погребальной камеры в крупнейшем гипогее Канозы, Лаграста I, с ложем умершей и расставленными вокруг дарами, дает реконструкция архитектора Карло Бонуччи (Bonucci 1888: 233 и далее).

Основную массу керамики составляли расписные краснофигурные вазы, существовавшие почти до конца IV в. до н.э. Вазописная школа была создана не спартанцами Тарента, а афинянами, основавшими еще четыре школы в Великой Греции, из которых апулийская была самой значительной и продуктивной — ей принадлежит половина всей вазописной продукции западных греков (свыше 13 000 ваз). Если эта продукция, адаптируясь к местным вкусам, «варваризировалась», то незначительно: италийскую вазопись до сих пор рассматривают как заключительную главу аттической, к этому времени уже исчерпавшей свой потенциал. Помимо краснофигурных, умершим дарили сосуды местной работы, аски (в виде винного меха), известные еще до прибытия греков в Италию, но теперь сильно укрупнившиеся, с легкими полосами орнамента (т.н. *vasi listati*). Промежуточное место заняли с кон. IV в. до н.э. «полуварварские» или «необычные греческие» сосуды с пластическим декором и часто с темперной росписью — те же местные аски, а также кратеры или кувшины с воронковидным устьем, вазы в виде женской головы (*head-vases*) и другие (van der Wielen 1978: 144). Важно отметить, что сосуды всех упомянутых групп — *не функциональны*, созданы специально для погребений и имеют символический смысл.

Обратим особое внимание на сосуды последней группы, именуемые в литературе *vasi canosini*. Попытаемся понять их структуру, чтобы вычленили слившиеся в них «голоса». Наиболее своеобразны аски, достигающие порой метровой высоты. Их объемное тулово, как у всех ваз вообще, соотносится с *материнским лоном*, в которое человек уходит по смерти и в котором он возрождается. Это лоно мыслилось водным хаосом, средой первотворения, и, чтобы возник новый мир / человек, хаос должен был быть *разделен* (разрезан, рассечен, расколот) на две половины — мужскую и женскую. Обычно активной, жреческой функцией, наделена женская часть первомира; так Гея у греков кастрировала (руками сына Кроноса) супруга Урана, чтобы рождались «нормальные», не чудовищные, существа.

В Канозе такая Праматерь — назовем ее Владычицей вод — представлена на фасадных атташах головой горгоны *Медузы*. Это голова — отчлененная от тела, представляющая результат совершённого космогенеза (отсюда популярность горгонейона в античном искусстве), обрамленная змейками, но с крыльями в волосах. Т.е. она распространяет свою власть и на Низ (водный хаос), и на Верх (небеса). Вот почему наряду с ней (или вместо нее) нередко возникает обычная женская голова — некоей Богини, появившейся на шейках краснофигурных ваз еще с 340 до н.э. Изображения таких рельефных голов (как и других изобразительных форм) на канозанских вазах могут множиться, что говорит о поздней стадии развития связанных с ними ритуала и мифа.

Вторую половину первосущества, ее мужского паредра, представляет *коть*, зооморфный образ бога-солнца, сменивший в бронзовом веке *быка*. Он представлен на вазах выше горгонейона, часто двумя, тремя или четырьмя *протомами* (передними половинами тела), словно вырывающимися изнутри сосуда. Кони могут антропоморфизироваться, превращаясь в кентавров и даже сохраняя архаичное наследие — бычьи рога. На *полихромных вазах* тулово аска украшено сзади пальметтой и по бокам фигурами тех же коней и дельфинов, говорящих о водной среде. Но эти кони, как правило, — еще «полуморские», в виде гиппокампов с тритоньими хвостами. Они еще пребывают в мире хаоса, не до конца оформлены, не «разделены». А те, что вырываются из стенок, уже «космичны», материализованы: выходят в мир жизни, исполненные жажды действия и «барочного» пафоса.

Сам такой сосуд воплощает образ космоса: стенки делятся декором на четыре «части света», в высоту выстраиваются три яруса фигур. Верхний ярус представляют обычно женщины, именуемые «плакаль-

щицами», «жрицами», «орантами» (van der Wielen 1978: 148). Иногда бывает одна центральная фигура, стоящая внутри горла аска или позади него, иногда три, крылатые или бескрылые, жестикулирующие или нет, стоящие на дополнительных ложных горлах или специальных площадках, плинфах, цоколях. Очень важно как раз их *устойчивое стояние*, и фигуры эти, даже несмотря на присущую некоторым эллинистическую вольность поз, всегда акцентируют свою тектонику. Они сформованы в греческих матрицах и повторяют стандартные типы. Вероятно, они представляют (в умноженном варианте) все ту же Владычицу — в верховном ее аспекте. Едва ли не единственным атрибутом ее бывает *phiaла* — чаша для ритуальных возлияний, предназначенных для воссоединения в «священном браке» Низа с Верхом, т.е. для возрождения. Маска Медузы, полускульптурные фигуры кентавров-коней, расписное тулово сосуда, женские статуэтки с нередко энергичной жестикуляцией — все это, водруженное на округлом сосуде, создает впечатление причудливой сценической композиции, возможно, навеянной западногреческим театром. Пластические элементы — греческие, основа-сосуд — давнийская, сочетание пластики с живописью — местно-канозанское (полугреческое, полудавнийское), а вместе — уникальное для древности создание, атектоническое, порождающее «головы без тел» и «тела, растущие из голов» (ср. Art grec insolite 1988). Проблема обособления *головы* в самостоятельный изобразительный объект пока никем не изучалась, но можно думать, что она прижилась в Канозе благодаря этрускам (ср. аташи «косатых богинь» в вазах буккери, жанр вотивных голов и др.) и в еще большей мере римлянам. Римляне, как известно, высоко ценили греческие статуи, воплощавшие универсум в форме совершенного человеческого тела, но сами культивировали только портрет и бюст, легко заменяя головы у статуй своих богов портретами правителей.

Таким образом, погребальные вазы Канозы с их сложным образным строем — это целый хор, в котором сливаются голоса балканских греков, давно осевших на Апеннинах спартанцев Тарента; афинян, создавших все варианты иконографии; давнийцев, внесших свой вклад в идею создания подземных гробниц и снабдивших канозанцев местными типами сосудов; македонян, передавших Канозе идею архитектуры гипогеев; этрусков, оказавших влияние на планы гробниц и формы вазового декора; римлян с их «культом головы». Это искусство порождено интенсивными связями его творцов с другими — как в реальной, живой среде, так и в среде невидимых и неосязаемых традиций, накапливающихся поколениями в ментальном тезаурусе их носителей.

ЛИТЕРАТУРА

- Bonucci 1888 — *Bonucci C.* Canusium // Ruggiero M. Degli scavi di antichità nelle Province de Terraferma. Napoli, Tipografia di Vincenzo Morano, 1888. P. 523–561.
- Lamboley 1982 — *Lamboley J.-L.* Les hypogées indigènes apuliens // *Mélanges de l'École français de Rome. Antiquité.* T. 94. No. 1. 1982. P. 91–148.
- Art grec insolite 1988 — *Art grec insolite. Terres cuites hellénistiques de Grande Grèce dans les collections privées genévoises. Exposition, 10–26 mars.* Genève: Association Hellas et Roma, 1988.

СЛОВО

1. СИСТЕМА ЯЗЫКА

DOI: 10.31168/2618-8597.2019.15.7

Helmut W. Schaller (Marburg)

TURKISH, BULGARIAN AND MACEDONIAN – MORPHOSYNTACTIC SIMILARITIES IN THE NOMINAL SYSTEMS

The peculiarities of Balkan languages nominal inflections are closely connected with the use of definite articles, as there are postpositive articles in Bulgarian. Macedonian, Albanian and Rumanian, prepositive articles in Modern Greek and copulative articles in Albanian, Rumanian and Modern Greek connecting nouns with adjectives. The tendency towards analytism of the nominal system is not specific only for Balkan languages, but it can also be found in many other European languages. So this is not only a question of Balkan linguistics but also of Eurolinguistics. Characteristic of the Balkan languages, however, are a number of phenomena that accompany these analytic tendencies, especially the use of articles, postpositive, prepositive and copulative, as well as the doubling of clitics connected with direct and indirect objects, and above all the abundance of the verbal systems in all these languages. No articles are used in the Northern Southeastern European languages (Serbian, Croatian, and Slovene), and in other West and East Slavic languages, e.g. Polish, Czech, Russian, Ukrainian, and Belarusian. Prepositive articles like in Modern Greek are found in most of the European languages, but postpositive articles can be found in Scandinavian languages and in some northern Russian dialects. We have to raise a question, if the Balkan area is special regarding the use of articles (except Serbian, Croatian, and Slovene). The term “area” is used in dialectology for any geographical region isolated on the basis of its linguistic characteristics. An “areal classification” would establish “areal types” or groups, such as Scandinavian or

Balkan languages, where it is possible to show certain common linguistic features as a result of the proximity of speech communication. But there is no geographical proximity between Balkan and Scandinavian languages, the identities must be typological. It is often possible to identify a local area — the region from which these linguistic characteristics have spread to the area as a whole, and several other significant parts of an area have been terminologically distinguished, e.g. the transitional areas which occur between adjacent areas, the relic areas which preserve linguistic features of an earlier stage of development, as it was pointed out by the leading Bulgarian linguist Stefan Mladenov, when he writes in his history of the Bulgarian language about the origin of articles in Bulgarian:

Der postpositive Artikel ist das bekannteste Charakteristikum des Bulgarischen. Von fremdem Ursprung dieser Spracheigentümlichkeit sollte heutzutage kein Sprachforscher mehr sprechen: den nordgroßrussischen Mundarten ist der postponierte Artikel ebenso gut bekannt, und in der russischen Literatur sind bei älteren und neueren die Volkssprache verwendenden Schriftstellern ... eine Menge von interessanten Beispielen für den Artikel nachgewiesen. Die Postposition der Pronomina war eine urslawische, ja vorlawische Erscheinung, die Anfänge des postpositiven Artikels sind also für altbulgarische zu halten.

(Mladenov 1929: 215)

In Ancient Greek we find an Indo-European case system with eight cases, reduced in Old and Middle Greek. On Albanian and its peculiarities concerning articles Ernst Levy wrote:

Das Albanische scheint, dem Typus nach, die entscheidende Sprache des ganzen balkanischen Gebietes zu sein. In ihr sind die anreihenden den deutenden Züge, die mehrfachen rein demonstrativen Artikel, die Vorausnahme des Objektes, der eigenartige Bau des Relativums am deutlichsten entwickelt und lassen sich am ehesten systematisch aufeinander beziehen, hier sind auch Genitiv und Adjektiv, als eine Kategorie zusammengeordnet... Die balkanischen Züge, die oft genug aufgezählt sind und eben im Albanischen am vollkommensten vereint sind, eben gemeinsam die Demonstrativität (postponierter und Verbindungs-Artikel, Aufnahme des Objekts, Struktur des Relativums = relativem Element, Demonstrativum und die Verbalität), die man in der Beseitigung des Infinitivs (des alten Futurs), dem Anschluss des Nebensatzes durch „und“, wohl spüren darf, wozu das Fehlen des Gerundiums und die Erhaltung des Aorists sich wohl fügen.

(Levy, 1942, 142)

Looking at the Hungarian and Turkish languages, not belonging to the Indo-European group of languages, but geographically quite near to the Balkan languages, we find in Hungarian an indefinite and definite article, namely *egy*, e.g. *egy leány* = “a girl”, *egy lámpa* = “a lamp”, but *a lámpa* = “the lamp”, *a könyv* = “the book”. There is a differentiation with *ez* “something or somebody quite near to the speaker” and *az* = “something or somebody far from the speaker”. Turkish nouns do not have a grammatical gender nor a definite article. The noun *ev* means “house”. Only the indefinite article is used by the numeral *bir* = “one”, *bir ev* = “any house”. *Bir* is also used together with adjectives and substantives, e.g. *büyük ev* = “the large house”, *büyük bir ev* or *bir büyük ev* = “a large house”.

All Scandinavian languages have not only an indefinite, but also a definite article, which is used as suffix behind the noun, e.g. Norwegian *hest* = “horse”//*hesten* = “the horse”, *hage* = “garden”//*hagen* = “the garden”, *bok* = “book”//*boka* = “the book”, *gate* = “street”//*gata* = “the street”. The indefinite article *en* is used as a separate word before the noun, e.g. *far* = “father”//*en far* = “a father”, *born* = “child”//*en born* = “a child”. The same grammatical conditions we find in Swedish, e.g. *en blomma* = “a flower” with genitive and dative *en blommor*//*blomman* = “the flower”.

Following Kristian Sandfeld with his description of definite articles in the Balkan languages (Sandfeld 1930: 165–170), Ernst Levy pointed out that the Balkan area seems to be a “demonstrative area” because of postposed articles (Levy 1942: 64). The German linguist Eduard Schwyzer discussed a borderline between European languages with definite articles and without such articles:

Artikelhaft sind heute im allgemeinen die indogermanischen Sprachen westlich einer Linie, die von Tomea am Nordende des Bottnischen Meerbusens über Königsberg nach Triest und weiter nach Brindisi führt, artikellos eher im allgemeinen, die östlich dieser Linie gesprochenen indogermanischen Sprachen... Ein genaueres Bild entsteht, wenn man die Linie Königsberg – Triest durch die deutsche und die anschließende italienische Sprachgrenze ersetzt. Aber auch dann bleibt außerhalb der allgemeinen Grenze ein sehr großes Artikelgebiet auf dem südlichen und östlichen Balkan, nämlich das albanische, griechische und rumänische Sprachgebiet. Und in Asien kommt zu den europäischen Artikelsprachen noch das Armenische hinzu.

(Schwyzer 1983: 154)

We find a considerable number of publications dealing with the question of Turkish influence in the Balkan languages, especially in Bulgarian and

Macedonian, but there are no monographs dealing with Turkish influence and its role in former and modern Bulgarian language either then Mosko Moskov's (Moskov 1958) and Maksim Stamenov's (Stamenov 2011) publications on these questions. It is evident that the Turkish rule, which lasted for many centuries on the Balkan peninsula including Bulgaria and Macedonia, must have left deep traces on the culture and languages of the peoples living there. But since the liberation from Turkish rule the number of Turkish words in the actual use in all non-Turkish languages in the Balkans decreased tremendously. Since the end of World War I, Turkish words were found in great number only in regions with Turkish minorities or in the neighborhood of a Turkish majority. But educated Bulgarians still use today a lot of Turkish loanwords. Turkish expressions have permeated the Slavic vernacular in all the towns from the Aegean Sea to the Danube, from the Black Sea to Belgrade and from there to the river Drina.

We have to deal here with two fields of the grammatical systems of Bulgarian and Macedonian compared with Turkish, that is, the nominal system with postposed articles and comparison.

The definite article is a determiner attached to a noun phrase to indicate that the noun phrase refers to an entity that the hearer can pick out in the context. Not all languages have definite articles, many languages signal definiteness by case affixes or by word order. Different languages with definite articles have different patterns. In Italian definite articles combine with proper names: *il Giorgio* = "the George", i.e. "George", in English they do not. Thus the article is a determiner which signals whether the speaker is treating the referent of the noun phrase as definite or indefinite. A definite noun phrase such as "I have left the book on the floor" signals that the book has been mentioned already and/or it is salient in the context. An indefinite noun phrase such as "I left a book on the floor" signals that the book has not been mentioned before. Let us remember that not all languages have articles, and their usage differs among that too.

Let us have at first a look on Bulgarian, where possession is normally indicated by the preposition *na* or by clitic dative pronouns, e.g. *knigata na lekarja* = "the book of the doctor", *knigata mu* = "book + the + to.him" = "his book". The preposition *na* and the dative clitics also serve to mark the indirect object, e.g. *Dadoch knigata na lekarja* = "I gave the book to the doctor", *Dadoch mu knigata* = "I gave him the book". Subject / direct object relations are expressed primarily through word order — normally subject-verb-object — and by concord in person, number and gender between the subject and

the verb. Object reduplication is another possibility through clitic dative and accusative pronouns in the verbal phrases to demonstrate definiteness, e.g. *Marija ja vidja včera* = “Mary + her.acc + (s/he) + saw + yesterday” = “S/he saw Mary yesterday”. Only Rhodopian dialects in Southern Bulgaria show a more synthetic case system.

In Literary Bulgarian we find only one category of postposed article: *čovekāt, knigata, knigite, mjesto, mjestata* etc. Other types of postposed articles are to be found in Bulgarian Rhodopian dialects, they have to be compared with the Macedonian postponed articles.

Every noun in Macedonian may take an article when the person or the thing which it denotes is known before or known in general, f.e. *Dojde profesor na angliški jazik//Dojde profesorot na angliški jazik*. In the first case we are hearing of the professor for the first time, while in the second case the professor has been known from before. This difference is expressed by the article. In Macedonian we find an article system, which is threefold graduated. Besides the indefinite article, e.g. *edna kniga* = “a book”, *knigata* = “the book”, *knigava* = “the book here (within the reach of the speaker)”, *knigana* = “the book far away (but visible for the speaker)”. In Macedonian we find a neutral use of articles, used for anaphoric reference, that also refer to objects proximate to the addressee, e.g. *Čovekot e visok* = “The man is tall”, *Knigata e dobra* “The book is good”, *Deteto e ubavo* = “The child is pretty”. In contrast, we find a set of articles relating to objects proximate to the speaker, e.g. *Zemi si ja knjigava* = “Take the book there”, and finally definite articles which refer to objects that are distant from both the speaker and the addressee, e.g. *Donesi mi ja knjigana* = “Bring me that book”.

In Literary Macedonian we find three categories of the postposed article:

1. *knigata*, the relation of the speaker to the book is a neutral one;
2. *knigava*, the relation of the speaker to the book which is nearby, cf. in German “das Buch dort” or “jenes Buch, das dort liegt”.
3. *knigana*, the relation of the speaker to the book, which is more distant, perhaps not to be seen.

In Turkish the word for “one” (*bir*) is also used as indefinite article: *bir ev* = a house, *bir göz* “an eye”. Demonstrative articles are used in Turkish with *bu* = “this, next to the speaker”, *su* = “this, that, just over there”, *o* = “that, right over there or out of sight”. The situation in Turkish can be compared with the Macedonian usages, but also with the usages in Bulgarian Rhodopian dialects.

Comparative is a construction, syntactic or morphological, allowing two or more entities to be compared e.g. “noisier than Naples”, “as noisy as Naples”, “more beautiful than Athens”, “more eloquently than Cicero”. The adjective and adverb forms that occur in the comparative construction, are either single words like “noisier” or two words like “more beautiful”, and “more slowly” are said to be comparatives or to be in the comparative. Certain adjectives denote properties, such as height, that can be graded. For example, a given person may have a greater grade of height in a particular group of people, e.g. “Susan is taller than Jane”, “Susan is the tallest in the class”. “Taller” is the synthetic comparative form of “tall” or in the comparative grade, “tallest” is the superlative form or in the superlative grade. The basic form “tall” is said to be positive or in the positive grade.

The superlatives are the forms of adjectives and adverbs used for presenting entities as having some property in the highest degree or grade. The term is also applied to constructions containing such words as “the loudest music I have ever heard”, “the biggest city in the world”, in French “Le plus grande ville du monde” or in English “The biggest city of the world”.

The analytic constructions of comparatives in Bulgarian and Macedonian are formed by *po-* and *naj-* and can be seen not only as Balkanisms but also as Europeanisms. Indo-European languages also use suppletive forms, e.g. Latin *bonus, melior, optimus*, German *gut, besser, am besten*, English *bad, worse, worst*, Russian *chorošij, lučšij, plochoj, chudšij, malyj, men'sij, mnogo, bol'se*. In Russian we find besides the regular comparatives irregular forms like *On molože menja, ljudi po-starše*; in German *er ist jünger als ich, ältere Leute*, English *elderly people*. But there are also weakened forms of comparatives, e.g. *On pomolože menja* = “He is a little bit younger than me”, *On budet poumnee nas vseh* = “He might be much wiser than all of us”.

The beginnings of analytic comparatives can be found in “Trojanska Priča” in the second half of the 14th century, where we find constructions like *po bogate ot tebe, naj-lepa* up to the forms *dobār, po-dobār* and *naj-dobār* in Modern Bulgarian, which can be compared with corresponding forms in Rumanian and Modern Greek. But it seems possible that also the Turkish language has influenced the Bulgarian evolution with its forms *güzel, daha güzel, en güzel* with the meaning “beautiful”, “more beautiful”, “most beautiful”, *usun* “long”, *daha usun* “longer”, *en usun* with the meaning “longest”. But there an Indo-European background is also possible, since we find in Lithuanian comparable constructions like *didis, po didis*, with the meaning “big” and “bigger”.

Turkish influence on the nominal systems of Bulgarian and Macedonian seems to be probable. Even if we think of the verbal systems, we find possible influences from Turkish in the evidential systems, a verbal category that does not exist in other South Slavic languages. Besides the internal mutual influences of Balkan languages, Turkish seems to be an important factor for them, especially for Bulgarian and Macedonian.

REFERENCES

- Levy 1942 — *Levy E.* Der Bau der europäischen Sprachen. London: Hodges, Figgis, & Co., 1942.
- Mladenov 1929 — *Mladenov S.* Geschichte der bulgarischen Sprache. Berlin; Leipzig: Walter de Gruyter, 1929.
- Moskov 1958 — *Moskov M.* Borbata protiv čuždite dumi v bālgarskija knižoven ezik Sofija: Bālgarskata akademija na naukite, 1958.
- Sandfeld 1930 — *Sandfeld K.* Linguistique balkanique. Problèmes et résultats. Paris: Champion, 1930.
- Schwyzer 1936 — *Schwyzer E.* Die nominale Determination in den indogermanischen Sprachen // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen 63. Bd. 3./4. P. 145–167.
- Stamenov 2011 — *Stamenov M.* Sādbata na turcizmite v bālgarskija ezik i v bālgarskata kultura. Sofija: Iztok-Zapad, 2011.

Victor A. Friedman (Chicago, Melbourne)

THE CONSERVATIVE NATURE OF MACEDONIAN OBSCENITY:
EVIDENCE FROM THE 2015 *BOMBI*

The 2015 *Bombi* (Prizma 2015) — transcripts of wiretapped conversations — provide us with an uncensored corpus of the Macedonian speech of the political elite connected with the then-ruling party VMRO-DPMNE (see Friedman 2017 for additional details). Unlike the Watergate Tapes (Nixon 1974), whose publication documented the corruption of U.S. president Richard M. Nixon and were crucial in ending his presidency, the published *Bombi* — whose role in ending the corrupt rule of Nikola Gruevski in Macedonia can be compared to that of the Watergate Tapes vis-à-vis Nixon — did not omit obscenities. Equivalent expressions in the published versions of the Watergate Tapes were all labeled “[expletive deleted]”, and given the technology of the time, sound files were not available to the public. In the *Bombi*, however, most of the obscenities and vulgarities are completely spelled out, e.g., *дупи, г’золижач, гомно, гомнојадци, кој ти го ебе, заебе, копиле / копиле [sic!], кур, курац, курчи, куртони, лиже г’зове, одјебе, пичка, пизда, пиздарија, попизди, посран, преебе, шупак*, etc., as well as abusive terms such as *будала, гад, гадурa, говедo, губре, идиот, куп месо, лигле, лигуиш, мајмун, морон, морончиња, свиња дебела*, etc. Although the *Bombi* transcripts do not always fully spell out the e-word, the k-word, and the p-word, the uncensored sound files are available on line, and so the exact lexical and grammatical form can always be determined. The *Bombi*, therefore, offer an unprecedented window into the abusive language of a Macedonian political elite, which in turn makes it possible to document the relative conservatism of certain obscenities. In this paper, I examine the obscenities involving the verb *ебе* with ‘mother’ as the direct object. Of special interest are three parameters: 1) the marking of definiteness on the direct object, 2) the presence or absence of object reduplication, and 3) verbal categories (tense-aspect-mood and person). In terms of gender, 14 of the speakers using *ебе* + ‘mother’ are male and one, Gordana Jankuloska, is female. She was

also the most powerful woman in Gruevski's cabinet (Minister for Internal Affairs, 2006–2015).

Of the 45 occurrences of *ebe* + 'mother' (i.e., approximately once every 6 2/3 pages), the most common form of the direct object is definite *мајката* [23]. The next most common form is the Serbism or archaism *матер* [7], which is used by 4 different speakers, followed by *мамето* [5], then *мајка* [3] and *мамуцата* [3], *маме* [2], and finally *мамата* [1] and (dialectal) accusative *мајку* [1]. In terms of formal tense and person, 1s present [25] is by far the most common. The next most frequent, but considerably rarer, is 1s past [6], followed by 1p present [5], then imperative [4], 3s present [2], 3p present [2], and a single 1p past [1]. Of the 34 present tenses, however, most are preceded by a modal marker: *да* [18], *ќе* [10], or *нек* [2] (standard *нека*). Of particular significance is the fact that the past tense is always synthetic aorist (1s *ебав*). Since this verb is imperfective, the consistent use of the aorist represents a rare survival of the imperfective aorist in the usage of educated, urban Macedonians, for whom the imperfective aorist is otherwise obsolete (Friedman 1993). The possessive or ethical dative associated with 'mother' is usually masculine 3s *му* [30], but occasionally 3p *им* [8], reflexive *си* [5] or 2s *ти* [1]. There is also 1 occurrence without a dative, which is an expression of annoyance or deprecation.

While 'mother' is definite in 32 of the 45 usages, direct-object reduplication occurs in only 16 sentences, and in 4 of these, 'mother' is indefinite, although in 3 of those examples the phrase is *мајка му*, which can be taken as *definitiva tantum*. It appears that the collocation of *ebe* + 'mother' preserves an older stage of object reduplication. Object fronting, which is a typical topicalization strategy, is the most common trigger of object reduplication in constructions of the type *ebe* + 'mother'. This is consistent with the Balkan languages where object reduplication is more restricted than it is in Modern Macedonian, e.g. Albanian and Greek, and OV order (with its pragmatic implications) is one of the most likely triggers. Thus, it appears that just as the imperfective aorist *ебав*, etc. is an archaism, so, too, the occurrence of object reduplication in Macedonian expressions of the type *ebe* + 'mother' reflects an earlier situation. The occurrences of object reduplication with postposed dative possessives (as opposed to ethical datives tied to the verb phrase) as well as with half the examples using the future marker can be seen as indicative of the pathways followed by the spread of object reduplication as it became more frequent and finally regularized in Modern Macedonian.

When used with 'mother,' *ebe* is always an unprefixated imperfective. Although *ebe* does occur in its literal meaning in the corpus — in the context of

conspiracy to have rape committed — when used with ‘mother’ and similar objects, e.g. *племе*, the meaning is always metaphorical. In the past and future, the meaning usually involves doing something bad or something bad happening. In the imperative, interrogative and marked optative (*нек*), the meaning is dismissive. The most common occurrences, however, are expressions of anger or annoyance with *да* or a plain present. Completely absent from the *Bombi* is the use of *ебе* + ‘mother’ as an expression of surprise or admiration such as can be found in Balkan languages in general. Similarly, *ебе* + ‘mother’ in this corpus is always directed at a 3rd person, or, on rare occasion, at the speaker himself as an expression of dismay. It is never directed at the addressee. This is due to the fact that the corpus consists of telephone conversations among co-conspirators. It is also worth noting that not a single *л*-form of *ебе* occurs in association with ‘mother.’ The evidence from other Slavic languages, e.g. Russian, Serbian, and Bulgarian, is that the resultative past participle of *еб-*, which developed an optative meaning at the end of the Common Slavic period (cf. Friedman 2012) and is equivalent to the Macedonian *л*-form of *ебе*, was the form of choice, as it still is in Serbian and Russian (cf. Isačenko 1964). Moreover, even in Bulgarian, expressions such as *ебал съм ти майката* are common either as emphatics or expressions of annoyance or dismissiveness. The complete absence of *л*-forms of *ебе* from the *Bombi* may just be an accident of context, but it probably indicates a different development in Macedonian. Both Macedonian and Bulgarian can use the imperfective aorist, an option not available to Russian and not generally found in Serbian.

The lack of reduplication in Macedonian *ебе* + ‘mother’ unless it is fronted or marked with a dative possessive pronoun, plus three out of six future usages (of which one uses *мамер*, which is never reduplicated) is a morphosyntactic archaism. This gives us a window into the pathways of the spread of direct object reduplication in Macedonian. While these pathways are to be expected, *ебе* + ‘mother’ provides modern evidence that would otherwise be lacking. Particularly interesting is the occurrence of direct object reduplication with unpossessed, indefinite *маме* (Bomba 3, Conversation 1). Such a construction would not, as far as I can tell, occur in any other Balkan language, where ‘mother’ either has to be definite (or determinate, e.g. [Geg] Albanian *Kam me ia qi atë nonë*), or else followed by a dative possessive.

In sum, just as the text of the *Bombi* tell us much about political corruption, so, too, the language in the *Bombi* tells us much about colloquial Macedonian today, and about other Balkan languages in comparison. Thus,

while Gruevski and his circle have done tremendous damage to Macedonian society, as documented in the *Bombi*, they have, albeit unintentionally, done linguists a tremendous service.

REFERENCES

- Friedman 1993 — *Friedman V. A.* The Loss of the Imperfective Aorist in Macedonian: Structural Significance and Balkan Context // *American Contributions to the Eleventh International Congress of Slavists / Maguire R. A., Timberlake A.* (eds.). Columbus: Slavica, 1993. P. 285–302.
- Friedman 2012 — *Friedman V. A.* Conjunction Calquing — A Heartland Balkanism // *Balkanismen heute — Balkanisms Today — Balkanizmy segodnja / Kahl Th., Metzelin M., Schaller H.* (eds.). Vienna: Lit Verlag, 2012. P. 31–37.
- Friedman 2017 — *Friedman V. A.* Self/Other (Свой/Чужой) in the Macedonian ‘Bombs’ of 2015 // *Балканский тезаурус: Взгляд на Балканы извне и изнутри. Тезисы и материалы. Москва, 18–20 апреля 2017 г. / Макарец М. М. (отв. ред.), Седакова И. А., Цивьян Т. В. (ред.). Москва: Институт славяноведения РАН, 2017. P. 216–229. (Балканские чтения. 14.)*
- Isačenko 1964 — *Isačenko A. V.* Un juron russe du XVIe siècle // *Lingua Viget: Commentationes Slavicae in Honorem V. Kiparsky / Vahros I., Kahla M.* (eds). Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Kirjapaino, 1964. P. 68–70.
- Nixon 1974 — *Nixon R. M.* *The White House Transcripts.* New York: Viking Press, 1974.
- Prizma 2015 — *Kompleten materijal od site bombi što gi objavi opozicijata* (Accessed on January, 31st, 2019 at <https://prizma.mk/kompleten-materijal-od-site-bombi-na-opozitsijata/>).

Max Wahlström (Helsinki)

A SPEECH CORPUS STUDY OF TWO IMPERSONAL STRATEGIES IN BULGARIAN AND CROATIAN¹

In this paper, I address the use of two human impersonal strategies in Croatian and Bulgarian: the so-called *man*-impersonal and the second person singular. Here, impersonality is understood in a semantic and pragmatic sense: impersonality is the reduction of referentiality or lack thereof. Consider the following phrase: *when you reach zero gravity, you start to float*. Despite the use of 2sg verb form, it is not in reference to the addressee, but to any human being. Such impersonal strategies as the use of 2sg above are called human impersonals or reference impersonals (Siewierska 2011). Sometimes the term impersonality is used in a syntactic sense meaning the lack of subject argument or lack of subject agreement on the verb (cf. Bg. *bezičnost*). However, the lack of a subject argument or the lack of subject agreement is independent of semantic and pragmatic impersonality (explicit subject, but impersonal or generic reading: *...you start to float*; no nominative subject, but referential reading: Bg. *studeno mi e*).

Human impersonals in South Slavic languages constitute a largely uncharted territory, especially regarding spoken language. While the term impersonality (Ru. *impersonalnost'*) occurs in grammatical descriptions and research, it is used almost exclusively to denote syntactic phenomena. However, the term general-personal or generic-personal (Cr. *uopćeno-lično*, Bg. *obobšteno-lično*) is used in reference to human impersonal strategies. Occasionally, also the term indefiniteness (Cr. *neodređenost*) is used. In grammatical descriptions of Bulgarian, *čovek* 'person' has been identified in passing as a human impersonal device (see, e.g., Vlahova-Rujkova 2009; Feuillet 1996: 253), and some, mostly contrastive studies address it (Venkova 1997; Dimova 1981). Sometimes *čovek* in this function is called, rather infelicitously,

---

¹ This paper reports a part of an ongoing study, contrasting human impersonal strategies in Western Romance and South Slavic (Posio & Wahlström [under preparation]).

an expletive subject (*ekspletiven podlog*; see, e.g., Atanasov 2015: 44), although its use is syntactically rather unrestricted: it can act, for instance, as a shared subject of a converbial (*deepričastie*) clause. In Bulgarian, where NPs are obligatorily marked for definiteness, the impersonal uses of *čovek* are formally distinct from nouns with specific reference by lacking the definite (or indefinite) article. The article is omitted also with nouns that are used in reference to a whole species, but only *čovek* and its suppletive plural *hora* may be used also impersonally. Grammatical descriptions of Croatian typically do not mention the impersonal or generic use of the noun *čovjek*, but there are a few studies addressing its status (Kordić 2002; Marojević 1977).

The two human impersonal strategies contrasted in this study, the use of the noun denoting ‘person’ and the 2sg, are both reported in the respective linguistic traditions of Bulgarian and Croatian. However, there are no quantitative studies addressing their scope and frequency, especially in spoken language. In addition, speech corpora allow the study of 2sg as an impersonal strategy, since it is typically used only in informal contexts. In typological literature, it has been suggested that the impersonalization strategy based on the noun ‘person, man’ is a feature of the so-called Standard Average European, centered around languages such as French and German (Ramat & Sansò 2007). In addition, it is claimed that the grammaticalization *man*-impersonals would be especially favored in languages that require an explicit subject (non-*pro* drop languages; Siewierska 2011). It has been shown that there is a statistically significant difference in the frequency of overt subjects between Bulgarian and BCMS (Bosnian, Croatian, Montenegrin, Serbian), Bulgarian displaying more overt subjects (Seo 2001). It may be hypothesized that Bulgarian could, therefore, show preference for an impersonal strategy with an overt subject.

The choice to contrast Bulgarian with Croatian is due to two main reasons. The availability of suitable speech corpora being an important factor, speech data gathered exclusively from the territory of the Republic of Croatia has yet some added benefits. While some South Slavic dialects spoken in Serbia are transitional between Bulgarian, Macedonian, and Serbian, the Croatian speech area is geographically discontinuous from Bulgarian. Spoken Croatian offers therefore a clearly distinct point of comparison with spoken Bulgarian varieties, while still being relatively closely related.

The Bulgarian data comes from the *Corpus of Spoken Bulgarian* (CSB; Aleksova 1994) and consists of 35 spontaneous family conversations, collected between mid-80’s–mid-90’s. The corpus contains 79,431 words. There

are 65 working-age and 6 underage informants. All informants were residents of the capital Sofia at the time of recording, but may have been born in other parts of Bulgaria. The Croatian data is based on the *Croatian Adult Spoken Language Corpus* (HrAL; Kuvač Kraljević, Hržica 2016). The corpus consists of 165 predominantly spontaneous conversations among friends, relatives, or acquaintances. It was collected between 2010 and 2016, contains 285,811 words and includes 617 adult informants. The corpus was collected with the aim of representing conversations in as many locations within the Republic of Croatia as possible, but with no explicit goal of targeting speakers of local dialects. The topics of the conversations are not restricted to particular themes, but daily life topics and discussions of recent personal experiences dominate. The conversational character of the recordings keeps turns short and most informants are in familiar terms with each other — there is, for instance, very little use of the polite 2pl in addressing the other conversants. In general, both corpora being analyzed are characterized by being fairly informal, and having the second person singular as the default address form.

The data shows that the *man*-impersonal strategy exists in Bulgarian, although it is not an especially frequent impersonal device in comparison to other impersonal strategies. However, despite the larger size of the Croatian corpus, the impersonal use of *čovjek* seems very marginal, with only a handful of reliable examples. Yet Croatian displays much more frequent impersonal use of the 2sg than Bulgarian. The inverse correlation between these two strategies seems to be in line with the hypothesis: Bulgarian, with its preference for overt subject marking, may also prefer a noun-based impersonal strategy. However, since there is a drastic difference in the overall frequency between these two strategies in both languages, further studies must extend the comparison to other human impersonal strategies, such as the third person plural and the reflexive pronoun *se*.

REFERENCES

- Aleksova 1994 — *Aleksova K.* Corpus of spoken Bulgarian. Sofia: 1994. (Accessed at <http://folk.uio.no/kjetilrh/bulg/Aleksova/>, on 21.01.2019).
- Atanasov 2015 — *Atanasov A.* Klasifikacija na različnite predikati v sãvremennija bãlgarski ezik. *Bãlgarski ezik* 62(3), 2015. S. 38–53.
- Dimova 1981 — *Dimova A.* Die Polysemie des deutschen Pronomens „man“ unter Berücksichtigung seiner Äquivalente im Bulgarischen // *Deutsch als Fremdsprache* 18(1), 1981. S. 38–44.

- Feuillet 1996 — *Feuillet J.* Grammaire synchronique du bulgare. Paris: Institut d'études slaves, 1996.
- Giacalone Ramat, Sansò 2007 — *Giacalone Ramat A., Sansò A.* The spread and decline of indefinite man-constructions in European languages // Europe and the Mediterranean as linguistic areas: convergencies from a historical and typological perspective / Ramat P., Roma E. (eds.). P. 95–132. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2007.
- Kordić 2002 — *Kordić S.* Riječi na granici punoznačnosti. Zagreb: Hrvatska sveučilišna naklada, 2002.
- Kuvač Kraljević, Hržica 2016 — *Kuvač Kraljević J., Hržica G.* Croatian adult spoken language corpus (HrAL). Zagreb, 2016. (Accessed at <https://ca.talkbank.org/access/Croatian.html>, on 21.01.2019).
- Marojević 1977 — *Marojević R.* Rečenice sa uopšteno-ličnim značenjem u ruskom jeziku u poređenju sa srpskohrvatskim // Južnoslovenski filolog 33, 1977. S. 99–116.
- Posio, Wahlström (under preparation) — *Posio P., Wahlström M.* Human impersonals in Western Romance and South Slavic: A speech corpus study of man-impersonals.
- Seo 2001 — *Seo S.* The frequency of null subject in Russian, Polish, Czech, Bulgarian and Serbo-Croatian: An analysis according to morphosyntactic environments. Bloomington: Indiana University PhD thesis, 2001.
- Siewierska 2011 — *Siewierska A.* Overlap and complementarity in reference impersonals. Man-constructions vs. third person plural impersonals in the languages of Europe // Impersonal Constructions. A cross-linguistic perspective / Malchukov A., Siewierska A. (eds.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2011. P. 57–89.
- Venkova 1997 — *Venkova V.* Šaštstvitelnite čovek i hora v portugalskija i v bälgarskija ezik // Šapostavitelno ezikoznanie 22(4), 1997. S. 5–12.
- Vlahova-Rujkova 2009 — *Vlahova-Rujkova R.* Praktičeska gramatika: bälgarski ezik. Sofija: Klet Bälgarija, 2009.

М. М. Макарецев (Москва / Ольденбург)

КЛЮЗИВНОСТЬ И ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ В АЛБАНСКИХ БЕЗЛИЧНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ*

В настоящей статье рассматриваются некоторые морфосинтаксические особенности албанской *man*-безличной конструкции (*man-impersonals*):

«*man*-конструкция — это безличная активная конструкция, в которой позиция подлежащего заполнена существительным со значением ‘человек’ (или этимологически восходящим к такому существительному элементу). На уровне синтаксиса этот элемент может вести себя как полноударное местоимение или же сохранять некоторые синтаксические параметры существительного. На уровне семантики такого рода конструкция представляет стратегию дефокусирования агенса, т.е. она используется, когда говорящий хочет отодвинуть на второй план агенса действия (либо потому что тот является общеродовым / неидентифицируемым, либо потому что он, хотя и конкретен, но неизвестен)» (Giacalone, Sansò 2007: 96)¹.

Как я хотел бы показать, в некоторых случаях морфосинтаксические особенности албанской *man*-безличной конструкции связаны с включенностью / невключенностью говорящего в число ее референтов, или семантической категорией *klusivnosti* (англ. *clusivity*), которая таким образом может грамматически маркироваться в албанском языке.

Название *clusivity* было предложено, по всей видимости, В. Эллишом и введено в практику в сборнике под ред. Е. Филимоновой «Ключивность. Типология и тематические исследования оппозиции по инклюзивности / эксклюзивности» (Filimonova 2004). Традиционно эта

* Статья написана в рамках проекта «Язык и культура в полиэтничных и поликультурных сообществах Юго-Восточной Европы XXI века: междисциплинарное исследование» (Программа фундаментальных исследований Президиума РАН «Культурно-сложные сообщества: понимание и управление»).

¹ Здесь и далее перевод мой. — М. М.

категория выделялась на основе противопоставления инклюзивных / эксклюзивных форм первого лица множественного числа, наиболее распространенного в Циркумтихоокеанском регионе, но засвидетельствованного также на Кавказе и в некоторых других ареалах (см. карты в Nichols, Bickel 2005, Cysouw 2013). В качестве примера такого противопоставления часто используется чеченская система личных местоимений (Nichols, Bickel 2005: 50):

(1)	Ед. число	Мн. число
1 л.	<i>so</i>	инклюз. <i>txo</i> экссклюз. <i>vai</i>
2 л.	<i>hwo</i>	<i>shu</i>
3 л.	<i>i / iza</i>	<i>ysh</i>

Референт чеченского местоимения *txo* (инклюзивного) включает и говорящего, и слушающего ($мы = я + ты$), а референт местоимения *vai* (экссклюзивного) исключает слушающего ($мы = я + кто-то еще без тебя$).

Упомянутый сборник описывает противопоставление по кляузивности не только в системе личных местоимений, но и в других частях грамматической системы (например, в системе императива). Повторяя то, как развивался интерес к другим категориям, которые традиционно не выделялись в языках средневропейского стандарта (например, эвиденциальности — Макарецов 2014), от описания кляузивности на материале языков, удаленных от средневропейского стандарта, с течением времени исследователи переходят к ее интерпретации как семантической категории в широком смысле, а дальше находят морфосинтаксические средства, при помощи которых она может выражаться уже в языках средневропейского стандарта. Так, А. Э. Вечорек анализирует включенность / исключенность референтов при использовании личных местоимений в англоязычном политическом дискурсе (Wieczorek 2013), указывая на важность включенности / исключенности в аксиологическом пространстве для функционирования личных местоимений. Дж. Шибмэн (Scheibman 2004) на основе Корпуса разговорного американского английского языка (CSAE) показывает, что, несмотря на отсутствие в английском морфологического разграничения между инклюзивным и эксклюзивным *мы*, статистически *мы* в разных значениях показывает разную дистрибуцию (инклюзивное *мы* доминирует в контекстах с настоящим временем и с модальным глаголом, а эксклюзивное — в контекстах с прошедшим). Это позволяет говорить

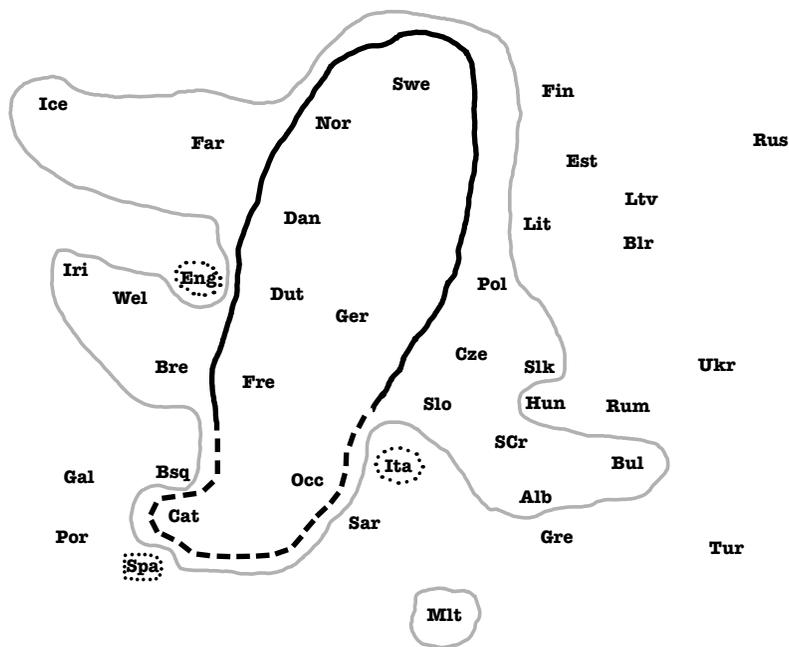

Рис. 1. *Man*-конструкции в языках Европы (Giacalone, Sansò 2007: 12)

Соглашаясь с определениями А. Джакалоне Рамат и А. Сансо, а также А. Северской, в то же время я хотел бы уточнить некоторые ранее не описывавшиеся особенности албанских *man*-конструкций, в частности степень их грамматикализованности в разных морфосинтаксических контекстах и их связь с клюзивностью.

Исходным пунктом является принцип, сформулированный А. Джакалоне Рамат и А. Сансо:

- (3) Генерализация № 1. Чем более грамматикализовано существительное *man* в общеродовом употреблении, тем более прономинальный характер имеет его поведение (там же, 111).

Для определения прономинальности авторы предлагают серию тестов, здесь я ограничусь следующим — способностью *man*-элемента присоединять артикль.

Категория определенности в албанском языке выражается с помощью: определенного постпозитивного артикля, формы которого также синкретически выражают число и род; неопределенного препозитивного артикля, восходящего к числительному ‘один’, а также нулевого артикля (например, в сочетании с некоторыми пространственными предлогами). Общая семантика этой категории связана с референцией и в общем и целом соответствует языкам средневропейского стандарта. Грамматические правила следующие: если подлежащее — морфологическое существительное в топике при прямом порядке слов (SVO), при отсутствии иных ограничений (например, указательного местоимения в качестве определения перед существительным), оно не может иметь нулевого артикля (как немаркированный вариант используется определенный артикль, для снятия определенности — неопределенный). Поиск по Албанскому национальному корпусу (20 млн слов) по лексеме (*një*) *njeri* / *njeriu* в абсолютном начале предложения подтверждает это. Семантические результаты поиска (проверены первые 300) по корпусу относятся к следующим группам:

Референциальное определенное (Referential Definite)

- (4) *Njeri-u filloi të thërriste me zë*
 человек-DEF начал.AOR.3SG COMP кричать.IMPF.3SG с голос
të përvojshëm, të kërcënonte, të profetizonte mynxyra.
 ‘Человек начал кричать скорбным голосом, угрожать, предсказывать несчастья’.

Референциальное неопределенное (Referential Indefinite)

- (5) *Një njeri është gjetur i vdekur*
 один человек быть.PRES.3SG найден.PTCP AGR мертвый
në Salzburg, Austri, ndërsa dy të tjerë janë raportuar të zhdukur, ka bërë të ditur gazeta austriake “Salzburger Nachrichten”.
 ‘Труп мужчины обнаружен (досл.: «Один человек найден мертвым») в Зальцбурге, Австрия, и еще двое пропали без вести, как сообщает австрийская газета «Зальцбургер Нахрихтен»’.

Общеродовое (Species-Generic)

- (6) *Njeri-u lind njeri-un*
 человек-DEF рождать.PRES.3SG человек-ACC.DEF
 ‘Человек рождает человека’.

Нереференциальное неопределенное (Non-Referential Indefinite)

- (7) *Njeri-u mund të fitojë*
 человек-DEF может COMP получить.CONJ.3SG
përshtypjen se Elena Kadare më parë ka bërë kallëpet pastaj i ka mbushur.
 ‘Может показаться, что Елена Кадаре сначала создала формы, а затем
 заполнила их’.

Общеродовое неопределенное (Generic Indefinite)

- (8) *Një njeri që do t’i dinte*
 один человек который FUT COMP=ACC.PL знать.CONJ.IMPF.3SG
marrëdhëniet e mia <...>, të gjitha këto do t’i merrte si gjëra që kishin të
bënin vetëm me një rivalitet të hapur.
 ‘Кто-нибудь, знающий о моих связях (досл. «Один человек, который
 бы знал мои связи»), воспринял бы всё это как нечто связанное с от-
 крытым соперничеством’.

Из перечисленных типов (6–8) можно рассматривать как безличное употребление. Отмечу, что определенный артикль при нереференциальном неопределенном *njeri* (6) объясняется позицией последнего (подлежащее при прямом порядке слов). Этот пример показывает, что *njeri* в безличной функции всё же может образовывать определенную форму, и таким образом имеет менее прономинальный статус, чем можно заключить, исходя из академической грамматики. Однако есть ли случаи, когда употребление определенной формы имеет только семантическую мотивацию и не обусловлено непосредственно морфосинтаксическими ограничениями?

Обратимся к другим типам предложений (не SVO), без таких ограничений по употреблению артиклей. Так, в албанских придаточных времени есть тенденция к порядку слов VS(O), что снимает требование обязательного употребления определенного или неопределенного артикля и делает допустимым нулевой артикль:

- (9) *Zakonisht nuk e mbyllja me kuç, se përtoja të ngrihesha ta hapja*
kur trokiste njeri.
 когда стучать.IMPF.3SG человек
 ‘Обычно я ее не запираю, потому что мне было лень вставать и открывать ее, когда кто-нибудь стучался (досл. «когда стучал человек»)’.

- (10) *Kur sheh njeri-u pushkë,*
 когда видеть.PRES.3SG человек-DEF ружье
duhet gjithmonë të bëjë zë.
 ‘Когда ты видишь ружье (досл. «когда видит человек ружье»), нельзя молчать’.

В предложениях такого типа использование артикля семантически мотивировано ключивностью первого лица: за вариантом с нулевым артиклем (9) закреплено значение эксклюзивности, т.е. *njeri* в таком контексте обозначает множество нереперенциальных неопределенных лиц, исключающих говорящего, а за вариантом с определенным артиклем (10) *njeri-u* (‘человек-DEF’) — значение инклюзивности, и *njeriu* в таком контексте обозначает аналогичное множество, включающее говорящего. Всего в Албанском национальном корпусе было найдено 12 контекстов с придаточными, соответствующими структуре ‘когда’+ глагол + *njeri* ∨ *njeriu*, из них четыре эксклюзивных (как 9) и восемь инклюзивных (как 10). Таким образом, в рассмотренном типе предложений (придаточные времени со структурой VS(O)) в албанском языке можно говорить о грамматическом выражении ключивности при помощи определенного артикля.

ЛИТЕРАТУРА

- Албанский национальный корпус. 20 млн слов. (Доступен онлайн на <http://web-corpora.net/AlbanianCorpus>, проверено 06.02.2019.)
- Макарец 2014 — Макарец М. М. Эвиденциальность в пространстве балканского текста. Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2014.
- Buchholz, Fiedler 1987 — Buchholz O., Fiedler W. Albanische Grammatik. Leipzig: Enzyklopädie, 1987.
- Cysouw 2013 — Cysouw M. Inclusive / Exclusive distinction in independent pronouns // The World Atlas of Language Structures Online / Dryer M. S. & Haspelmath M. (eds.). Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. (Available online at <http://wals.info/chapter/39>, accessed on 06.02.2019.)
- Dozon 1879 — Dozon A. Manuel de la langue chkiye ou albanaise. Paris: Ernest Leroux, 1879.
- Filimonova 2004 — Filimonova E. (ed.). Clusivity. Typology and Case Studies of the Inclusive–Exclusive Distinction. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2004.

- Giacalone, Sansò 2007 — *Giacalone Ramat A. & Sansò A.* The spread and decline of indefinite man-constructions in European Languages. An areal perspective // Europe and the Mediterranean as Linguistic Areas / Ramat P. & Roma E. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2007. P. 95–131.
- Gray 1945 — *Gray L. H.* Man in Anglo-Saxon and Old High German Bible-texts // Word 1, 1945. P. 19–32.
- Nichols, Bickel 2004 — *Bickel B., Nichols J.* Inclusive–exclusive as person vs. number categories worldwide // Clusivity. Typology and Case Studies of the Inclusive–Exclusive Distinction / Filimonova E. (ed.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2004. P. 49–72.
- Scheibman 2004 — *Scheibman J.* Inclusive and exclusive patterning of the English first person plural: Evidence from conversation // Language, Culture and Mind / Achard M., Kemmer S. (eds.). Stanford: CSLI, 2004. P. 377–396
- Siewierska 2011 — *Siewierska A.* Overlap and complementarity in reference impersonals. Man-constructions vs. third person plural impersonals in the languages of Europe // Impersonal Constructions. A Cross-Linguistic Perspective / Malchukov A., Siewierska A. (eds.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2011. P. 57–89.
- Wieczorek 2013 — *Wieczorek A.* Clusivity: A New Approach to Association and Dissociation in Political Discourse. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2013.

*Ekaterina Tarpomanova, Bilyana Mihaylova,
Nikola Krastev (Sofia)*

EMOTIONS IN GRAMMAR:
FEAR IN THE BALKAN LANGUAGES

INTRODUCTION

In psychology, fear is considered one of the basic and universal emotions, and some psychologists see it as an innate. For example, Paul Ekman identifies six basic emotions — fear, anger, joy, sadness, surprise, and disgust, which are inherent and have a universal facial expression (Ekman 1972). In natural languages, fear is lexicalised in various content word classes, among which verbs seem to best express the emotional experience of fear, while nouns name the emotion, and adjectives and adverbs as denoting properties are not directly related to the feeling as a process (fearful does not necessarily mean, that someone is afraid). Verbal lexemes can express a different intensity of the emotion — from worry to horror, but usually in languages there are one or more lexemes that convey the sense of fear in a “pure” way, without additional weakening or intensifying nuances. Besides the lexical level, the emotional state can be encoded in the grammar.

FEAR AS INNER EXPERIENCE: VERB DIATHESIS

In Indo-European (IE) languages, verbs denoting fear have different forms of expression, active or inactive, and further represent different diatheses. In many IE languages, for example, the main verbs of fear are active and transitive: Eng. *fear*, Germ. *fürchten*, Fr. *craindre*. In the Balkan languages, verbs of fear are predominantly middle. In fact, middle, understood as an inactive diathesis with experiencer in subject position, in which the subject is the place where the process develops, both the center and the actor of the process (Benveniste 1966: 172), has a deep connection to the semantics of fear as an emotion experienced within human beings.

The main verbs for fear can be grouped into several models that exhibit the common processes to express fear in the Balkan languages. The grouping takes into account several criteria:

- i. morphological marking: active is morphologically unmarked, inactive is marked by pronominal particles in Bulgarian and Romanian and an inflectional suffix in Greek and Albanian;
- ii. verbal diathesis: a scheme of correspondences between items of semantic and syntactic level (Холодович 1970: 16); we consider only diatheses related to the verbs of fear;
- iii. accusativity: the property of a verb to take a direct object marked by accusative case;
- iv. causativity: for verbs of fear, a construction that indicates that the subject causes a change of state of the object.

Active causative and inactive non-causative (middle). The decausative formation of the verbs for fear involving inactive marking is regular in all Balkan languages. The semantic transition from causing fear to feeling fear is carried out through the transformation of an active causative verb into inactive non-causative (middle).

‘scare’ > ‘fear’

бълг. *плаша* > *плаша се*;

алб. *frikësoj* > *frikësohem* / *frik* > *frikem*, *tremb* > *trembem*, *tut* > *tutem*;

рум. *a înfricoșa* > *a se înfricoșa*, *a speria* > *a se speria*, *a înspăimânta* >

a se înspăimânta, *a înflora* > *a se înflora*;

гр. *σκιάζω* > *σκιάζομαι*

Most of the verbs in this group are denominal or deadjectival and the active causatives are the initial derivatives, while the inactive non-causatives are secondary formations. The effect of the formal transformation active > inactive is the loss of semantic connection of the non-active verbs with their active counterparts (Генчева, Асенова 2006: 450), and in Bulgarian the middle verbs are considered different lexemes with respect to the initial active verbs (Ницолова 2008: 235). Active verbs require a direct object, inactive verbs are unaccusative and may have both an anticausative and a mediopassive use: *плаша се много* ‘I fear a lot’ / *плаша се от кучета* ‘I fear dogs’.

Constant inactives (media tantum). The media tantum verbs have a constantly inactive form and do not have active counterparts, i.e. they are not formed through active > inactive transformation. That group includes two verbs in Bulgarian:

страхувам се — denominal middle verb derived from the noun *страх* ‘fear’ by means of standard verbal suffixation; in Old Church Slavonic (OCS), the verbs *страшити* and *страшити се* (continued in the rarely occurring today *страша* and *страша се*) formed a causative/non-causative pair;

боя се (Old Church Slavonic *боѣти се* < Proto-Slavic **bojati se*) is a common Slavic word (ЭССЯ II: 163–4), derived from IE **b^heyh₂-/*b^hoyh₂-* (LIV: 72–3). An interesting fact is that the Indo-Iranian cognates Skt. *bháyate* ‘he fears’, Av. *bayante* ‘they fear’ are also middle verbs. Its primary lexicalisation as a verb and its middle diathesis emphasizes its ability to conceptualize fear as an inner emotion in a very “Balkan” way.

Similarly to the previous group, the two media tantum verbs may have both anticausative and mediopassive use.

Constantly inactive accusative: Gr. *φοβοῦμαι/φοβάμαι*. The medio-passive verb *φέβομαι* ‘flee in panic’, attested only in Homer and his imitators, the intransitive middle iterative *φοβέομαι* ‘to be put to flight (Hom), terrify, alarm (Hom+)’ and the transitive active causative *φοβέω* ‘put to flight (Hom), to be seized with fear, be affrighted (Hom+)’, which is a back-formation from *φοβέομαι* according to Jasanoff (2003: 134), are cognates with PSI. **bĕgati* < IE **b^heg^w-* ‘run, flee’. The inactive verbs *φέβομαι* and *φοβέομαι* can be used with the preposition *ὑπό* plus dative/genitive, on the one hand, or as transitive with accusative, on the other.

Modern Greek *φοβοῦμαι/φοβάμαι*¹, descending from *φοβέομαι*, is the basic verb denoting fear and is part of the group of verbs that are both inactive and accusative (Асенова, Генчева 2006: 451). The active causative *φοβέω* was replaced by the Modern Greek *φοβίζω* ‘frighten, scare’ which lacks an inactive counterpart (**φοβίζομαι*). Thus, *φοβίζω* (active, causative) and *φοβάμαι* (inactive, non-causative) are etymologically related, but do not form a regular pair. This fact points out that the inactive verb has been detached and evolved independently from the active, getting closer to the category of media tantum.

Active causative and non-causative. This model is represented by one verb in Greek — *τρομάζω*. When accusative, the verb is causative (the subject causes fear to the object), and when unaccusative, it is non-causative and indicates that the subject feels fear. The unaccusative verb can be used

¹ On the psych verbs expressing state or change of state depending on their aspect, see Вунчев 2007: 101.

as anticausative (without indicating cause) or with a preposition that introduces the cause:

Μα... τι τον τρομάξε; ‘But... what scared him?’

Γιατί τρομάξες τότε; Τι είδες; ‘Why did you get scared? What did you see?’

Τρομάζω από θόρυβους. ‘I’m afraid of noises.’

The verb does not form inactive. The causative alternation is more frequent in Greek than in the other Balkan languages (Асенова 2015: 109), cf. Gr. *ανοίγω την πόρτα / η πόρτα ανοίγει*, on the one hand, and Bulg. *отварям вратата / вратата се отваря*, Alb. *hap derën / dera hapet* и Rom. *deschid ușa / ușa se deschide*, ‘I open the door / the door opens’, on the other (in the latter the non-causative meaning is expressed by regular inactive transformation). Another factor to support the alternation is the origin of the verb: it is derived from the Ancient Greek iterative formation *τρομέω* ‘tremble with fear’, i.e. the primary meaning is the non-causative one.

Active and inactive non-causative. One verb pair in Albanian (probably with Proto-Albanian origin) follows that model: *druaj > druhem*. Both active and inactive verbs have non-causative meaning (feeling fear). The active verb takes a direct object marked with accusative and denoting the cause of fear, the inactive verb is used with dative or with a preposition.

In Romanian, the active non-causative and accusative *a teme* ‘fear’ derives from Lat. *timere* ‘fear’, which is active, non-causative and accusative, too. Subsequently, the inactive *a se teme* ‘fear’ is formed through regular derivation, keeping the non-causative meaning. The active verb developed a secondary meaning ‘suspect’. The active *a teme* ‘fear’ (with its primary meaning) occurs in old texts, it is also found in Eminescu’s poetry whose language is archaic, but it is rare in today’s language.

Eu încă tem pre Domnedzeu... ‘I still fear God.’

Tu, ce nu temi furtuna și durerea... (Mihai Eminescu)

‘You, who don’t fear storm and suffering...’

In Modern Romanian *a se teme* is the main lexeme to denote fear. Pușcariu attributes the prevailing of the inactive verb in Romanian to the influence of the Slavic verb *bojati se* (Pușcariu 1940: 277). It is a probable hypothesis, taking into account the fact that Christian literature in Romanian is translated mostly from Old Bulgarian. On the other hand, a similar development, both semantic and formal, is attested in the cognates in Spanish (*temer*

‘fear; suspect’ / *temerse* ‘fear; suspect’ and Italian (*temere* ‘fear; suspect’ / *temersi* ‘fear’), but the active verbs are frequently used and the only change in inactive formations is the intensification of the emotion. We can conclude that the common Romance trends are enhanced in Romanian by the contact with Slavic and the overall Balkan disposition to express fear and other emotions through middle diathesis.

The analysis of the verb patterns in the Balkan languages proves the salient connection between the emotion of fear and the middle diathesis. The “central” verbs denoting fear (the most frequent and with pure semantics) tend to be middle: Bulg. *боя се, страхувам се* appeared originally as middle and do not have active counterparts, and Gr. *φοβᾶμαι*, also originally middle, lost its active counterpart. In Romanian, the active non-causative *a teme* is about to disappear and to be fully replaced by the inactive *a se teme*. Only in Albanian and Greek the active non-causatives *druaj* and *τρομάζω* are stable in terms of usage. The peripheral verbs are regularly formed through active > inactive transformation and decausativation.

The mediopassive use of the inactive verbs is semantically and structurally close to the passive diathesis: the source of fear is always explicit and the semantic role of experiencer in subject position gets confused with patient.

The viewpoint of the experiencer: change of syntactic position

In the argument structure of sentences with predicates for fear, as well as for other physical and mental states, the experiencer is usually in subject position. In Bulgarian and Romanian, there are impersonal constructions in which the experiencer is demoted to object position and is expressed by a weak form of the personal pronoun, accusative in Bulgarian, dative in Romanian: Bulg. *страх ме е*, Rom. *mi-e frică, mi-e teamă*. The emotion is presented by a nominal predicate. As the experiencer is an obligatory participant in the situation described by the predicate, the pronominal clitics cannot be removed. They can be doubled and in such case the doubling element is the strong pronoun or the noun phrase that specifies who the experiencer is: *мен ме е страх* ‘I am afraid’, *Иван го е страх* ‘Ivan is afraid’, but not *мен е страх, *Иван е страх.

The inconformity in the case form of the pronouns in the two languages is an interesting fact. In the Romanian construction with dative pronoun, the situation can be described as if fear is introduced from outside to inside, the source giving and the experiencer receiving the emotion. The fusion of

dative and genitive in the Balkan languages allows for another interpretation: fear becomes a possession of the experiencer, and hereof the Rom. *mi-e frică, mi-e teamă* is close to the Alb. *kam frikë* ‘(lit.) have fear’ (cf. with Fr. *avoir peur*), a construction that is somehow trivial.

In Bulgarian, impersonal constructions with a nominal predicative may contain an accusative (*страх ме е, срам ме е*) or a dative pronoun (*жал ми е, мъка ми е*). As the accusative case marks the direct object, it presents the experiencer as affected by the emotion. The emotion, again, penetrates from the outside to the inside, but the experiencer is a passive participant in the situation.

In the impersonal constructions the semantic role of experiencer is contiguous with patient, formally because of the oblique marking that subsequently results in semantic passivity.

Conclusion

In the Balkan languages, two formats are predominantly used to express the experiencing of fear: inactive verb related to the middle diathesis in all four languages and impersonal accusativum/dativum tantum construction with a nominal predicative in Bulgarian and Romanian.

The middle diathesis is a common inclination of the Balkan languages to express fear, as well as other emotions. It seems that the Balkan model of the world comprises the middle as a way to express the internalization of some human states and in this respect emotions are viewed as deep inner processes that take place in the experiencer himself. It is formally expressed by the inactive verb form and many of the verbs for fear are formed through inactive transformation of an active causative verb. The tendency to express fear by middle culminates in the media tantum verbs, which do not have active counterparts.

In mediopassive and especially in impersonal constructions, the experiencer is viewed as a recipient (possessor) or as affected by the emotion and moves closer to the semantic role of patient. Based on grammatical expression, can we argue that the Balkan way to undergo emotions is to endure them, and that *Homo Balkanicus* goes through emotions by suffering?

Acknowledgement: The research is supported by the Scientific Research Fund, project *Balkan languages as emanation of the ethno-cultural community of the Balkans (Verb typology)*, contract DN 20/9/11.12.2017.

REFERENCES

- Benveniste 1966 — *Benveniste E.* Actif et moyen dans le verbe // Problèmes de linguistique générale. Paris: Gallimard, 1966. P. 168–175.
- Ekman 1972 — *Ekman P.* Universals and Cultural Differences in Facial Expressions of Emotions // Cole J. (Ed.). Nebraska Symposium on Motivation. Lincoln, NB: University of Nebraska Press, 1972. P. 207–282.
- LIV — *Rix H., Kümmel M.* (et alii). Lexicon der indogermanischen Verben. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2001.
- Puşcariu 1940 — *Puşcariu S.* Limba română. Vol. I. Privire generală. Bucureşti: Fundația Pentru Literatură și Artă “Regele Carol II”, 1940.
- Асенова 2015 — *Асенова П.* Балканско езикознание. Велико Търново: Фабер, 2015.
- Вунчев 2007 — *Вунчев Б.* Аспектуалните характеристики в новогръцкия език — средства за изразяване и семантика. София: УИ “Св. Климент Охридски”, 2007.
- Генчева, Асенова 2006 — *Генчева Зл., Асенова П.* Рефлексив и медиум в балканските езици // Езиковедски изследвания в чест на 75-годишнината от рождението на ст.н.с. I ст. дфн Йордан Пенчев. София: Артграф, 2006. С. 442–454.
- Ницолова 2008 — *Ницолова Р.* Българска граматика. Морфология. София: УИ “Св. Климент Охридски”, 2008.
- Холодович 1970 — *Холодович А.* Залог. Определение. Исчисление // Категория залога. Материали конференции. [25–29 марта 1970]. Ленинград: Изд. АН СССР, 1970. С. 2–21.
- ЭССЯ II — Этимологический словарь славянских языков. Выпуск 2. Под редакцией члена-корреспондента АН СССР О. Н. Трубачева. Москва: Наука, 1975.

2. ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ

DOI: 10.31168/2618-8597.2019.15.12

А. Ю. Русаков, М. С. Морозова (Санкт-Петербург)

ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ В УСЛОВИЯХ ТРИЛИНГВИЗМА: ЗАИМСТВОВАНИЕ «МАТЕРИЙ» (MATTER BORROWING) В БАЛКАНСКИХ ДИАЛЕКТАХ

1. ВВЕДЕНИЕ

Как известно, билингвизм является частным случаем мультилингвизма. В литературе о языковых контактах нередко описываются ситуации, в которых язык испытывает воздействие нескольких других языков (см., напр., Aikhenvald 2009), но не обсуждается вопрос, отличаются ли лингвистические последствия таких контактов от следствий билатерального межъязыкового взаимодействия. Мы попытаемся рассмотреть несколько балканских ситуаций трилингвального контакта, в настоящее время (либо в недавнем прошлом) характерных только для островных диалектов балканских языков. В центре нашего внимания будет находиться заимствование элементов, выражающих грамматические значения (грамматических морфем, клитик, служебных слов). Это достаточно редкое явление (англ. *matter borrowing*, *matter replication*), довольно интенсивно изучавшееся в последние десятилетия (Gardani 2008; Matras 2009; Gardani, Arkadiev, Amiridze 2015 и мн. др.), как кажется, неслучайным образом коррелирует с трилингвизмом.

2. ЗАИМСТВОВАНИЕ «МАТЕРИИ» В БАЛКАНСКИХ ДИАЛЕКТАХ

2.1. Эвиденциальный показатель в цыганском диалекте Сливена, Болгария

Согласно (Kostov 1973 и др.), в цыганском диалекте Сливена имеется показатель эвиденциальности *li*, присоединяемый к глаголу в форме прошедшего времени (1).

- (1) *Oda vakergjas mangi ĉi tu phirsas-li.*
 он сказать.AOR.3SG я.DAT что ты идти.IPF.2SG-EVID
 ‘Он сказал мне, что ты ходил’¹.

В цыганском языке эвиденциальность изначально не грамматикализована, в то время как в болгарском эта категория выражается специальными глагольными формами. В. Фридман (2013) убедительно доказывает, что показатель *li* у цыган Сливена является результатом заимствования и семантической реинтерпретации болгарской вопросительной частицы *ли*. В цыганском диалекте арли в Крива-Паланке (Македония) *ли* употребляется для выражения дубитатива, а в диалекте барутчи арли в Скопье в том же значении используется вопросительная частица *mi*, заимствованная из турецкого. Сопоставление данных трех цыганских диалектов указывает на наличие определенной связи между вопросительностью и эвиденциальностью, а также на то, что заимствованию, вероятно, в немалой степени способствовал трилингвизм их носителей, которые, помимо цыганского и болгарского/македонского, владели также турецким языком.

2.2. Эвиденциальный показатель в цыганском диалекте Ксанти, Греция

Согласно (Adamou 2012), в цыганском диалекте Ксанти имеется заимствованный из турецкого показатель *muf*, который выражает эвиденциальные значения (2а) и значения эпистемической модальности (2б).

- (2а) *Phendas muf i fatma oti e*
 сказать.AOR.3SG EVID DEF.NOM Фатма что DEF.OBL
xurd-es voj lja sas pe-sa.
 ребенок-ACC она брат.АOR.3SG с REFL-INSTR
 ‘Фатма сказала, вроде бы, что она взяла ребенка с собой’.

¹ См. также (Friedman 2004: 114).

- (26) *me dea ka marel muf.*
 мой.OBL мать.ACC FUT бить.3SG EVID
 ‘Он, возможно, побьет мою мать’. (Adamou 2012: 152)

Интересно, что в этом случае при заимствовании произошла своего рода деграмматикализация: связанная морфема в языке-доноре стала свободной морфемой в языке-реципиенте. Вероятно, подобное развитие произошло под влиянием еще одного контактирующего языка — греческого (показатель *muf* особенно частотен в речи молодых носителей, достаточно хорошо владеющих греческим), где в тех же контекстах могут использоваться выражения *втеμέκ* (тур. *demek* ‘сказать’), *τάχα* ‘будто бы’, *λέει* ‘скажем’ (3).

- (3) *Eίπε втеμέκ ή Φάτμα...*
 сказать.AOR.3SG EVID ART.DEF Фатма
 ‘Фатма будто бы сказала...’ (Adamou 2012: 153)

2.3. Адмиратив в фаршеротском говоре Горна-Белицы, Македония

Арумыны-фаршероты, проживающие в селах Горна- и Долна-Белица в районе Охрида и Струги, переселились в Македонию из Южной Албании в середине XIX в. (Marković’ 2013: 115–116). В ситуации арумынско-албанско-македонского полилингвизма в фаршеротском говоре Горна-Белицы развилась грамматическая категория эвиденциальности («адмиратив»). Эвиденциальный показатель *-ka*, присоединяемый к основе причастия, по происхождению представляет собой албанское окончание 3-го лица ед. ч. презенса адмиратива. Учитывая тот факт, что до недавнего времени фаршероты Горна-Белицы свободно говорили на албанском и на македонском языках, адмиратив в их говоре, скорее всего, представляет собой «комбинацию калькирования и заимствования из албанского языка при вероятном славянском влиянии» (Friedman 1994: 83).

- (4) Индикатив и адмиратив глагола ‘работать’ в албанском языке и в арумынском говоре Горна-Белицы (Friedman 1994: 85)

	индикатив арумынский	албанский	адмиратив арумынский	албанский
prs	<i>lukră</i>	<i>punon</i>	<i>lukratska</i>	<i>punuaka</i>
ipf	<i>lukre</i>	<i>punonte</i>	-	<i>punuakësh</i>
pf	<i>ari lukrată</i>	<i>ka punuar</i>	<i>avuska lukrată</i>	<i>paska punuar</i>
pqpf	<i>ave lukrată</i>	<i>kish punuar</i>	-	<i>paskësh punuar</i>

	индикатив арумынский	албанский	адмиратив арумынский	албанский
aor II	<i>avu lukrată</i>	<i>pat punuar</i>	-	-
pf II	<i>ari avut lukrată</i>	<i>ka pasë punuar</i>	<i>ari avuska lukrată</i>	<i>paska pasë punuar</i>
pppf II	<i>ave avut lukrată</i>	<i>kish pasë punuar</i>	<i>ave avuska lukrată</i>	<i>paskësh pasë punuar</i>
aor III	<i>avu avut lukrat</i>	<i>pat pasë punuar</i>	-	-

Из таблицы (4) видно, что в говор Горна-Белицы также были калькированы некоторые албанские сверхсложные формы прошедшего времени. По-видимому, с началом контактов с македонским языком, арумыны Горна-Белицы использовали свою билингвальную арумынско-албанскую компетенцию для передачи богатой македонской системы аналитических претеритов, включающей в себя три типа перфекта (*сум јадел*, *имам јадено*, *сум јаден* ‘я поел(а)’), где л-перфект выражает также эвиденциальные значения, и формы перфекта II и III *сум имал јадено* и *сум бил јаден*, выражающие значения косвенной эвиденциальности (Markovik’ 2013: 121; Макарцев 2014: 105–108; Makarova 2017).

2.4. Местоименные клитики в албанском говоре с. Мандрицы, Болгария

Албанское село Мандрица, расположенное в Восточных Родопах, впервые упоминается в османской переписи 1627 г. (Гюзелев 2004: 100). С самого начала Мандрице был свойственен албанско-болгарский билингвизм, следствием которого являются многочисленные контактнообусловленные изменения в системе албанского говора. Кроме того, мужчины из Мандрицы усваивали и турецкий язык, работая за пределами села или занимаясь торговлей с турками (Sokolova 1983: 7–9).

В результате контактов с болгарским языком в албанский говор Мандрицы были заимствованы дативные местоименные клитики 2sg *ti* (< болг. *ти*), 3sg *hi* (< болг. *и*, диал. родопск. *ху* ‘ей’), 3pl *him* (< болг. *им*, диал. родопск. *хим*). Клитики 2-го и 3-го лица ед. ч. могут использоваться как посессивные показатели, в основном (но не только) в сочетании с терминами родства (5а). В литературном албанском языке подобное употребление невозможно, и в говоре Мандрицы оно, несомненно, обусловлено болгарским влиянием. В косвенных падежах клитики встраиваются в словоформу между основой и падежным окончанием (5б), подобно посессивным маркерам в турецком (6).

(5a) *motra-hi*
сестра-3SG.POSS
'его/ее сестра' (Sokolova 1983: 105)

(5b) *tat-hi-n*
отец-3SG.POSS-ACC.SG.DEF
'его/ее отец' (Sokolova 1983: 107)

(6) *ev-i-nin*
дом-3SG.POSS-GEN
'его/ее дома' (Кононов 1996: 400)

2.5. Местоименные клитики в говоре албанцев Украины

Села Каракурт (в 1944–2016 гг. — Жовтневое), Георгиевка, Девнинское и Гаммовка были основаны выходцами с юга Албании, которые переселились в XV–XVI вв. на северо-восток Болгарии, а в начале XIX в. — из Болгарии в Бессарабию, принадлежавшую Российской империи (Морозова, Новик 2016). На протяжении нескольких столетий албанцы проживали в тесном соседстве с болгарями и гагаузами. Это соседство, а также смешанные браки способствовали албанско-болгарско-гагаузскому многоязычию, которое вплоть до настоящего времени сохраняется в с. Каракурт (Морозова 2016; см. также Котова 2017).

В говор албанцев Украины заимствованы болгарские клитики 2SG *ti* (< болг. *ti*) и 3SG *i* (< болг. *ù*). Они употребляются только в сочетании с заимствованными терминами родства и, возможно, были заимствованы вместе с лексемами. В формах косвенных падежей клитики не встраиваются в словоформу, а следуют за окончанием (7).

(7) *ta*   *tamo-n-ti*
с   мать-ACC.SG.DEF-2SG.POSS
'с твоей матерью' (Морозова 2016: 91)

Кроме этого, заимствованные клитики в говоре албанцев Украины используются как притяжательные показатели в генитивной именной группе (8), которая структурно идентична тюркской (гагаузской) посесивной конструкции (9).

(8) *a*   *fuɾə-s*   *am-u-i*
f.NOM.SG   девушка-GEN.SG.DEF   мать-NOM.SG.DEF-3SG.POSS
'мать девушки' (Морозова 2016: 91)

(9) *kiz-in*   *ev-i*
девушка-GEN   дом-3SG.POSS
'дом девушки' (Покровская 1996: 234)

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В упоминавшихся выше работах (Gardani 2008; Matras 2009; Gardani, Arkadiev, Amiridze 2015 и др.) перечисляются факторы, облегчающие заимствование элементов, несущих грамматическое значение — принадлежность к эмоционально-прагматической сфере, несвязанный характер самого элемента и пр. Как кажется, мы можем — с некоторой осторожностью — добавить в этот список и мультилингвальный характер языковых контактов. Разумеется, три- и мультилингвальный характер ситуации не является ни необходимым, ни достаточным условием для заимствования грамматической «материи». Более того, в наших случаях мы не можем доказательно утверждать, что такое заимствование является следствием трилингвизма, а не просто очень интенсивных контактов. Тем не менее, представляется, что такая связь может существовать. В частности, при столкновении с новым языком (L3) билингвальные носители актуализируют свои знания обоих языков, имеющих в их языковой компетенции (L1 и L2). В случае определенных сходств в категориальных системах L2 и L3 именно L2 может служить им источником языкового материала при установлении эквивалентности между фрагментами грамматических систем L1 и L3. Разумеется, эти предположения нуждаются в подкреплении большим эмпирическим материалом.

ЛИТЕРАТУРА

- Гюзелев 2004 — *Гюзелев Б.* Албанците в Източните Балкани. София: ИМИР, 2004.
- Котова 2017 — *Котова Н. В.* Язык албанцев Украины в середине XX века. Тексты и словарь. Комментарии / Седакова И. А. (отв. ред.), Жугра А. В., Морозова М. М. (науч. ред.). М.: ЯСК, 2017.
- Кононов 1996 — *Кононов А. Н.* Турецкий язык // Языки мира. Тюркские языки. М.; Бишкек: ИД «Кыргызстан», 1996. С. 394–411.
- Макарцев 2014 — *Макарцев М. М.* Эвиденциальность в пространстве балканского текста. М.; СПб.: Нестор-История, 2014.
- Маслов 2005 — *Маслов Ю. С.* Болгарский язык // Языки мира: Славянские языки. М.: Academia, 2005. С. 69–102.
- Морозова 2016 — *Морозова М. С.* Говор албанцев Украины: Грамматический очерк // «Призовский отряд». Язык и культура албанцев Украины / Но-

- вик А. А. (отв. ред.), Морозова М. С., Ермолин Д. С. (ред.). СПб.: МАЭ РАН, 2016. Ч. 1. Т. 2. С. 421–506.
- Морозова, Новик 2016 — *Морозова М. С., Новик А. А.* Краткая история образования албанских сел Украины: факты и мифы // «Приазовский отряд». Язык и культура албанцев Украины / Новик А. А. (отв. ред.), Морозова М. С., Ермолин Д. С. (ред.). СПб.: МАЭ РАН, 2016. Ч. 1. Т. 1. С. 219–276.
- Покровская 1996 — *Покровская Л. А.* Гагаузский язык // Языки мира. Тюркские языки. М.; Бишкек: ИД «Кыргызстан», 1996. С. 224–235.
- Adamou 2012 — *Adamou E.* Verb morphologies in contact: evidences from the Balkan area // *Morphologies in Contact / Vanhove M., Stolz Th., Urdze A., Otsuka H.* (eds.). Berlin: Akademie Verlag, 2012. P. 143–162.
- Aikhenvald 2009 — *Aikhenvald A. Y.* Semantics and Pragmatics of Grammatical Relations in the Vaupés Linguistic Area // *Grammars in Contact: A Cross-Linguistic Typology / Aikhenvald A. Y., Dixon R. M. W.* (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 237–266.
- Friedman 1994 — *Friedman V.* Surprise! Surprise! Arumanian Has Had an Admirative! // *Indiana Slavic Studies*. 1994. Vol. 7. P. 79–89.
- Friedman 2002 — *Friedman V.* The Typology of Balkan Evidentiality and Areal Linguistics // *Balkan Syntax and Semantics / Mišeska Tomić O.* (ed.). Amsterdam: Benjamins, 2004. P. 101–134. (*Linguistik Aktuell/Linguistics Today* 67.)
- Friedman 2013 — *Friedman V.* The Use of *li* as a Marker of Evidential Strategy in Romani // *Съпоставително езикознание*. 2013. № 38(2–3). P. 253–261.
- Gardani 2008 — *Gardani F.* Borrowing of Inflectional Morphemes in Language Contact. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2008.
- Gardani, Arkadiev, Amiridze 2015 — *Gardani F., Arkadiev P., Amiridze N.* (eds.). Borrowed morphology. Berlin; Boston; Munich: Walter de Gruyter, 2015.
- Kostov 1973 — *Kostov K.* Zur Bedeutung des Zigeunerischen für die Erforschung grammatischer Interferenzerscheinungen // *Балканско езикознание*. 1973. Т. 16(2). С. 99–113.
- Makarova 2017 — *Makarova A.* On the Macedonian Perfect(s) in the Balkan Context // *Zeitschrift für Slawistik*. 2017. Vol. 62(3). S. 387–403.
- Markovik' 2013 — *Markovik' M.* The Aromanian Farsheroti Dialect — Balkan Perspective // *Colloquia Humanistica* 2013. Vol. 2. P. 115–132.
- Matras 2009 — *Matras Y.* Language Contact. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
- Sokolova 1983 — *Sokolova B.* Die albanische Mundart von Mandritsa. Berlin: Otto Hararssowitz, 1983.

М. С. Морозова (Санкт-Петербург)

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАЦИИ
В УСЛОВИЯХ НЕРАВНОВЕСНОГО БИЛИНГВИЗМА:
СЛАВЯНСКО-АЛБАНСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ
И ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ КОДОВ*

1. ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа посвящена контактно обусловленным явлениям в речи билингвальных представителей славянских сообществ, проживающих на территории албанско-славянского языкового «пограничья». На материале диалектных текстов, собранных в балканских экспедициях 2008–2011 гг., анализируются явления языковой интерференции (заимствование языковых элементов — слов, морфем или устойчивых элементов, больших, чем слово), переключения кодов (ПК) и смешения кодов (СК) и делается попытка пролить свет на проблему взаимоотношений интерференции и ПК как контактно обусловленных явлений. Вслед за А. Ю. Русаковым (2004), под ПК понимается переход с одного языка на другой в рамках одного дискурсивного единства, а под СК — говорение на одном языке с включением элементов другого языка.

2. СЛАВЯНСКИЕ СООБЩЕСТВА АЛБАНИИ:
КОММУНИКАЦИЯ В УСЛОВИЯХ НЕРАВНОВЕСНОГО БИЛИНГВИЗМА

Нижеследующие примеры иллюстрируют коммуникацию на славянских диалектах областей Гора и Голо Бордо на северо-востоке Албании, в присутствии — и нередко при непосредственном участии — исследователей, владеющих стандартным албанским и македонским языками. Идиомы рассматриваемых славянских сообществ не обладают

---

* Исследование выполнено в ходе работ по проекту «Балканский билингвизм в доминантных и равновесных контактных ситуациях в диатопии, диахронии и диастратии» (номер заявки в РНФ 19-18-00244).

официальным статусом и демонстрируют различную степень подверженности албанскому контактному влиянию. Тем не менее, в целом изучаемые ситуации представляют собой сохранение языка (Thomason, Kaufman 1988), который является субдоминантным на уровне государства и макрорегиона, но доминирует в рамках сообщества.

Примеры (3–8) цитируются по (Соболев, Новик 2013) и приводятся в транскрипции, принятой в источнике. Примеры (1–2) извлечены из полевых материалов автора и записаны с использованием знаков МФА/ИРА. Включения на албанском языке и их переводы на русский язык выделены подчеркиванием.

2.1. Лексическая интерференция и ПК в области Гора

Примеры (1, 2) представляют собой фрагменты бесед исследователя М. и билингов из с. Шиштavec, которое расположено в историко-этнографической области Гора на территории Албании (Дугушина, Ермолин, Морозова 2013). Все жители села являются нативными носителями горанского говора, используемого в повседневном общении внутри сельского сообщества, и могут в той или иной степени владеть албанским языком (компетенция мужчин в албанском языке, как правило, выше, чем компетенция женщин).

(1) К. (Ж, ок. 30 лет), М. (исследователь, Ж, 25 лет), И. (М, ок. 60 лет)

К. *méne mi e lágap kïnji i óvaja né moze da se múzi vo kïnji. <...> májtfintsí néjzini, ne je úbavo. svójte. vo kábile, vélime nie.*

‘У меня фамилия Кинджи, и эта [дочь] не может выйти замуж в род Кинджи. <...> Это ее родня по матери, нехорошо. Родственники. В кабиле (от тур. *kabile* ‘племя, клан’), как мы говорим’.

М. *a kábile fíciptarski káko?*

‘А как по-албански кабиле?’

К. *káko go vélime shícip kábile?*

‘Как сказать по-албански кабиле?’

<...>

И. *kábile... nie... jézik slávski íma fjálur pógolem, a arnáuetski pómalo.*

‘Кабиле... мы... у славянского языка словарь больше, а у албанского меньше’.

(2) С. (М, ок. 60 лет), М. (исследователь, Ж, 25 лет)

С. *stojánit̃se, móri stopánit̃se, fto ti lítse podgórelo káko dijna ot slánata. dijna znaf fto je?*

‘Стояница, хозяйка, отчего у тебя лицо поблекло, как *dijna* (мак. *диња* ‘дыня’) от инея. Знаешь, что такое *dijna*?’

М. *kúngul*.

‘*kúngul* (алб. *kungull*, -i ‘тыква’)’.

С. *ne e kúngul. pjépar. pjépri. káko go pómori slána. znaš slána fo je? brýma. vo jésen fo v řni, fo pánuje, fo zamřznuje... vo tétor. ósumbar, dévetbar. málo ka snek, vo sába.*

‘Не *kúngul. pjépar* (алб. *pjep|ër, -ri* ‘дыня’). *pjépri*. Как будто ее побил иней. Знаешь, что такое иней? *brýma* (алб. *brym|ë, -a* ‘иней’). Который осенью идет, выпадает, замерзает... в октябре. Октябрь, ноябрь. Немного как снег, утром’.

В горанской речи практически отсутствуют вставки из албанского языка и переключение на албанский. Существительные *lágap* (алб. *llagáp, -i* ‘прозвище, фамилия’), *fjalur* (алб. *fjalór, -i* ‘словарь’) в примере (1) и *tétor* (алб. *tetór, -i* ‘октябрь’) в примере (2), как представляется, можно считать адаптированными в языке-реципиенте. На их адаптацию указывает перенос ударения на первый слог. Употребление этих единиц в горанском говоре может быть как заимствованием, обусловленным большим престижем языка-донора (употребление слова *fjalór* ‘словарь’ в (1), вероятно, позволяет И. выразиться более «научно» и солидно), так и следствием ПК с включением (insertion) полнозначных слов языка А в речь на языке Б, которое может сопровождаться оформлением лексемы морфологическим показателем языка Б (Muysken 2000: 63). Последнее относится в наибольшей степени к тем албанским лексемам, которые являются дублетами уже существующих в говоре лексических единиц. Например, наречие *shhtëip* (1) и существительное *tétor* (2) употребляются в приведенных фрагментах бесед наряду с собственно горанскими лексемами *arnáutski* ‘по-албански’ и *ósumbar* ‘октябрь’.

2.2. Заимствования, СК и ПК в славянском идиоме Голо Бордо

В славяноязычном селе Требишта области Голо Бордо «[М]ы имеем дело с двуязычием миноритарной группы, где социально доминирующий официальный язык страны обладает престижем власти, а язык меньшинства доминирует в языковой компетенции говорящих» (Соболев и др. 2018: 710). Жители села говорят на местном македонском диалекте. Государственным албанским языком, который преподается в школе, как правило, не владеют пожилые женщины и дети дошкольного возраста.

Количество албанских элементов разного рода в славянской речи билингвов с. Требишта в целом невелико. Небольшая часть из них — очевидные случаи ПК, которое может ограничиваться одним словом, составляющим самостоятельное высказывание (3), или представлять собой случай языковой рефлексии (4). В примере (4) информант не уверен, является ли лексема *š'utl'eš* (алб. *sytiac*, *-i* / *sytiash*, *-i*) македонской, и, рассуждая об этом, переключается на албанский язык.

(3) А. С. (М, 1953 г.р.), В. С. (М, 1968 г.р.)

А. С. *o verdija!*

‘Верди! (алб. *o* — вокативная частица нейтрального стиля)’

В. С. *urðar'o!*

‘Да! (досл. «приказывай»)’

А. С. *da o t'ornam ž'ig'erot n'a se?*

‘Я выну внутренности [козленка]?’

В. С. *t'orn'i o be!*

‘Вьнь!’

(4) Р. С. (М, 1958 г.р.)

e., za ž'urden m'ije pr'aime bl'ago, e:... k'ako se v'ika, š'utl'eš so ml''eko. i so 'oris. š'utl'eš, 'oris. š'utl'eš si e p'uemi mak'edon'išti? 'oris me tə 'ambəl'?

‘Э, на день Святого Георгия мы делаем сладкое, э... как называется, шутлеш с молоком. И с рисом. Шутлеш, рис. Шутлеш как сказать по-македонски? Рис со сладким?’

Албанские существительные практически всегда адаптированы, напр. *borč*, DEF *b'orč-ot* (от алб. *borxh*, *-i*) ‘долг’ (5). Нечленная форма существительных м. р. совпадает с исходной албанской неопр. формой, однако перенос ударения на первый слог указывает на некоторую степень их адаптации: *b'esimtar* ‘верующий’, от алб. *besimtár*, *-i* (6).

(5) Р. С. (М, 1958 г.р.), Ф. С. (Ж, ок. 50 лет)

Ф. С. *t'a: go z'ela borč.*

‘Взяла их в долг’.

Р. С. *tri d'ena. tu z'ela.*

‘Три дня. У него взяла’.

Ф. С. *tri d'ena! z'aradi toj b'orčot, zaš ot drug'i'ot mesec tri d'ena!*

‘Три дня! Из-за этого долга, от другого месяца три дня!’

(6) Р. С. (М, 1958 г.р.)

e, i t'oga i toj b'eše b'esimtar, bes'oveše.

‘Э, и значит, и он был верующим, веровал’.

Встречаются также употребления типа *daf* <баран.SG.INDF> (в членной форме *d'af-of ~ d'af-of*) — *na d'ef-i* <PREP баран.PL-PL>, от алб. *dash, -i* — *desh, -ët* ‘баран — бараны’ (Соболев и др. 2018: 713), которые представляют собой случай независимой адаптации форм ед. и мн. числа. Данное явление не является редкостью; аналогичные примеры независимой адаптации числовых форм русских существительных обнаруживаются, например, в севернорусском диалекте цыганского языка: *друго, друзья* (Русаков 2004: 74).

Албанские глаголы в славянской речи жителей Требишта, напротив, адаптируются довольно редко: IPF.3SG *bes'ov-e-še* ‘он верил’, от алб. *besoj* (6). Глаголы употребляются по большей части в неадаптированной форме и спрягаются по албанской модели. Ср. *ar'zin'ojn* ‘постятся’ (искаж. алб. *agjërojñë*), употребляемое наряду с исконными лексемами и другими заимствованиями в речи собеседников (7), и *spjeg'oi* (алб. *shpjegój*) ‘объясняю’ в составе конструкции *ne zn'am da spjeg'oi*, которая, вероятно, является калькой с алб. *nuk di të shpjegoj* ‘не могу (досл. «не знаю») объяснить’ (8). Подобные явления, представляющие особый интерес, описаны, в частности, на примере сильно интерферированного севернорусского диалекта цыганского языка (Русаков 2004).

(7) Р. С. (М, 1958 г.р.), Ф. С. (Ж, ок. 50 лет), А. С. (М, 1953 г.р.)

Р. С. *s'ega što da ti k'ažime m'ie za r'amazanski. 'ovoi ramaz'ansk'i b'ajram tr'ieset d'ena... e., kako s'e vel'it ar'zin'ojn, 'ovie...*

‘Теперь что сказать про рамазан-[байрам]. Этот рамазан-байрам тридцать дней... э, как сказать, постятся, эти...’

Ф. С. *d'oržime r'amazan.*

‘Держим рамазан’.

А. С. *p'ostime.*

‘Постимся’.

(8) Р. С. (М, 1958 г.р.), С. М. (М, 1953 г.р.)

Р. С. *'onoj pr'epas, što s'akat da k'ažit toj laf pr'epas?*

‘Это pr'epas (алб. *përparas* ‘позади’), что значит это слово pr'epas?’

С. М. *a toj si e st'aro, pr'epas, ja ne zn'am da spjeg'oi po t'a:ke.*

‘А это старое, pr'epas, я не могу объяснить так’.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как видно из примеров, в коммуникации, осуществляемой на первом языке (славянский диалект, доминирующий в микросообществе), переключение кодов на второй (албанский) язык возникает у билингвов Горы и Голо Бордо относительно редко. Случаи употребления адаптированных существительных можно интерпретировать либо как заимствования, либо как включения (*insertions*), которые, согласно П. Мэйсену, представляют собой один из случаев ПК внутри предложения. Употребление неадаптированных албанских глаголов в славянской речи билингвов Голо Бордо нуждается в дальнейшем рассмотрении.

Анализируемые ситуации отличаются от сообществ, для которых характерно длительное и равноправное (т. е. без видимой доминации) сосуществование двух языков, например села Веля-Горана на юге Черногории, описанного в (Морозова, Русаков 2018). В речи равновесных билингвов в этом сообществе практически отсутствует СК, а ПК в рамках диалога / полилога, равно как и отказ от него, является немаркированным выбором (Морозова 2018; Соболев и др. 2018: 720). У билингвов, усвоивших второй язык (албанский) в зрелом возрасте, в речи на этом языке часто происходит СК и употребляются дискурсорегулирующие элементы (союзы, наречия, вводные слова) из первого языка, что связано, по-видимому, с его прагматической доминацией (Морозова 2018: 62). Изучение коммуникации на втором языке в сообществах с неравновесным билингвизмом, подобных славянам Горы и Голо Бордо, является задачей будущего.

ЛИТЕРАТУРА

- Дугушина, Морозова 2013 — *Дугушина А. С., Морозова М. С.* Родинная обрядность // Голо Бордо (Gollobordë), Албания. Из материалов балканской экспедиции РАН и СПбГУ 2008–2010 гг. / Соболев А. Н., Новик А. А. (ред.). СПб.: Наука, München: Otto Sagner, 2013. С. 143–158.
- Дугушина, Ермолин, Морозова 2013 — *Дугушина А. С., Ермолин Д. С., Морозова М. С.* Этнографические наблюдения в области Гора (Албания, Косово): по материалам экспедиции 2011 г. // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. СПб.: МАЭ РАН, 2013. Вып. 13. С. 50–65.
- Морозова 2018 — *Морозова М. С.* Выбор языка и переключение кодов в балканском полилоге (на примере билингвального сообщества Веля-Гораны, Чер-

- ногория) // Балканский полилог: коммуникация в культурно-сложных обществах. Памяти Вячеслава Всеволодовича Иванова / Седакова И. А. (отв. ред.), Макарец М. М., Цивьян Т. В. (ред.). Москва: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 49–67. (Материалы круглого стола ЦЛИ Balcanica. 6.)
- Морозова, Русаков 2018 — Морозова М. С., Русаков А. Ю. Черногорско-албанское языковое пограничье: в поисках «сбалансированного языкового контакта» // Слов'їне. 2018. № 2. С. 258–302.
- Русаков 2004 — Русаков А. Ю. Интерференция и переключение кодов (севернорусский диалект цыганского языка в контактологической перспективе). Дис. ... докт. филол. наук. СПб., 2004.
- Соболев, Новик 2013 — Голо Бордо (Gollobordë), Албания. Из материалов балканской экспедиции РАН и СПбГУ 2008–2010 гг. / Соболев А. Н., Новик А. А. (ред.). СПб.: Наука, München: Otto Sagner, 2013.
- Соболев и др. 2018 — Соболев А. Н., Кисилиер М. Л., Козак В. В., Конёр Д. В., Макарова А. Л., Морозова М. С., Русаков А. Ю. Южнославянские диалекты в симбиотических сообществах Балкан. Доклад на XVI Международном съезде славистов. Белград, 19–27 августа 2018 г. // Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН / Головки Е. В. (глав. ред.). СПб.: ИЛИ РАН, 2018. Т. XIV. Ч. 2. С. 685–746.
- Muysken 2000 — Muysken P. Bilingual Speech: A Typology of Code-Mixing. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Thomason, Kaufman 1988 — Thomason S. G., Kaufman T. Language Contact, Creolization, and Genetic Linguistics. Berkeley: University of California Press, 1988.

А. А. Новик, А. С. Дугушина, Д. С. Ермолин (Санкт-Петербург)

«NJË КОМВ, NJË GJUHË¹» (?):
КОММУНИКАЦИЯ МЕЖДУ АЛБАНЦАМИ БАЛКАН
И ДИАСПОРЫ*

Говор албанцев Украины развивается вне основного языкового массива — на западе Балкан — на протяжении более пятисот лет². Говор подвергался и подвергается сильнейшему влиянию болгарского, гагаузского, русского, в последние годы и украинского языков как в плане лексики, фонетики, так и грамматики. В течение всего периода научного изучения албанцев Украины (оно было начато в первые десятилетия XX в. Н. С. Державиным) фиксируются неоднократные попытки кодифицировать их язык и письменность. Так, отдельные энтузиасты пытались сформировать алфавит и правила письма для говора албанцев Приазовья в 1920–1930-е гг. (в период украинизации, проводившейся «сверху», а потому провалившейся ввиду отсутствия поддержки на местах и дефицита квалифицированных кадров).

В годы, последовавшие после Великой Отечественной войны, в период так называемого «развитого социализма», попытки «придумать» письменность для своего говора, а заодно и упорядочить языковую норму осуществлялись местными интеллектуалами: поэтами, писателями, краеведами (к примеру, Петром Кирилловичем Мержевым и Павлом Константиновичем Радиусом в селах Георгиевке и Девнинском в Приазовье). Они записывали свои произведения, используя кириллицу; звуки, для передачи которых отсутствовали подходящие буквы русско-

¹ Алб. *Një komb, një gjuhë* ‘одна нация, один язык’ — слоган, ставший популярным в последние годы в албаноязычных странах, а также среди представителей албанской диаспоры в разных регионах мира.

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 18-39-20004 «Этнокультурные проекты и их лидеры на постсоветском пространстве».

² Подробно о языке и культуре албанцев Украины см. (Новик и др. 2016; Новик и др. 2016а).

го алфавита, игнорировали или заменяли другими знаками на письме (Никольская 2010). Однако все эти попытки оставались в итоге для «домашнего» пользования и практически были неизвестны другим членам этнолокальной группы.

Новый виток попыток изобрести письменность для говора произошел в начале 1990-х гг., после дезинтеграции СССР и объявления независимости Украиной. В с. Каракурт (на тот момент носившем еще советское название — Жовтневое) стала выходить газета «Рилиндя». Она печаталась на двух языках: на албанском говоре и на русском. Это была самая серьезная заявка в попытках кодифицировать язык. Однако в силу разногласий среди издателей данный проект быстро закрылся, и в течение некоторого времени у албанцев Буджака не возникало инициативы утвердить систему письма для своего говора и определить языковую норму. Ситуация в Приазовье складывалась совершенно иным образом: там активно стал печатать свои произведения Петр Мержев, ему пытались подражать другие лидеры сообщества в сфере культуры и просвещения.

При этом не очень ясно, что помешало албанцам Украины принять в качестве алфавита для своего говора систему, принятую в Албании, Косово, Западной Македонии, на юге Черногории — в местах проживания балканских албанцев. Большинство опрошенных на эту тему информантов утверждают, что латиница им малопонятна, они привыкли «к нашим буквам».

Новый всплеск интереса к собственному языку и культуре у албанцев Приазовья и Буджака наблюдается после событий конца 2013 — начала 2014 г. на Украине, так называемого противостояния на Майдане, при смене геополитического вектора интересов нового правительства и части населения страны. Как представляется, албанцы Украины в этой ситуации посчитали себя в определенной степени обманутыми и несправедливо забытыми властями. Поэтому стали набирать силу настроения на позиционирование своей «албанскости», отразившиеся на новых этнических инициативах и практиках маркирования собственной идентичности. В частности, это придало новый импульс коммуникации между албанцами Украины и албанцами Балкан (Новик 2018).

На сегодняшний день основной площадкой их общения являются социальные сети. В исследованиях, посвященных современным проявлениям этничности, зачастую высказывается мысль, что именно малые этнические сообщества и диаспоры проявляют наибольшую кибер-

активность, вероятно, компенсируя посредством Интернета отсутствие участия в реальной жизни этнического сообщества (Головнёв и др. 2018). Самопрезентация традиционных культур все больше находит место в Интернете через форумы, социальные сети и этнически ориентированные интернет-ресурсы.

Первой попыткой объединения и обмена информацией для албанской диаспоры на юге Украины была группа, созданная в 2008 г. в российской социальной сети «ВКонтакте». Однако из-за ориентации данной социальной сети на русскоязычную аудиторию в России и странах постсоветского пространства, в сообществе, состоящем из 155 участников, в итоге поддерживалось общение лишь в рамках этнолокальной группы. Участники группы писали сообщения либо на русском языке, либо на албанском говоре с использованием кириллического алфавита¹, из-за чего балканские албанцы, вступившие в группу, не могли принимать участие в беседах.

Настоящим «окном в Албанию» и активно развивающейся площадкой коммуникации албанцев Украины с представителями албанской диаспоры за границей стал Facebook. Из наиболее многочисленных групп, созданных по инициативе представителей албанцев Буджака и Приазовья, можно назвать «KARAKURT — 200 vjetori i ekzistences se Shqiptareve ne Ukraine» (алб. искаж. ‘Каракурт — 200 лет пребывания албанцев на Украине’), насчитывающую 1868 участников, «Bashkimi i shqiptarëve të Ukrainës» (алб. ‘Союз албанцев Украины’), в которой 400 человек, и «Союз албанцев Украины в Запорожской области», в которой состоят 85 участников. В этих сообществах освещаются события из жизни диаспоры: праздники, инициативы, конференции и многое другое, позволяющие рассказать о себе и получить, как кажется, необходимую для улучшения этнического «самочувствия» реакцию албанцев («*Respekt!*» (‘Молодцы!’): «*bukuri shqiptare nuk mbaron, rroftë bashkimi i shqiptarëve të Ukrainës*» (‘албанская красота не имеет предела, да здравствует объединение албанцев Украины!’); «*respekt për njerëzit e gjakut tim në Ukrainën e largët*» (‘уважаю вас, люди моей крови на далекой Украине!’)). Сообщества в Facebook в определенной

¹ Приведем в пример следующий диалог: «*Чи ю пылькейни тыхайни мунт шуми???*» (‘Что вам нравится есть больше всего?’); «*БУКЫ МА МАС-ЛО!!!!!!!!!!!!*» (‘Хлеб с маслом’); «*Миш пылькен тыха=)*» (‘Мясо люблю есть’); «*ама ю АЛБАНЦЫ молодцы, аппетит кени))пэ ун картофле пюрэ ма турши патлажан))))*» (‘А вы, албанцы, молодцы, имеете аппетит. А я [люблю] картофельное пюре с маринованными баклажанами’).

степени являются продолжением реальной жизни диаспоры, своеобразной декларацией существования своей малой этнической группы. Лидер общественной организации и одноименной группы в Facebook «Союз албанцев Украины» Александр Дерментли довольно часто в интервью местным СМИ подчеркивает, что цель деятельности сообщества — «показать, что албанский этнос жив». В не меньшей степени созданные сообщества являются каналами получения информации обо всем «албанском». Руководители групп в Facebook в разной степени владеют стандартным албанским языком, однако ежедневно обновляют контент, чаще всего копируя сообщения из албаноязычного сегмента Интернета — о событиях в Албании, о традициях в различных культурных ареалах страны и т.д. Такая стратегия привлекает в первую очередь компатриотов из-за рубежа: албанцев Балканского полуострова, арбрешей Италии, мигрантов из албаноязычных стран в Европе и США. При этом из-за разной языковой компетенции пользователей трудно оценить, насколько такая «коммуникация» успешна: албанцы Украины как участники социальной сети часто используют знаки-эмотиконы, замещающие слова, или ограничиваются языковыми формулами, принятыми в албанском интернет-общении (например, *fim vlla* алб. сокр. ‘спасибо, брат’).

Тем не менее в социальных сетях среди зарегистрированных пользователей из албаноязычных сел Украины писать по-албански становится трендом. В последние годы нескольким сельским учителям из Девнинского и Каракурта, а также небольшому числу молодежи с албанскими корнями с Украины удалось поучиться в Тиранском университете, где главным предметом изучения был албанский язык. После возвращения в родные села учителя стали преподавать стандартный албанский в качестве факультатива в школах всем желающим. Более того, в селах Буджака и Приазовья многие энтузиасты принялись за изучение стандартного албанского языка самостоятельно.

В мессенджере Viber жителями села Каракурт, к примеру, создана группа “Obbor shiptar” (алб. искаж. ‘албанский двор’, ср.: алб. лит. *oborri shqiptar*; при этом в говоре такой формы быть не может), в которую входят 32 человека. Сообщения отправляются как по-русски, так и по-албански. Для записи текста на родном говоре используется исключительно кириллица (в отличие от постов, которые делаются в Facebook). Анализируя переписку членов группы, можно прийти к выводу, что чаще всего ключевой текст (объявление, приглашение при-

ти на собрание, обращение за советом и т.д.) дается по-албански, ответы могут последовать как по-албански, так и по-русски — это зависит от времени, которым располагает респондент (как правило, албанцы Украины пишут быстрее именно по-русски, чем на родном говоре, пусть даже они и владеют им совершенно свободно). Однако коммуникация в таких группах по-албански — будь то вопрос–ответ или развернутый диалог — в любом случае обладает более высокой степенью престижа по сравнению с коммуникацией на русском или украинском языках.

Таким образом, можно констатировать, что в настоящее время коммуникация албанцев Украины с албанцами Балкан находится в зачаточном состоянии. Активная работа этнических лидеров (Петр Мержев, Александр Дерментли, Илья Русинский и др.) как в реальной жизни (тематические вечера, праздники, публикации в прессе), так и в сети Интернет (особенно в социальной сети Facebook) постепенно приводит к тому, что албанцы Украины занимают свое особое место в общеалбанской нации (Endresen 2014). Этот процесс сопровождается, с одной стороны, более тесным и непосредственным знакомством с самобытностью говора и культуры албанцев Украины, а с другой — активным принятием общеалбанской национальной символики (национальный флаг, фигура Скандербега и др.) и освоением стандарта албанского языка представителями албанского сообщества на территории Украины.

ЛИТЕРАТУРА

- Головнёв и др. 2018 — *Головнёв А. В., Белоруссова С. Ю., Киссер Т. С.* Веб-этнография и кибер-этничность // Уральский исторический вестник. 2018. № 1. С. 100–108.
- Никольская 2010 — *Никольская А. П.* Албанская поэзия П. Мержева // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2010. № 1. 169–172.
- Новик и др. 2016 — *Новик А. А., Бучатская Ю. В., Ермолин Д. С., Дугушина А. С., Морозова М. С.* «Приазовский отряд». Язык и культура албанцев Украины / Новик А. А. (отв. ред.). СПб.: МАЭ РАН, 2016. Часть I. Т. 1.
- Новик и др. 2016а — *Новик А. А., Бучатская Ю. В., Ермолин Д. С., Дугушина А. С., Морозова М. С.* «Приазовский отряд». Язык и культура албанцев Украины / Новик А. А. (отв. ред.). СПб.: МАЭ РАН, 2016. Часть I. Т. 2.

- Новик 2018 — *Новик А. А.* Албанцы Украины: албанский «стандарт» vs говор и идентичность в XXI в. // Балканский полилог: коммуникация в культурно-сложных сообществах. Памяти Вячеслава Всеволодовича Иванова / Седакова И. А. (отв. ред.), Макарец М. М., Цивьян Т. В. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 68–91. (Материалы круглого стола ЦЛИ Balcanica. 6)
- Endresen 2014 — *Endresen C.* Status Report Albania 100 Years: Symbolic Nation-Building Completed? // Strategies of Symbolic Nation-building in South Eastern Europe / Kolstø P. (ed.). Farnham: Ashgate, 2014. P. 201–225.

А. А. Новик (Санкт-Петербург)

СЕМЕЙНЫЕ ИСТОРИИ КАК АКТ КОММУНИКАЦИИ
В АЛБАНСКО-ГРЕЧЕСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ:
ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИИ В ХИМАРУ В 2018 Г.*

Семейные истории — один из самых частотных видов нарративов, фиксируемых в ходе экспедиционной работы по сбору полевых этнологических, лингвистических, фольклорных и иных материалов. Как и тексты семейных хроник, устные семейные истории обладают исключительно высокой степенью приближения и высокой достоверностью, а потому приобретают исключительную популярность в антропологических исследованиях последних лет (см. например: Тишков 2001; Гуревич 2018).

В зонах этноязыковых контактов семейные истории нередко становятся структурообразующими хрониками местности, выполняющими функцию источника, почти архивного документа, подлинность которого, скажем так, нотариально не заверена и не доказана, но оспаривать который вряд ли кто-то решится — столь велика в традиционном и современном обществе бывает вера в слово, тем более в «слово семьи» или «слово о семье».

Целью данной работы является представить и проанализировать семейные истории, зафиксированные в ходе полевой работы у грекоязычного и албаноязычного населения Химары¹, как жанр нарративов, функционально направленных на коммуникацию со *своими* и *чужими* при самоидентификации и для самопозиционирования. Предметом исследования стали исключительно семейные истории, поведенные нашими ключевыми информантами при обосновании своей (и своих близких) автохтонности в регионе по отношению к другим.

---

* Работа выполнена при поддержке СПбГУ. Мероприятие 6, 2018. COLLAB 2018.

¹ *Краина* в Южной Албании, на побережье Ионического моря.

Население Химары имеет довольно сложный состав: албанцы православные, греки православные, албанцы мусульмане, арумыны по определению — православные, различные группы цыганского населения (их совсем мало, и появились они здесь лишь в последние годы), славяне-мусульмане (как сезонные рабочие и члены их семей). В регионе с таким сложным составом населения не может не вестись дискуссии о том, кто является здесь автохтоном, а кто — пришлый. При этом усиливающим фактором определенного размежевания на *своих* и *чужих* служит зачастую недалёковидная политика чиновников различного уровня — как в Албании, так и в Греции.

Для людей, живущих в обследованных населенных пунктах региона Химары¹, важным доказательством их автохтонности, т.е. локальной самоидентификации (географический фактор), имеющей прямое отношение как к этническому происхождению, так и к истории региона, а соответственно, и к вопросу национальному (от понятия «нация»), касающемуся уже национальной самоидентификации (например, гражданином какой страны себя считать), являются семейные истории.

Практически все опрошенные информанты (в 2018 г. их было 15 человек), невзирая на тему интервью², сочли долгом рассказать о своей семье — такие истории призваны были послужить сильным аргументом в доказательстве своих прав являться автохтонным жителем Химары. При этом так поступали как те, кто позиционирует себя греком, так и те, кто позиционирует себя албанцем.

Достаточно подробное интервью было записано автором в так называемой деревне Химаре (алб. *Himara fshat*) — историческом центре города Химары, самого крупного населенного пункта историко-этнографической области Химары, у Йорго Рондо (*Jorgo Rondo*), 1940 г.р. Прадед информанта, Одиссей Рондо (*Odhise Rondo*), 1880-х гг. р., был обычным чабаном в своем селе — пас овец. Считался уважаемым человеком³, имел семью, достойно растил детей. В начале XX в. прадед решил построить в селе церковь на собственные средства. Его доходы

¹ Это сам город Химара и находящиеся поблизости села: Кепаро, Борш и др.

² Запись материалов велась на темы свадьбы, традиционной одежды, кухни из рыбы и морепродуктов, терминологии рыболовства и многие др.

³ Данная характеристика весьма значима для описания ситуации в Химаре. Для сравнения, у албанцев Украины такие профессиональные занятия считались низко-статусными, чабан занимал низшую ступень в социальной структуре балканских колонистов в XIX–XX вв.

позволяли это сделать. Свою мечту прадед осуществил — построил церковь св. Спиридона. В дальнейшем семья содержала храм, в который прибывали верующие со всей округи. С приходом к власти в 1944 г. коммунистов ситуация в Химаре резко изменилась. В 1967 г. все культовые учреждения в Албании были закрыты, священнослужители репрессированы. Храм, содержавшийся семьей Рондо, был закрыт (АМАЭ: Новик 2018А: 8–9).

Информанту важно подчеркнуть, что его семья была греческой, они всегда говорили между собой и с соседями и родней по-гречески. А самым важным аргументом является то, что прадед построил в селе (на этой земле!) храм — и храм, посвященный особо почитаемому греческому святому — Спиридону.

Во время демократических преобразований в Албании, в начале 1990 х гг., информант как этнический грек уехал в Грецию. Сумел отыскать там отца, бежавшего из социалистического «рая», бросив жену и детей. В дальнейшем унаследовал его типографский бизнес, проработал много лет в Афинах. Затем вышел на пенсию. В Химару приезжает на отдых каждое лето. Считает, что лучший отдых на родной земле, в собственном доме. К нему приезжает на долгий срок жена, а в августе бывают еще дети и внуки. Очень гордится тем, что он грек, что у него есть греческий паспорт, что у них с женой достойная пенсия (на двоих 1000 евро): «Нам, старикам, хорошо. Больших потребностей у нас уже нет. Этих денег вполне хватает» (АОЕ: Новик: Rondo_Jorgo_historia). Однако от льгот, предоставляемых албанским государством, они тоже не отказываются: «Мы и албанскую пенсию получаем. Она, правда, маленькая, но нам все равно в помощь!» (Ibidem).

Это «греческий взгляд» на историю Химары, ее прошлое и настоящее. В качестве важнейшего аргумента в отстаивании прав именно греков приводится история семьи с акцентом на следующие составляющие: «всегда говорили *по-гречески*», «прадед построил церковь святого Спиридона на *собственной земле*», «мы уехали в *Грецию*», «возвращаемся сюда, на *родную землю*» и др. Для большего эффекта — с целью расположить собеседника и убедить его в собственной правде — приводятся сведения о гонениях, которым подверглось в годы авторитарного правления Энвера Ходжи греческое меньшинство. И такая стратегия при коммуникации выбирается — с учетом собеседника — целенаправленно.

Для сравнения совершенно необходимо также и привлечение семейных историй с изложением точки зрения тех, кто позиционирует себя

албанцем. Во время экспедиции 2018 г. в г. Химаре было записано несколько интервью у информантов, декларирующих себя албанцами. Наиболее полярный по отношению к описанному нарративу взгляд на историю и события в регионе у тех, кто родился не здесь, а в северных или центральных областях страны, кто совершенно не имеет греческих корней и кто приехал сюда, в приморский регион, ради трудоустройства.

Инф.: Я не местная. Я родилась под Эльбасаном, точнее в Прэняс¹, — может, знаете? Я оттуда давно уже с мужем переехала. Там у нас совсем нет работы. А здесь — курорт, отдыхающие, можно жить. Здесь все хорошо, только вот... местные, они совсем расисты, они нас не любят и даже не скрывают этого.

А.Н.: Местные-то кто? Греки?

Инф.: Да нет, не только греки! Здесь что греки, что албанцы — пойдешь разберись с ними, кто они! Они — все одно! То греками себя называют, то албанцами. Смешанные они. А вообще — если они живут в Албании, то и считаться должны албанцами. Они себя только любят, всех остальных нет, особенно приезжих, как я. Расисты они!

А.Н.: Вы по-гречески говорите?

Инф.: Нет! Пытаюсь выучить, но у меня как-то не получается. Это не просто. Да и при таком отношении даже стимула нет учиться, правда!

А.Н.: А у Вас сын есть, подросток. Ему как здесь?

Инф.: О, сыну уже проще! У него все друзья местные, он уже на их языке может разговаривать. Детям легче, чем нам, взрослым.

А.Н.: Вы давно здесь?

Инф.: Да уже 10 лет... или около того. Я могу Вам историю своей семьи рассказать — Вам станет понятно. Родилась я в Прэняс, мы албанцы. <...> И всегда считали, что в Албании все албанцы живут. У меня братья-сестры по всему миру живут. Одни мы сюда приехали. И живем. А нас здесь за своих не считают. Мы, албанцы, живем в Албании, но словно и не у себя в стране. Это как-то неправильно! У нас корни здесь, в Албании... Ладно, надеюсь, все хорошо будет.

(АМАЭ: Новик 2018А: 38–39)

¹ Алб. *Prrenjas* — небольшой город, довольно далеко, по местным меркам, расположенный от Эльбасана. — А. Н.

Выше приведен фрагмент интервью, записанного у информантки, около 35 лет, албанки, родом из Средней Албании. Она содержит магазин туристических товаров в г. Химаре, рядом с набережной. (По понятным причинам имя и фамилия в тексте статьи не приводятся.) В качестве действенного аргумента в поддержку своих слов женщина в записанном интервью начинает рассказывать историю своей семьи, которая в действительности не имеет никакого отношения к региону, зато по замыслу рассказчика должна проложить путь к сердцу слушателя, являясь очень доступным и проверенным средством, чтобы вызвать сочувствие. Так как в беседе с приезжим исследователем избирается тактика рассказа о своей семье, то в нарратив параллельно вплетаются мемораты, бытующие в самой Химаре, — это должно обозначить причастность рассказчика к данному месту и обеспечить ему статус не приехавшего чужака, а давно живущего («уже 10 лет»), а потому обладающего правами старожила.

Как видно из приведенного выше материала, местные жители очень любят рассказать о своих корнях — это поднимает их авторитет в собственных глазах, а также должно, по определению, добавить веса в глазах собеседника.

Семейные истории могут выступать в качестве аргумента не только в акте коммуникации *свой vs чужой*. Иногда к ним прибегают и в споре со *своими*. Так, приведем пример «хозяйственного = культурного» спора. В регионе развит рыболовный промысел. В городах Саранде, Химаре, Влёре существует развитая (по местным меркам) сеть добычи рыбы, ее транспортировки, торговли и хранения. Во всех небольших поселках и селах на Ионическом побережье есть также рыбаки, выходящие практически в течение всего года в море на своих шхунах, баркасах и лодках. Регион тесно связан с морем и рыболовством. Семейные истории могут пролить свет и на эту сторону хозяйственных, социальных и культурных (в самом широком значении) сфер и особенностей региона. До настоящего времени в Химаре бытуют мемораты о развитии рыболовецкого промысла в *краине*. Так, часть опрошенных информантов с уверенностью рассказывает о том, что рыбная ловля издревле приносила местным жителями пропитание: с незапамятных времен (вариант: «со времен античности») мужчины отправлялись в море на промысел, который стабильно обеспечивал их семьи. При этом информанты не могут вспомнить, кто конкретно из их семьи и в какие годы занимался рыбной ловлей (АМАЭ: Новик 2018а: 28).

Другая часть опрошенных утверждает, что рыболовный промысел стал развиваться в здешних местах на должном уровне лишь после Второй мировой войны — в годы социалистического строительства, в период великой дружбы Албании с СССР. Тогда, в конце 1940–1950-х гг., значительное количество албанской молодежи было направлено учиться в Советский Союз, в том числе в вузы, готовившие специалистов по рыбному хозяйству и рыбной ловле. Тогда же с советской помощью в г. Влёре был модернизирован морской порт, создано рыболовецкое предприятие, доставлены из СССР рыболовецкие суда (информация Вангеля Менико, 1950 г.р., грека из г. Химары — АМАЭ: Новик 2018а: 25–27; АОЕ: Новик 2018: Vangjel_Meniko_historia). В рыбном хозяйстве стали работать подготовленные в СССР кадры (АМАЭ: Новик 2018а: 25). Знание местной истории формируется на фактах семейных историй. А в этих нарративах информанты ищут подтверждение своим взглядам на события, происходившие в стране, и именно они преподносятся как основная хроника прошлого. Такие, подчас парадоксальные, подходы можно объяснить тем, что в период *монизма*¹ люди перестали доверять средствам массовой информации, книгам, научным изысканиям (в гуманитарных науках, разумеется!), даже данным архивов — в них они скорее всего ожидали обнаружить неправду. Люди не доверяли обществу, а только тому, на кого и на что могли еще положиться, — своим близким, своей семье.

Что касается рыболовного промысла, наши ключевые информанты утверждают, что именно помощь Советского Союза (в дискурсе информантов — России) помогла местному населению освоить море (АОЕ: Новик 2018: Vangjel_Meniko_historia). Те же, кто рассказывает другую историю региона, на взгляд таких ключевых информантов, попросту не являются на 100 % местными, они переселенцы в первом или втором поколении (и не важно — албанцы они или греки).

«Меряться» семейными историями — это особый акт коммуникации местных жителей, который способен определить лидера в гонке за обладание высоким статусом автохтона, к которому стремятся люди, живущие в пограничье. Пожалуй, нигде в Албании больше нет такого трепетного отношения к тому, кем тебя могут счесть окружающие — своим или пришлым, иначе говоря, *чужим*.

¹ *Монизм* (алб. *moniz/ëm, -mi*) — авторитарное правление Энвера Ходжи и его преемников в Албании (1944–1991/1992).

Вокруг семейных устных хроник складывается целый набор иных нарративов: мемуаров, быличек и др., обращение к которым в конкретных случаях у рассказчика имеет цель подкрепить сказанное; при этом нередко подобные намеренные отклонения от повествования семейной истории искажают содержание устоявшихся локальных преданий, легенд и пр.

К семейным историям нередко обращаются в коммуникации с соседями, когда необходимо обозначить свое место и историю своего рода в локальном сообществе, к ним прибегают как к аргументу в спорах и т.п. Семейные истории транслируют — и это главное — следующим поколениям. При этом если даже эти нарративы являются в значительной части вымышленными или до неузнаваемости приукрашенными, они со временем канонизируются и приобретают ореол реальной истории.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- АМАЭ: Новик 2018а — *Новик А. А.* Южная Албания, Химара. Традиционная культура и этноязыковая ситуация в зоне греческо-албанских контактов у православных греков и албанцев. Сентябрь 2018 г. Полевые записи. Автограф. 22–26.09.2018 // Архив МАЭ РАН. К-1. Оп. 2. № временно б/н. 39 л.
- АОЕ: Новик 2018: *Rondo_Jorgo_historia* — *Новик А. А.* *Rondo_Jorgo_historia*. Цифровая аудиозапись. 2018 // Архив отдела европеистики МАЭ. Химара. 2018. Новик А. А.
- АОЕ: Новик 2018: *Vangjel_Meniko_historia* — *Новик А. А.* *Vangjel_Meniko_historia*. Цифровая аудиозапись. 2018 // Архив отдела европеистики МАЭ. Химара. 2018. Новик А. А.
- Гуревич 2018 — *Гуревич Ф.* Мы вынуждены сообщить вам, что завтра нас и нашу семью убьют: Истории из Руанды / Филипп Гуревич; [перевод с английского Э. Мельник]. [Пер. изд.: Philip Gourevitch. *We Wish to Inform You that Tomorrow We Will Be Killed with Our Families: Stories From Rwanda*. 1998]. М.: Э, 2018.
- Тишков 2001 — *Тишков В. А.* Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). М.: Наука, 2001.

К. А. Климова (Москва)

ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ КОДОВ В РЕЧЕВОМ ПОВЕДЕНИИ ПОМАКОВ КСАНТИ (СЕВЕРНАЯ ГРЕЦИЯ)*

Проблемы переключения и смешения языковых кодов (переключение кода — «переход с одного языка на другой в рамках одного дискурсивного единства», смешение кодов — «говорение на одном языке с включением элементов другого» — Русаков 2004: 70) в сложных этнических сообществах уже давно находятся в сфере пристального внимания лингвистов (Русаков 2004, Соболев 2017 и др.).

У помаков Ксанти в процессе повседневной коммуникации можно наблюдать использование трех разных языков — помакского (болгарского), греческого и турецкого. Это обусловлено сложной этнолингвистической ситуацией в регионе их проживания, о которой много писали отечественные и зарубежные коллеги (Узенёва 2014, Узенёва 2017, и др.). Ситуация осложняется с каждым годом, поскольку помакский язык не изучается в местных школах, преподавание в начальной школе по решению греческих властей ведется на турецком языке, а в средней и старшей школе, куда дети вынуждены ездить учиться в город Ксанти, — на греческом языке.

Опираясь на материалы, собранные в ходе научной экспедиции (совместно с Е. С. Узеновой) к помакам Ксанти в апреле 2018 г., на дальнейшие интервью с информантами (2018–2019), а также на данные, опубликованные в интернет-источниках, мы рассмотрим ситуации переключения языкового кода, причины, которые его вызывают, и последствия такого переключения.

---

* Статья написана в рамках проекта «Язык и культура в полиэтничных и поликультурных сообществах Юго-Восточной Европы XXI века: междисциплинарное исследование» (Программа фундаментальных исследований Президиума РАН «Культурно-сложные сообщества: понимание и управление»).

Помакский говор используется для повседневного общения на бытовые темы, при этом создается впечатление, что именно он выбирается в помакском сообществе как основной код. Молодое поколение хотя и владеет говором, постепенно в общении между собой переходит на греческий язык. Использование турецкого языка ограничивается преимущественно религиозной сферой (специфическая исламская лексика) или детерминируется пространством (мечеть, начальная школа). Греческий язык является наиболее распространенным вариантом для бесед на сложные и абстрактные темы, а также имеет большую популярность среди помаков, проживающих не в селах, а в городе Ксанти.

Особый интерес представляют случаи переключения языкового кода, инициированные как самими информантами-помаками, так и сторонними участниками беседы.

1. СИТУАЦИИ ПЕРЕКЛЮЧЕНИЯ КОДА, СВЯЗАННЫЕ С «ПАРАДОКСОМ НАБЛЮДАТЕЛЯ» (ИНТЕРВЬЮИРОВАНИЕМ)

Особенности переключения кодов у билингвальных информантов на Балканах в процессе коммуникации с исследователем были рассмотрены М.С. Морозовой на примере черногорского села Веля-Горана (Морозова 2014). В нашем случае выбор кода был во многом обусловлен тем языком, на котором говорили исследователи. Вопросы информантам часто задавались на греческом языке, поскольку правильно сформулировать вопрос на местном диалекте было сложно, а литературный болгарский язык они понимали недостаточно.

Так, несмотря на просьбы говорить только по-помакски, информанты часто переходили на греческий для того, чтобы исследователи, по их мнению, могли лучше понять суть ответа.

Степень исключительности влияния грекоговорящего наблюдателя на выбор языкового кода при ответе информанта, тем не менее, нуждается в дополнительном исследовании, поскольку на выбор греческого языка оказывают воздействие и многие другие факторы: возраст информанта, образование, место проживания, сложность и абстрактность обсуждаемой темы и др.

1. СИТУАЦИИ ОШИБОЧНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЯЗЫКОВОГО КОДА КАК МАРКЕРА ИДЕНТИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ КОММУНИКАЦИИ

На интернет-сайте греческого помакского сообщества zagalisa.gr в заметке Кемалья Фарзли описывается следующая история:

«Ηλικιωμένος Πομάκος (80 περίπου χρόνων), πλησιάζει μία υπάλληλο του δήμου. Η κυρία του απευθύνει αμέσως το λόγο στα Τουρκικά και τον ρωτάει ποιο είναι το επώνυμό του (*soyadi*). Ο Πομάκος δεν ανταποκρίνεται με επάρκεια και η Βαβυλωνία ξεκινάει.

Ο Πομάκος επαναλαμβάνει ότι δεν γνωρίζει Τουρκικά, αλλά η υπάλληλος με την επιμονή ανθρώπου που εκτελεί διατεταγμένη υπηρεσία εκτουρκισμού, αρνείται

α) να του μιλήσει στην επίσημη γλώσσα του κράτους, τα Ελληνικά, παρά την έκκληση του ηλικιωμένου

και

β) αρνείται να του μιλήσει στα Πομακικά, ενώ είναι ολοφάνερο ότι η μόνη γλώσσα στην οποία μπορεί να επικοινωνήσει με επάρκεια είναι τα Πομακικά.

Τη συζήτηση την παρακολουθώ διακριτικά και όταν φθάνει σε απόλυτο αδιέξοδο επεμβαίνω, ενώ ο φίλος που με συνοδεύει αρχίζει να τραβεί σε βίντεο τη σκηνή (σύντομα θα αναρτηθεί στην ιστοσελίδα της ΖΑΓΑΛΙΣΑ).

Επιβεβαιώνω από τον ηλικιωμένο Πομάκο, ότι δεν γνωρίζει Τουρκικά και του ζητώ την άδεια για τη βιντεοσκόπηση. Η «τουρκόφωνη» υπάλληλος, θυμήθηκε ξαφνικά ότι γνωρίζει και ελληνικά και ρωτάει ενοχλημένη γιατί τραβά με το βίντεο!» (*zagalisa.gr* 2013).

«Пожилый помак (примерно 80 лет) подходит к сотруднице местной администрации. Женщина сразу же обращается к нему по-турецки и спрашивает, какая у него фамилия (*soyadi*). Помак не может дать удовлетворительный ответ, и начинается Вавилон.

Помак повторяет, что не знает турецкого языка, но сотрудница, последовательно выполняя данный начальством приказ проводить политику отуречивания, отказывается

α) говорить с ним на официальном государственном языке, на греческом, несмотря на призывы пожилого мужчины, и

β) отказывается говорить с ним на помакском, хотя совершенно ясно, что единственный язык, на котором он может удовлетворительно говорить, — это помакский.

За этой беседой осторожно наблюдаю я, и когда она совершенно заходит в тупик, вмешиваюсь, в то время как сопровождающий меня друг снимает всю сцену на видео (оно вскоре появится на сайте ΖΑΓΑΛΙΣΑ).

Я убеждаюсь со слов пожилого помака в том, что он не знает турецкого языка, и прошу у него разрешения на видеосъемку. «Туркоговорящая» сотрудница вдруг вспомнила, что знает и греческий тоже, и, обеспокоенная, спрашивает, зачем я снимаю видео!»¹.

¹ Здесь и далее перевод мой. — Κ. Κ.

Эта история получила широкий резонанс в местных СМИ, была перепечатана многими новостными сайтами и активно обсуждалась в помакском сообществе. Особую остроту ситуации придает существующий уже долгое время раскол внутри помакского сообщества, в результате которого выделилась группа жителей крупного села Эхинос, сменивших свою этническую помакскую идентичность на турецкую, так что это повлияло на их лингвистическое сознание, и даже в повседневной жизни они стали вместо помакского использовать турецкий язык. Во время съемок этнографической передачи о помаках в 2010 г. это противостояние было зафиксировано французскими журналистами (Avenue de l'Europe 2010).

2. СИТУАЦИИ СО СМЕШЕНИЕМ КОДОВ,
ПРИВОДЯЩИМ В ИТОГЕ К ПЕРЕКЛЮЧЕНИЮ КОДА
(ПОМАКСКИЙ – ТУРЕЦКИЙ – ГРЕЧЕСКИЙ)
В РЕЧИ МОЛОДЕЖИ

Насколько можно судить по интервью с молодым помаком, учеником старшей школы, в повседневном общении современная молодежь предпочитает использовать новогреческий язык с примесью турецких и помакских слов и выражений, при этом помакский язык может использоваться в качестве «тайного языка», на котором в школе можно перекинуться парой фраз — так, чтобы не поняли окружающие. Ниже приведен пример из переписки двух школьников-помаков, постоянно проживающих в Ксанти.

- А. (помакский) <...>. Эсра (имя. — К. К.) Как ты? Как дела?
 Б. (помакский) Хорошо, а ты?
 А. (помакский) Хорошо.
 Б. (турецкий) Я рада.
 А. (помакский) Я спрошу у тебя

кое-что? На завтра где писать и что будет (что задано на урок. — К. К.). *Ты помнишь?*

Б. *(турецкий)* *Честно, Бенъямин, (греческий) я не помню ничего такого, там был Keynes и Ricardo, но страниц я не помню.*

Диалог начинает А, именно он задает начальный языковой код — помакский, Б ему отвечает на помакском, используя расхожие бытовые фразы, но уже во второй реплике Б пользуется турецким. Информант А продолжает диалог на помакском. Б отвечает вводным турецким словом, а потом переходит на более привычный греческий, и дальнейшее общение ведется по-гречески. Таким образом изначальная ситуация смешения кодов приводит в дальнейшем переключению кода на греческий.

Ситуация фактической триглоссии, как ее называет Д. Михаил (Michail 2003), у помаков Греции приводит к сложным процессам, оказывающим влияние на осознанное или неосознанное переключение и на смешение языковых кодов в процессе коммуникации. Мотивации и механизмы этих лингвистических явлений в помакской культуре нуждаются в дальнейших исследованиях.

ЛИТЕРАТУРА

- Морозова 2017 — *Морозова М. С.* Парадокс исследователя на Балканах: переключение кодов у билингвальных информантов при интервьюировании // Балканский тезаурус: Взгляд на Балканы извне и изнутри. Тезисы и материалы. Москва, 18–20 апреля 2017 г. / Макарец М. М. (отв. ред.), Седакова И. А., Цивьян Т. В. (ред.). Москва: Институт славяноведения РАН, 2017. С. 137–143. (Балканские чтения. 14.)
- Русаков 2004 — *Русаков А. Ю.* Интерференция и переключение кодов (севернорусский диалект цыганского языка в контактологической перспективе). Диссертация на соискание степени д-ра филол. наук. СПб., 2004.
- Соболев 2017 — *Соболев А. Н.* Языки симбиотических сообществ Западных Балкан: греческий и албанский в краине Химара, Албания // Вестник СПбГУ, серия «Язык и литература». 2017. Т. 14. Вып. 3. С. 420–442.
- Узенёва 2014 — *Узенёва Е. С.* «Ловчанские помаки»: язык и культура // Славяне-мусульмане на Балканах: язык, культура, идентичность / Узенёва Е. С. (отв. ред.), Плотникова А. А., Мартынова М. Ю. (ред.). М.: Институт славяноведения РАН, 2014. С. 247–267.

Узенёва 2017 — *Узенёва Е. С.* К вопросу о культурно-языковой идентичности славян-мусульман северной Греции // Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности: Этнокультурная и этноязыковая ситуация: Языковой менеджмент: Языковая политика. Книга III / Нецименко Г. П. (отв. ред.). М.: ЯСК 2017. С. 243–259.

Michail 2003 — *Michail D.* Educational Disadvantage, Trilingualism and Social Change: The Pomaks of Greek Thrace. A PhD thesis, London School of Economics and Political Science, London, 2003.

ЭЛЕКТРОННЫЕ ИСТОЧНИКИ

zagalisa.gr 2013 — <http://www.zagalisa.gr/content/katapytysti-symperifora-sto-dimomykis-egklimatikos-ektoyrkismos-ton-pomakon...> (дата обращения: 16.01.2019).

Avenue de l'Europe 2010 — Avenue de l'Europe, передача французского телеканала France 3, 16.10.2010, доступна на <https://www.youtube.com/watch?v=GbcLUeBPb7E> (дата обращения: 16.01.2019).

Н. С. Гусев (Москва)

РУССКИЕ В БОЛГАРСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ СРЕДЕ
(XIX — СЕРЕДИНА XX ВВ.):
ЭМОЦИИ И ПРОБЛЕМА ВЗАИМОПОНИМАНИЯ*

Язык как один из главных маркеров «своего» в рамках отношений русских со славянами служил подтверждением родственности и близости народов. По этой причине в данной работе хотелось бы обратиться к проблеме восприятия речи местного болгарского населения русскими, оказавшимися в чуждой, но, как оказалось, близкой языковой среде. В Новое время первые описанные встречи с болгарами относятся еще к началу XIX в. Офицер А. Г. Краснокутский, с дипломатической миссией ехавший в Константинополь и остановившийся в доме крестьянина неподалеку от Тырговиште, обрадовался «разговору, несколько сходственному с русским», поскольку «звук отечественной речи утешает слух и душу» (Открытие 2018: 116). Примечательно, что языковая близость для него стала приятной неожиданностью, поскольку, видимо, об этническом родстве народов он имел слабое представление. Это обусловлено не только незнанием русскими болгар, но и укоренившемся в XVIII–XIX вв. постулате, что болгары являются «татарским племенем». В связи с этим, по словам Ю.И. Венелина, русские солдаты и офицеры в 1828–1829 гг. удивлялись таланту болгар за два–три дня осваивать русский язык (Открытие 2018: 257). Однако уже через десятилетие у графа В. П. Давыдова «звуки, свойственные с русскими» вызвали чувство гордости за «огромную славянскую семью» (Открытие 2018: 267), что свидетельствует об изменении парадигмы восприятия болгар в России и формировании представления о причастности и болгар, и русских к единой надэтнической общности.

---

* Авторская работа выполнена по гранту РФФИ № 18-512-76003 «Лингвистическая и этнокультурная динамика традиционных и нетрадиционных ценностей в славянском мире» в рамках Программы ERA.Net.RUS Call 2018 (проект #472–LED-SW).

Дальнейшее знакомство с болгарскими привело к четкому пониманию этнической и языковой близости. Потому война «за братьев-славян» 1877–1878 гг. уже не породила нового удивления от схожести речи, не демонстрируют ее и травелоги времени Балканских войн 1912–1913 гг.¹ — русское общество было прекрасно осведомлено о болгарях. Тем удивительнее фиксация факта языковой близости в воспоминаниях советских солдат, оказавшихся в Болгарии в 1944 г. (Фукалов 2016; Каекин 2013; Лабонин 2013), у одного из них кириллические надписи даже создали ощущение «словно опять попали на родину» (Паруль 2011). Но за прошедшие десятилетия между языками возникло еще одно различие, ныне, правда, не существующее. «Везде русские слова вроде, буквы русские, мне так приятно стало... И только там в слове „магазин“, к примеру, в конце буква „ять“», — запомнил сапер А.А. Григорян (Григорян 2009). Данная цитата дает ключ к объяснению новой волны удивления от болгарского языка. На Балканы пришли молодые люди, выросшие после Октябрьской революции, а в этот период война 1877–1878 гг. описывалась лишь как захватническая, соответственно предавался забвению весь шлейф связанных с ней понятий. Потому, несмотря на масштабную идеологическую подготовку накануне входа на территорию Болгарии, солдаты и офицеры имели довольно слабое представление о народе, с которым им предстояло встретиться.

Однако это не послужило препятствием для общения — советских солдат привечали, приглашали в гости, приходили сами на беседы. Иногда болгар даже включали в пехотные соединения 57-й армии (Слущкий 2005: 54). Возникает вопрос о языке общения. В одном из современных самоучителей болгарского языка справедливо отмечено, что болгары «в целом лучше понимают русскую речь, чем русские — болгарскую» (Седакова 2015: 5), и такая ситуация сложилась далеко не вчера. Упоминавшиеся А. Г. Краснокутский и В. П. Давыдов признавали, что не понимали болгарскую речь, несмотря на ее схожесть с русской, во время русско-турецкой войны далеко не все были способны перевести услышанное (Русско-турецкая 2017: 434, 460), для взаимодействия Временной администрации освобожденной Болгарии и мест-

---

¹ Хотя стоит отметить, что чувство гордости за изобретательность русского языка возникло у писателя Е.Н. Чирикова, когда сопровождавший его солдат, говоривший только на болгарском, бросил «на совершенно чистом нашем великорусском языке хлесткое скверное ругательство». Оказалось, тот во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг., будучи еще мальчиком, освоил обсценную лексику в общении с солдатами (Чириков 1913: 64–65).

ного населения пришлось даже организовать курсы переводчиков (Народы 2009: 710). Среди болгар же имелось много крестьян-отходников, работавших в России, выпускников российских учебных заведений, русофилов, тянувшихся к русской культуре. Русский был языком общения отечественных и болгарских ученых и в силу большего объема выходившей научной и художественной литературы имел значение *lingua franca* для славянского мира. Потому же в эмиграции русская профессура Софийского университета за единичными исключениями читала лекции на русском языке (Ратиев 1999: 507), на нем же вплоть до середины 20-х гг. было разрешено сдавать экзамены. Правда, как вспоминал один из эмигрантов, «разрешение это всегда сопровождалось упреками и напоминаниями, что, когда они обучались в Москве и Петербурге, русские профессора заставляли их отвечать по-русски в первый же год» (Ратиев 1999: 522). Играл эту же роль русский язык и позднее. В 1944 г. болгарский офицер объяснял советскому: «Все мы много читаем русскую и советскую литературу... Понимаем буквально все, мало было только разговорной практики» (Кузнецов 1959: 312). Практики затем прибавилось, русский язык стал преподаваться в болгарских школах, однако ныне его знание среди молодежи упало. Но и тут нет ничего нового — политические пертурбации и связанная с ними мода на русское влияли на отношение к языку еще с XIX в. «Почти все старые умеют говорить по-русски; а молодые никто; жалко; это есть симптом, почти что политический», — отметил русский журналист в 1912 г. (Пиленко 1913: 25), а в 1944 г. поэт Б. Слуцкий признал, что кроме коммунистов по-русски говорит лишь «русофильское меньшинство офицерской интеллигенции» (Слуцкий 2005: 146).

Таким образом, взаимодействие между представителями обоих народов складывалось успешно в основном благодаря болгарам и статусу русского языка, однако тут имелись и свои подводные камни. «Конечно, языковой барьер существовал, но корни слов в основном были схожими», — описывал общение с местным населением советский разведчик (Фокин 2006: 253). Эта зыбкая языковая граница нередко служила дурную службу. Во время Первой балканской войны команда русского офицера-добровольца на обход позиции противника справа привела к атаке в лоб¹ (Радев 2003: 48). В 1913 г. посетивший Софию российский

¹ Команда «Направо!» была повторена без перевода, а болгарское слово *направо* переводится как ‘прямо’.

общественный деятель использовал в выступлении слово «артачество», но его созвучие с болгарским *ортак* ‘компаньон, сотрудник’ привело к тому, что слушатели остались в недоумении относительно смысла речи (Шишманов 2015: 160). Однако самым известным омонимом стоит признать болгарское слово *булка*. Рассказы о том, как русский попросил «булку», в Болгарии с разными степенями трагизма и достоверности имеют как минимум 139-летнюю историю. Появляется такая ситуация в книге Вас. И. Немировича-Данченко о русско-турецкой войне 1877–1878 гг. (Немирович-Данченко 1880: 4), «всплывает» в корреспонденции с Балканских войн 1912–1913 гг. (Чириков 1913: 31), присутствует в воспоминаниях советских солдат (Нужная 2009), и сейчас поиск в интернете по паре слов «булка-невеста» дает подобные примеры.

Подытоживая, отметим, что болгарская речь рождала у русских ощущение «родины», становилась приятной неожиданностью в случае незнания об этнической близости двух народов, а при советской власти в канонической формуле «братья по крови и вере» язык заменил собой религию (Пиастро 1977: 34). Повседневное же общение главным образом реализовывалось за счет лучшего понимания болгарями русского языка, а не наоборот.

ЛИТЕРАТУРА

- Григорян 2009 — Григорян А. А. [Воспоминания] // Я помню: Воспоминания ветеранов Великой Отечественной Войны. URL: <https://iremember.ru/memoirs/saperi/grigoryan-azat-artemovich> (дата обращения: 14.01.2019).
- Каекин 2013 — Каекин Л. А. [Воспоминания] // Я помню: Воспоминания ветеранов Великой Отечественной Войны. URL: <https://iremember.ru/memoirs/gmch-katiushi/kaekin-leonid-andreevich/> (дата обращения: 14.01.2019).
- Кузнецов 1959 — Кузнецов П. Г. Дни боевые. М.: Воениздат, 1959.
- Лабонин 2013 — Лабонин В. М. [Воспоминания] // Я помню: Воспоминания ветеранов Великой Отечественной Войны. URL: <https://iremember.ru/memoirs/krasnoflotsi/labonin-vasiliy-mikhaylovich/> (дата обращения: 14.01.2019).
- Народы 2009 — Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение. 1875–1878 гг. / Аншаков Ю. П. (отв. ред.). Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2009.
- Немирович-Данченко 1880 — Немирович-Данченко В. И. После войны. СПб.: Изд. П. Е. Кехрибарджи, 1880.

- Нужная 2009 — *Нужная (Яковенко) Е. Е.* [Воспоминания] // Я помню: Воспоминания ветеранов Великой Отечественной Войны. URL: <https://iremember.ru/memoirs/mediki/nuzhnaya-yakovenko-evgeniya-evlampievna/> (дата обращения: 14.01.2019).
- Открытие 2018 — Открытие «братьев-славян»: русские путешественники на Балканах в первой половине XIX века / Белов М. В. (сост.). СПб.: Нестор-История, 2018.
- Паруль 2011 — *Паруль Г. П.* [Воспоминания] // Я помню: Воспоминания ветеранов Великой Отечественной Войны. URL: <https://iremember.ru/memoirs/rekhotintsi/parul-georgiy-panteleevich/> (дата обращения: 14.01.2019).
- Пиастро 1977 — *Пиастро Г.* Политико-воспитательная работа в советских войсках и среди населения Болгарии (3-й Украинский фронт. Сентябрь 1944 — май 1945 г.) // Советское славяноведение. 1977. № 1. С. 31–38.
- Пиленко 1913 — *Пиленко А. А.* Около Болгарской войны. Дневник и сорок девять любительских фотографий. СПб.: Изд. газеты «Вечернее время», 1913.
- Радев 2003 — *Радев С.* От триумф към трагедия: Това, което видях от Балканската война и Конференция в Букурещ и Букурещкият мир от 1913 г. София: Стрелец, 2003.
- Ратиев 1999 — *Ратиев А.* То, что сохранила мне память. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 1999.
- Русско-турецкая 2017 — Русско-турецкая война: русский и болгарский взгляд. М.: Яуза-Пресс, 2017.
- Седакова 2015 — *Седакова И. А.* Самоучитель болгарского языка с лингвокультурными комментариями. М.: Буки-Веди, 2015.
- Слуцкий 2005 — *Слуцкий Б. А.* О других и о себе. М.: Вагриус, 2005.
- Фокин 2006 — *Фокин Е. И.* Хроника рядового разведчика. М.: Центрполиграф, 2006.
- Фукалов 2016 — *Фукалов Г. А.* [Воспоминания] // Я помню: Воспоминания ветеранов Великой Отечественной Войны. URL: <https://iremember.ru/memoirs/tankisti/fukalov-gennadiy-aleksandrovich/> (дата обращения: 14.01.2019).
- Чириков 1913 — *Чириков Е. Н.* Поездка на Балканы. Заметки военного корреспондента. М.: Московское книгоиздательство, 1913.
- Шишманов 2015 — *Шишманов И.* Дневник и досиета. 1879–1927 г. / Бурилкова И., Билярски Ц.В. (съст.). София: Прозорец, 2015.

Владислава Вардиц (Потсдам)

О НЕКОТОРЫХ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМАХ
ЛЕКСИЧЕСКОГО ТРАНСФЕРА В БАЛТО-БАЛКАНСКОМ АРЕАЛЕ
(НА ПРИМЕРЕ ТУРЕЦКО-БОЛГАРСКОГО,
НЕМЕЦКО-ПОЛЬСКОГО И РУССКО-ЛАТЫШСКОГО
ЯЗЫКОВОГО КОНТАКТА)

В докладе рассмотрены некоторые социолингвистические механизмы лексического трансфера в условиях языкового контакта в балто-балканском культурном ареале (Цивьян 2008: 9). Избранные для анализа ситуации можно условно обозначить как примеры «имперского» двуязычия, предполагающего *неравноправное* сосуществование языков на определённой административной территории, а именно — функциональное, — а вслед за ним неизбежно и социальное распределение языков (государственный, или официальный, язык как *high variety*: языки повседневного общения как *low variety*). При этом в качестве официального языка власти *de facto* или *de jure* утверждается язык «чужих», который становится и социально престижным, ср., например, функционирование турецкого и болгарского в Болгарии под властью Османской империи, немецкого и польского после третьего раздела Речи Посполитой и более недавний пример — русского и латышского в Латвийской ССР.

В названных культурных пространствах постоянно актуализируется — уже вследствие перманентной исторической динамики их культурных, языковых, этнических, геополитических и т.д. границ — оппозиция *своей / чужой*. В свою очередь, рефлексия по поводу собственной идентичности предполагает постоянную селекцию элементов *своей* и *чужой* культуры, в том числе и в языковом репертуаре «своих», пребывающих в состоянии культурного контакта с чередующимися «чужими».

Анализ лингвистических результатов подобной рефлексии призван выявить социолингвистические механизмы лексического трансфера из языка «чужих» в язык «своих» и, в частности, социолингвистическую дистрибуцию соответствующих заимствований в «постимперский» период. В лингвистическом отношении «постимперские» ситуации ха-

рактируются тем, что стандартный вариант языка «чужих» замещается в новых геополитических условиях стандартным вариантом языка «своих», утрачивая при этом и широту сферы бытования, и социальный престиж. Подобные процессы сопровождаются, как правило, мероприятиями языковой политики и пуристическими установками в отношении упразднённого языка власти.

В центре внимания доклада два вопроса: 1) Что происходит в ситуации подобного социолингвистического сдвига с многочисленными заимствованиями из языка «чужих»? 2) Каким образом их социолингвистический дрейф в языке «своих» отражает судьбу языка «чужих» в целом? Предположительно, социолингвистический анализ позволит выявить аналогичные мотивы лексического трансфера, связанные с тождественной — «постимперской» — геополитической и культурной ситуацией, которая предполагает идеологическое переосмысление и функциональную перестройку «имперской» диглоссии.

В методологическом и концептуальном отношении наше исследование интегрирует идеи балканистики и системно-лингвистической типологии.

Поскольку именно «балканистика стала своего рода полигоном для испытания методов типологического анализа» (Цивьян 2012: 15), «инструмент языкового союза применялся и применяется к самым разным сочетаниям языков» (там же: 14). При этом в различных конвергентных образованиях, которые мыслятся как один из типов (со)существования языков на территории Евразии, важная роль отводится и социолингвистическим условиям, изменения которых могут привести к изменению той или иной конвергентной тенденции (Эдельман, Цивьян 2005: 21–22). Высказанные идеи существенны и для нашего исследования, в котором определённые ареалы выделены и сопоставлены на основании общности геополитической и, как следствие, лингвистической истории, ср. анализ лингвистической истории в колониальных и постколониальных языковых сообществах в колониальной лингвистике, например, в (Schmidt-Brücken et al. 2015).

Далее, если изначально лексическим явлениям — в отличие от явлений структурных — отводилась второстепенная роль как в системной и контактной лингвистике, так и в ареальной типологии, то в последнее время все три интересующие нас направления уделяют описанию лексического трансфера всё большее внимание, ср. «Lexical borrowing as a topic for general linguistics» (Haspelmath 2009: 35 и далее). Пред-

ставляя проект по изучению типологии заимствований в языках мира (Haspelmath, Tadmor 2009), создатели подчёркивают, что изучение *lexical borrowability* важно для развития сравнительно-исторического языкознания и общей лингвистики (Haspelmath 2009: 36). При этом объяснение механизмов лексического трансфера предполагает учёт не только грамматических (*grammatical factors*), но и социальных факторов и аттитудов (*social and attitudinal factors*), таких, как престиж языка-донора или пуристические установки (там же, 35).

Наше исследование опирается на широкое определение лексического заимствования — «a word that at some point in the history of a language entered its lexicon as a result of borrowing (or *transfer*, or *copying*)» (Haspelmath 2009: 36). При этом мы различаем трансфер лексических и словообразовательных элементов, т.е. лексические заимствования (*material borrowing*), с одной стороны, и трансфер синтаксических, морфологических и семантических паттернов, т.е. заимствования структурные (*structural borrowing*), — с другой (там же). В докладе речь пойдёт о собственно лексических заимствованиях.

Наблюдения над «постимперскими» языковыми ситуациями показали, что если вытеснение и замещение заимствований из языка «чужих» в официальной сфере регулируется государственными инстанциями посредством языковой политики, то в некодифицированных стратах регулирующую функцию принимают на себя носители языка.

В докладе рассмотрены механизмы селекции элементов языка «чужих» в некодифицированных стратах — в повседневной речи и социальных жаргонах. Исследование основано на следующем материале: 1) турцизмы в болгарском языке (Leschber 2007 и 2014), 2) германизмы в польском (Biaduń-Grabarek 2013, Dreschel 1996) и 3) русизмы в латышском (результаты полевых исследований автора доклада в 2016–2017 гг.). Количественно-статистический анализ на первичном этапе исследования не проводился.

Анализ результатов лексического трансфера в трёх указанных ситуациях подтвердил предположение о том, что социолингвистический статус языка-донора определяет, в какую страту принимающего языка заимствуются его элементы (о распределении заимствований по внутриязыковым стратам в зависимости от престижа языка-донора см. Warditz 2018: 89–179). В наших примерах властный статус языка «чужих» в многоязычной социолингвистической ситуации «имперского» периода утрачивается в «постимперской» ситуации, меняя престиж на стигму.

Как правило, язык «чужих» становится при этом из *lingua franca* и языка бюрократического аппарата языком непрестижного этнокультурного меньшинства. По аналогии с языками других стигматизированных меньшинств (ср. цыганский язык или идиш в качестве источников лексического трансфера в социальные диалекты, например, в Восточной и Западной Европе начиная с XV века), языки «чужих» как символы упразднённой имперской власти становятся одним из источников для создания экспрессивных элементов в некодифицированной сфере. Так, турецкое *ferman* ‘указ султана’ превращается в болгарском молодёжном жаргоне в *ферман* ‘трудный для понимания письменный текст’; полонизированные элементы немецкого бюрократического языка, например, *ancajgowac* < *anzeigen* ‘зд. подавать иск’, *anunk* < *Ahnung* ‘понятие’, *ferlezować* < *vorlesen* ‘читать вслух’ — перемещаются в польские некодифицированные страты ещё до восстановления Польской Республики в 1918 г. Для разговорной латышской речи после 1991 г. также характерно использование русских элементов официального советского дискурса, как правило, ироническое или с негативной коннотацией, например, *prazdniks* ‘вечеринка низкого уровня’ или *subbotniks* ‘бесцельный коллективный труд’¹.

М. Хаспельмат выделяет две основные причины лексического трансфера — «borrowing of new words along with new concepts (*cultural borrowing*) and borrowing for reasons of prestige (*core borrowing*)» (Haspelmath 2009: 52). Однако, предварительные наблюдения над нашим материалом показали, что оба названных механизма задействованы при лексическом трансфере из стандартного варианта языка «чужих» в некодифицированные варианты языка «своих» в определённых социолингвистических условиях.

ЛИТЕРАТУРА

- Цивьян 2008 — Цивьян Т. В. Язык: тема и вариации. Избранное в 2 тт. Том 1. М.: Наука, 2008.
- Цивьян 2012 — Цивьян Т. В. Языковые союзы и балканизмы сегодня: вспоминания Н. С. Трубецкого // К *Balkanismen heute* — *Balkanisms Today* — Balka-

¹ Подобное использование русских элементов официального советского дискурса отмечено и для современного литовского языка, и для немецкого языка на территории бывшей ГДР.

- nizmy segodnja / Kahl Th., Metzeltin M., Schaller H. (eds.). Wien; Münster; New York: LIT, 2012. С. 13–20.
- Эдельман, Цивьян 2005 — *Эдельман Д. И., Цивьян Т. В.* Языковые союзы и ареалы языковой и этнокультурной конвергенции на территории Евразии // Языковые союзы Евразии и этнокультурное взаимодействие (История и современность). Книга 1. М.: Наука, 2005. С. 10–22.
- Biaduń-Grabarek 2013 — *Biaduń-Grabarek H.* Zum Schwund der lexikalischen Entlehnungen aus dem Deutschen in den Mundarten der polnischen Großstädte im ehemals deutsch-polnischen Grenzgebiet. Frankfurt/M.: Peter Lang, 2013.
- Dreschel 1996 — *Dreschel U.* Wie fest ist deutsches Lehngut im Polnischen verwurzelt? // *Studia i materiały. Germanistyka*. XII, 1996. S. 43–49.
- Haspelmath 2009 — *Haspelmath M.* Lexical borrowing: Concepts and issues // *Loanwords in the World's Languages. A Comparative Handbook* / Haspelmath M., Tadmor U. (eds.). Berlin; Boston: De Gruyter 2009. P. 35–54.
- Haspelmath, Tadmor 2009 — *Loanwords in the World's Languages. A Comparative Handbook* / Haspelmath M., Tadmor U. (eds.). Berlin; Boston: De Gruyter, 2009.
- Leschber 2014 — *Leschber C.* Semantische Entwicklungen bulgarischer Turzismen // *Studia Etymologica Cracoviensia*, 19 (2014) 1. S. 95–115.
- Leschber 2007 — *Leschber C.* Die Position der Turzismen im bulgarischen Jugendslang // *Zeitschrift für Balkanologie*, 43 (2007) 1. S. 41–54.
- Schmidt-Brücken et al. 2015 — *Koloniallinguistik: Sprache in kolonialen Kontexten* / Schmidt-Brücken D., Schuster S., Stolz Th., Warnke I.H. und Wienberg M. (eds.), Berlin/ Boston: De Greyter, 2015. (Koloniale und postkoloniale Linguistik. Colonial and Postcolonial Linguistics. Band 8.)
- Warditz 2018 — *Warditz V.* Varianz im Russischen: Von funktionalstilistischer zur soziolinguistischen Perspektive. Berlin et al.: Peter Lang, 2018. (Variolingua. Nonstandard — Standard — Substandard, Band 50.)

3. ПИСЬМЕННОСТЬ

DOI: 10.31168/2618-8597.2019.15.19

Robert Greenberg (Auckland)

THE COMMUNICATIVE VALUE OF SCRIPTS: THE CHANGING STATUS OF CYRILLIC IN THE FORMER YUGOSLAVIA

In this contribution, I examine the changing status of the Cyrillic script in the former Yugoslavia, beginning in the nineteenth century and concluding with the Yugoslav successor states. I consider both the symbolic and communicative functions of the script and focus in particular on the use of the Cyrillic script in the new Montenegrin and Serbian standard languages that have emerged from the once joint Serbo-Croatian language. My focus is on how Cyrillic is promoted in areas in which Serbs make a significant portion of the population, including in Eastern Slavonia (Croatia), Republika Srpska, and Montenegro.

While the status of the Cyrillic script is stable in Macedonia, it is less clear in the areas of the former Serbo-Croatian. The Constitution of the Federal Republic of Yugoslavia from 1992 favored the Cyrillic script, but both the Latin and Cyrillic scripts have long been in competition in the Republic of Serbia. By contrast, in the neighboring successor states, the local Serb population has worked to increase the use of Cyrillic as a primary means of communication, and numerous attempts have been made to secure official status for the Cyrillic script. I analyse these occurrences and examples and attempt to provide conclusions regarding the future status of Cyrillic in the region.

The starting point for my analysis will be the Vukovian reforms in the first half of the nineteenth century and the principle of creating a writing system that reflects the vernacular language rather than a more artificial lit-

---

erary standard. I will then discuss proposals related to the unity of Serbian and Croatian including the proposal from 1913 for Serbs to jettison Cyrillic and for Croats to give up the ijekavian pronunciation. The historical overview will then shift to the post-war period when standard Macedonian orthography is standardized and the joint Serbo-Croatian is proclaimed as the common language of Serbs, Croats, and Montenegrins (1954). The following period is one in which the status of Cyrillic is perceived by many in Serbian literary and intellectual circles as being threatened with the spread of the Latin script in Belgrade in the post-1954 period.

After Yugoslavia's collapse in 1991, I then look at the efforts among Serbs in the various Yugoslav successor states to re-assert the symbolic and communicative functions of Cyrillic. These efforts are documented based on media reports from *Balkan Insight* that document movements to introduce bi-scriptual signs in Eastern Croatia (Vukovar in particular), and in the schools of the entity of Republika Srpska in Bosnia and Herzegovina. I also look at the debates over Cyrillic in Montenegro and Kosovo, and compare the status of Cyrillic in the former Serbo-Croatian speaking territories with that of Cyrillic in neighboring Macedonia. I suggest that in areas where Serbs are no longer a majority, the symbolic function of the Cyrillic script has taken precedence over the communicative function, and that increasingly Cyrillic serves as a marker of Serbian Orthodox identity.

А. А. Леонтьева (Москва)

КНИГИ
В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ В БЫТОВОЙ КУЛЬТУРЕ
МУСУЛЬМАН И ХРИСТИАН СОФИИ В XVIII В.*

Инстанцией, решавшей любые правовые конфликты в Османской империи, являлись шариатские суды под руководством кади — судьи. Полномочия османских кадиев по сравнению с другими мусульманскими странами во многом выходили за рамки классической компетенции этого института — они имели широкий круг обязанностей в области светского права и гражданской администрации, что делало кадийский суд одним из основных органов проведения политики султана в провинциях. Неким аналогом кади в христианских общинах был приходской священник, являвшийся главой общины и представителем ее интересов перед лицом местных властей. Как и в случае кади, в его обязанности входило заверение завещаний, торговых сделок и договоров. Таким образом, священники оказывались для христиан той судебной инстанцией, которая могла сводить к минимуму вмешательство османских властей во внутренние дела и в повседневную жизнь христианских общин. Вопросы семейного, договорного и наследственного права он решал без вмешательства османской администрации на основе положений канонического церковного и традиционного обычного права (Макарова 2005: 27–29). В то же время изучение документов, в частности протоколов по таким, на первый взгляд, внутрисемейным делам, как распределение наследств, показывает, что христиане нередко предпочитали обращаться именно в кадийский суд.

---

* Исследование подготовлено в рамках гранта РФФИ № 18-512-76003 «Лингвистическая и этнокультурная динамика традиционных и нетрадиционных ценностей в славянском мире» в рамках Программы ERA.Net.RUSCall 2018 (проект #472–LED-SW).

Документы о распределении наследств, зафиксированные в сиджиллах¹ османских кадийских судов, представляют собой многогранный и не до конца изученный источник, содержащий широкий круг сведений о жизни горожан своего времени. Структура наследственных документов подчинена четким правилам. Открывает каждый протокол официальное вступление, в котором помещается общая информация относительно рассматриваемого дела — приводится имя усопшего (иногда с указанием рода занятий), городской квартал, в котором он проживал, перечисляются наследники. Основная часть документа представляет собой подробную опись наследуемого движимого и недвижимого имущества с оценкой каждого предмета — начиная с дома и заканчивая мельчайшими бытовыми предметами. После подсчета общей стоимости наследуемого имущества в документе фиксируются обязательные вычеты (выплата долгов умершего), а завершающим пунктом становится распределение итоговой суммы между наследниками, производимая согласно наследственным нормам шариатского права. Анализ состава имущественных описей позволяет сделать ряд выводов, в частности, о системе ценностей людей того времени, сопоставить бытовую культуру христиан и мусульман, живущих в одном городе. В качестве источника для данного исследования была использована публикация 100 наследственных протоколов, подготовленная болгарскими специалистами и изданная в Болгарии в 1977 г. (ТИБИ 1977: 23–223). Источник охватывает период между 1731 и 1831 гг.

Одним из важнейших показателей уровня развития культуры и, в частности, грамотности населения является степень распространенности книг. Все упомянутые в описях книги, как у мусульман, так и у христиан, принадлежат мужчинам. Ни в одном из протоколов, посвященных наследству женщин (всего их в этом издании источника 15), книги не упоминаются. Это позволяет говорить о распространении грамотности преимущественно среди мужчин. В наследственных описях книги упоминаются нечасто и в большинстве случаев встречаются у мусульман, — как правило, речь идет о Коране.

В начале исследуемого периода упоминания Корана встречаются в основном в описях имущества состоятельных людей, наследства которых в разы превосходят наследства других горожан (ТИБИ 1977: 48–50,

---

¹ *Сиджилл* (سجل) лат. *sigillum*, греч. *στυλλιον* — грамота, печать. Протокольные книги — дневники входящих и исходящих документов кадийских судов в XV–XIX вв., в которых фиксировались решения данного кадийского суда.

56–62). В ряде случаев речь идет о Коране в драгоценном окладе (ТИБИ: 184–191), что позволяет рассматривать эти издания в том числе как материальные ценности и элементы престижа. При этом материальное благополучие вовсе не подразумевало обязательную ученость — далеко не во всех протоколах богатых людей присутствуют книги (ТИБИ 1977: 51–56).

Со временем число людей, в наследственном протоколе которых присутствует Коран, растет, и после 1800 г. упоминание Корана и священных книг мусульман в наследственных протоколах встречается заметно чаще. К этому времени издания стали более доступными (на что указывает их более низкая стоимость) и, вероятно, перестали восприниматься как предмет роскоши. Круг собственников, имеющих возможность и желание приобрести книги, расширился — в основном за счет зажиточных ремесленников и торговцев. В наследственных протоколах малоимущих людей книги по-прежнему не упоминаются.

В наследствах представителей других религий книги фигурируют значительно реже. Если в описях имущества мусульман Коран и священные книги почти всегда открывали перечень имущества и ставились на первое место, то в списках имущества немусульман такого значения им не придавалось — в описях они перечисляются среди сугубо бытовых предметов. Определение «священные» относительно этих книг также практически не встречается. Мы можем лишь предполагать, что в первую очередь речь идет о богослужебных книгах. Очевидно, такая оценка продиктована позицией мусульманского кадийского суда, не считающего возможным признавать «священными» книги других конфессий.

«Еврейская книга» упомянута только в одном протоколе — о наследстве трактирщика еврея Авраама в 1762 г. (ТИБИ: 94–95). Как и в протоколах мусульман, здесь книга стоит на первом месте и открывает список вещей. Необходимо отметить вместе с тем, что и протоколов о наследстве евреев в данной выборке сравнительно немного.

У христиан можно было бы предполагать наличие книг в наследстве священников в силу того, что они были заведомо более образованны. Но богослужебные книги, как и церковная утварь, не принадлежали лично священнику, а являлись собственностью прихода, и, таким образом, их отсутствие в перечне личных вещей священнослужителей вполне объяснимо. Наследства священников в описях XVIII в. встречаются четырежды, однако только в двух случаях в перечнях упомина-

ты книги (ТИБИ: 28–29; 119–120). Если в первом (1731 г.) случае речь идет только об одной книге, упомянутой наравне с принадлежностями священнослужителя, то во втором (1790 г.) мы можем говорить о целом книжном собрании (22 книги), общая стоимость которого составила 17,5 курушей. Для наглядного сравнения можно привести протокол того же 1790 г., в котором в 2 куруша была оценена одна овца (ТИБИ: 118–119). Обладатель этого собрания, священник Анастас, выглядит довольно состоятельным человеком — помимо книг в описи его имущества присутствуют золотые и серебряные украшения с драгоценными камнями.

В конце XVIII в. наблюдается появление большого числа книг в христианской среде. В 1792 г. в списке имущества галантерейщика (ТИБИ: 121–125) они фигурируют, вероятно, в качестве товара. Их число и названия не указаны, но цена сравнительно невысока. К 1798 г. относится упоминание пяти книг в описи вещей ремесленника-абаджи. Их перечисление среди товаров его производства и материалов позволяет предположить, что они также предназначались на продажу. Незначительная стоимость книг в обоих случаях и то, что продавались они в обычных городских лавках, говорит о массовом производстве книг и их большей доступности.

Помимо богослужебных книг и книг, точное назначение которых не обозначено, в источнике упомянуты два издания, ориентированных на широкий круг читателей и заведомо не богослужебных. Речь идет в первую очередь о букварях, которые присутствуют в перечне имущества Николчо (ТИБИ: 153–155). Судя по описанному имуществу, он был галантерейщиком. Буквари, в количестве 13 штук, общей стоимостью 26 пара, упомянуты в перечне его вещей рядом с деревянными гребнями (60 штук — 30 пара), хлопковыми нитками (1/2 катушки — 8 курушей) и другими галантерейными товарами, представленными в оптовых количествах. Не возникает сомнений, что буквари в данном случае предназначались на продажу. Цена за букварь в 2 пара (6 акче) являлась достаточно низкой, что говорит о доступности этого издания.

Еще одним примером массовой литературы, упомянутой в наследственных описях, является сонник, вместе с Кораном и священными книгами числившийся в наследстве брадобрея мусульманина Моллы Али в 1833 г. (ТИБИ: 219–222). Сонник оказался достаточно дешевым для своего времени — 1 куруш (во столько же в этом протоколе оценены «две пуговки» и корыто).

Появление подобных изданий и их невысокая цена говорят о распространении грамотности среди населения Софии и несомненном росте интереса к обучению. Сонник, упомянутый в протоколе о наследстве обычного горожанина-брадобрея, указывает на постепенное распространение умения читать и стремления к чтению, о его доступности для более широкого круга людей.

Анализ изменений частоты упоминаний книг, их стоимости и круга обладателей в XVIII — начале XIX в. позволяет сделать ряд выводов. На протяжении XVIII в. в имуществе горожан присутствуют прежде всего религиозные книги. В мусульманской среде это в первую очередь Коран. По сравнению с христианами для мусульман в значительно большей степени характерно восприятие книг как элемента престижа и статусной вещи. В первой половине XVIII в. круг обладателей книг ограничивается очень богатыми мусульманами, но на протяжении рассматриваемого периода он расширяется за счет богатых ремесленников и торговцев. Среди христиан в начале XVIII в. книги не были столь распространены (это можно объяснить, в частности, и тем, что среди них было не так много состоятельных людей). Тенденция к расширению круга владельцев книг, роста их количества, появление светской и учебной литературы в конце XVIII в. затронули и христиан, и мусульман — книги стали более доступными и массовыми, что свидетельствует о распространении грамотности среди горожан.

ЛИТЕРАТУРА

- Макарова 2005 — Макарова И. Ф. Болгарский народ в XV–XVIII вв. М., Ком-Книга. 2005.
- ТИБИ 1977 — Турски извори за българската история. Т. 6. София, Българската Академия на Науките. 1977. С. 23–223.

Motoki Nomachi (Sapporo)

ON THE LANGUAGE
OF THE SECOND EDITION OF IOANN RAJIĆ'S
HISTORY OF VARIOUS SLAVIC PEOPLES (1823)

MULTIGLOSSIA IN THE 18TH CENTURY'S SERBIA
AND THE PLACE OF RUSSIAN

It is well-known that three linguistic registers (or three languages or “sublanguages”) coexisted as literary varieties in the 18th and 19th centuries in Serbia: the Russian recension of Church Slavonic, the Russian literary language of the 18th century, and a mixture of Russian Church Slavonic and Serbian vernacular, known as Slaveno-Serbian (Tolstoj 1998: 243). These registers were used differently depending on the literary genre, while the proportion of the coexisting registers changed as time went by. Among these registers, Literary Russian, which is the target of our analysis, was used in secular literature, particularly, in historiographical works (Ivić 2001: 179), but only a few members of the educated class could comprehend this language (Milanović 2004: 90).

According to the standard periodization of the history of the Serbian language advanced by B. Unbegaun (1935) and accepted by N. Tolstoj (1998) and others, the 18th century can be roughly divided into three periods: (1) from 1690 to 1740, (2) from 1740 to 1780, (3) from the last 20 years of the 18th century to the beginning of the 19th century. Literary Russian was used particularly heavily in the last two periods.

Among Serbian writers who used literary Russian in the above-mentioned last two periods, Ioann Rajić (1726–1801) was one of the the most eminent ones. Rajić's monumental *History of Various Slavic Peoples* (1794–1795) was practically the only rigorous and reliable historiographical work at that time and remained an influential piece of scholarship for decades —

not only as a fundamental work in the field of Serbian historiography, but also as a source of motifs for Serbian literary works (Deretić 2007: 448)¹.

Since the following three decades did not produce any other work that would come close to Rajić's book in quality and scope, it is not surprising that there appeared an idea to publish his *History* again, which was indeed realized in 1823. However, as was pointed out by N. Tolstoj (1988: 179), the pace of literary development in Serbia was much faster than in Russia or other European countries, which in effect meant that the linguistic circumstances were quite different between two editions, and that Rajić's language must have been perceived differently in the changed linguistic trend. To be more specific, the size of educated readership had become bigger and more sophisticated in the 1820s as compared to the 1790s, whereas literary Russian had become much less comprehensible to the readership. There was a strong inclination toward a wider usage of Slaveno-Serbian as a vehicle of literature in Serbia and beyond, and the educational system did not provide training in literary Russian. All this made the publisher update the language of Rajić's text, but without Rajić himself as the second edition of *History* was published after 20 years since his death.

RAJIĆ'S IDIOLECT AND THE UNSOLVED QUESTION OF A SECOND EDITION IN IT

There are various views on Rajić's language as represented in his *History*. According to P. Kulakovskij (1882: 9), it is "Slaveno-Serbian" or "Russian Slavonic"² with a modest admixture of Serbian lexemes and expressions. A. Belić (1935: 9) argues that Rajić wrote his *History* in Russian Church Slavonic, a view J. Skerlić (1967: 70) endorses. J. Deretić (2007: 448) points out that it is an artificial language, which is neither Serbian nor Russian nor (Church) Slavonic. B. Unbegaun (1935: 47), A. Mladenović (1988: 46), P. Ivić (1998: 127), and N. Tolstoj (1998: 274) are of the opinion that it is literary Russian for the historiographical style. Indeed, there is no rigid line between literary the Russian historiographical style and Russian Church Slavonic and his idiolect can be said to contain ample Church Slavonic elements, more so than the idiolects of other contemporary writers who used

¹ It should be noted that the first manuscript was ready in 1768. However, according to K. Georgijević (1946: 11), Rajić seemed to continue correcting and editing his text until 1790.

² It means Russian Church Slavonic.

Russian, such as, e.g., Zaharija Orfelin (Gudkov 2007: 58). Rajić's idiolect, as represented in his *History*, still had room for more Slavicization, which means that the language is rather Russian than Russian Church Slavonic.

With regard to the second edition of *History*, it is important to note that the proportion of Church Slavonic elements changed significantly. To the best of my knowledge, it is V. Gudkov (2007: 97) who pointed out for the first time that the second edition of *History* is heavily Slavicized compared to the first edition. V. Gudkov (*ibid.*) illustrates this phenomenon by providing such Church Slavonic lexemes and forms as *jako*, *ašče*, *obače*, *trudmi* instead of Russian *čto*, *estli*, *no*, *trudami*, respectively. It goes without saying that this short list of Slavicized items is not enough to show the extent of Slavicization of the text simply because Slavicization took place not only on the lexical and morphological levels, but also on the phonological and syntactic levels as well, which should be thoroughly analyzed. In addition, it is not clear why the editor of the second edition of *History* had to Slavicize the text against the visible tendency presented at that time to make the written language closer to the spoken vernacular(s).

HOW DID THE EDITOR SLAVICIZE THE SECOND EDITION OF *HISTORY*?

It is worth mentioning that Rajić's command of Russian was almost impeccable. This can be confirmed by the fact that the first volume of his *History* was published in St. Petersburg in 1795 immediately after the publication in Vienne in 1794 and the corrections made for the Russian edition were only very minor. They are particularly visible in orthography, and the mistakes in the original may be due to errors on the part of the publisher. Thus, the changes in the second edition made by the publisher, in most cases do not represent a correction of his Russian. Secondly, Slavicization of Rajić's text is observed primarily, in the Introduction, while the changes in the main body of *History* were not significant.

Slavicization of Rajić's text can be found particularly in the following areas: on the phonetic/phonological level, the reflection of *tj, *ktj, *dj, the second palatalization of velars; on the morphological level, it affects case endings, especially, the dative, locative, instrumental in the masculine-plural, while the verbal morphology can be characterized by the fact that some past tense forms with the *l*-participle are replaced with the aorist and imperfect, and the present-tense form of the auxiliary *byti* very often appears in the past tense as if it functioned as the perfect, which is not the case of the first

edition. On the syntactic level, subordinate clauses very often take *jako*, *i/e/ jaže*, *egda* and *ideže* in the second edition, while such words as *čto*, *kogda*, *gde*, etc., are used in the first edition. Slavicization of the lexicon is most visible. Borrowings from Ukrainian and West European languages are often replaced with Old Church Slavonic words.

WHY DID THE EDITOR CHANGE RAJIĆ'S TEXT?

Rajić's text was not an easy read (except for the members of the educated elites) even when the first edition came out. One may wonder, then, whether the Slavicization was the best strategy to make Rajić's publication accessible to the readership. In my presentation, I am going to analyze the publisher's strategy of editing Rajić's text for adapting his language to the newer linguistic circumstances in Serbia at the beginning of the 19th century, considering the competing (linguistic) ideologies at the time.

REFERENCES

- Belić 1935 — *Белић А.* Борба око нашег књижевног језика и правописа. Београд: Библиотека Коларчевог народног универзитета, 1935.
- Georgijević 1946 — *Георгијевић К.* Када је Јован Рајић завршио своју историју // Глас српске академије наука СХС. Други разред. 95 (1946). С. 5–12.
- Gudkov 2007 — *Гудков В. П.* Исследование частных вопросов истории славянских языков. Москва: Издательство Московского университета, 2007.
- Deretić 2007 — *Деретић Ј.* Историја српске књижевности. Београд: Sezam Book, 2007.
- Ivić 1998 — *Ивић П.* Преглед историје српског језика. Сремски Карловци: Издавачка књижара Зорана Стојановића, 1998.
- Kulakovskij 1882 — *Кулаковский П. А.* Вук Караджич. Его деятельность и значение в сербской литературе. Москва: Типография быв. Ф. Б. Миллера, 1882.
- Milanović 2004 — *Милановић А.* Кратка историја српског књижевног језика. Београд: Завод за уџбенике, 2004.
- Mladenović 1989 — *Младеновић А.* Славеносрпски језик. Нови Сад: Књижевна заједница Новог Сада, 1989.
- Skerlić 1967 — *Скерлић Ј.* Историја нове српске књижевности. Београд: Просвета, 1967.
- Tolstoj 1998 — *Толстой Н. И.* Избранные труды том II. Славянская литературно-языковая ситуация. Москва: Языки русской культуры, 1998.
- Unbegaun 1935 — *Unbegaun В.* Les débuts de la langue littéraire chez les serbes. Paris: Champion, 1935.

4. СЛОВО И РИТУАЛ

DOI: 10.31168/2618-8597.2019.15.22

Н. Г. Голант, М. М. Рыжова (Санкт-Петербург)

«ВЛАШКА МАГИЈА», РУССКАЯ ЭЗОТЕРИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИНТЕРНЕТ: МАГИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ ОДНОЙ ЗНАХАРСКОЙ СЕМЬИ ИЗ ВОСТОЧНОЙ СЕРБИИ

В основу данного текста легли полевые исследования авторов, которые проводились в апреле и в октябре 2018 г. в румынском (влашском) селе Ябуковац общины Неготин округа Бор в восточной Сербии.

Сербский термин «влашка магија» мы используем в связи с тем, что его употребляют сами информанты (причем нередко в составе фразы, произносимой по-румынски, например «Влашка магија е mai țearăpă decât a sârbească», букв. «Влашская магия сильнее сербской»), а также с тем, что этот феномен широко известен на территории бывшей Югославии.

О знахарке Йованке Жите из Ябуковца мы узнали в январе 2018 г., увидев на Фейсбуке объявление о семинаре по влашской магии, который она намеревалась провести в феврале. К сожалению, попасть на семинар мы не могли, однако решили, что в апреле, когда состоится наша поездка в восточную Сербию, мы обязательно посетим эту знахарку.

В Ябуковац мы приехали 9 апреля, на следующий день после Пасхи. При въезде в село нам бросился в глаза указатель — стрелка с надписью: «Jovanka». У ворот дома нас встретил мужчина средних лет — сын Йованки Воя Барбулович, который сообщил, что сегодня они не принимают посетителей, т.к. день праздничный, но, когда мы сказали, что хотели бы взять интервью у его матери и у него самого, согласился

нас впустить. В начале разговора информанты предупредили нас, что Йованка не будет ни гадать на картах, ни произносить какие-либо заговоры, так как день, по их мнению, был для этого неподходящий. Тем не менее они охотно рассказывали о себе и о своей работе, а также давали практические советы, например, о том, как с помощью рассыпанной у калитки соли и воткнутого в землю во дворе веретена уберечь свой дом от зла, которое может принести кто-то из входящих в него людей и т.д.

По словам Йованки, она не унаследовала свои знания от кого-либо из родственниц и не «украдала» их, как происходит обычно (судя по словам знахарок, опрошенных нами в других влашских селах восточной Сербии), а получила их после того, как однажды в молодости во время грозы в нее ударила молния. На следующую ночь после этого к ней во сне якобы явились три *вилы* (*vilā* — sg. f., *vile* — pl.) в образе красивых женщин с черными глазами и волосами¹ и научили ее заговорам и другим магическим премудростям. Согласно версии, которую Йованка изложила нам, во время грозы рядом с ней было четверо детей — двое ее собственных и двое чужих. Один из детей — ее сын Воя — прижимался к ней в момент удара молнией, поэтому, как сказала Йованка, он также получил магический дар².

Йованка и Воя с гордостью сообщили, что к ним приезжает множество людей из разных стран, в том числе и из России, а также из Румынии, Украины, Италии, Великобритании, США. По словам жителей Ябуковца, других знахарок, кроме бабы Йованки, в селе нет, однако местные жители к ней не ходят, среди ее «пациентов» только приезжие из других регионов Сербии и из-за рубежа.

Во время второй поездки в Ябуковец в октябре 2018 г. нам удалось записать от Йованки тексты некоторых заговоров, в том числе заговор *Īntorsura* (это название можно перевести как «возвращение»), целью которого является «возвращение» причиненного вреда (порчи и т.д.) тому, кто его причинил, заговор на удачу и др. Кроме того, на видеохостинге YouTube мы нашли отрывок из программы заечарского телеканала BEST, вышедшей в 2015 г., где Йованка также произносит заговор

¹ Термин *vilā*, используемый информантом для обозначения мифологического существа в образе прекрасной женщины, очевидно, является сербским заимствованием (о южнославянской виле см., например, Плотникова 2003: 228–248).

² В программе «Их нравы», вышедшей на НТВ в 2015 г., есть фрагмент интервью Йованки, в котором она говорит, что история с ударом молнии произошла, когда ей было всего четырнадцать лет, т.е. в то время, когда у нее еще не было детей (Баба Йованка 2015).

Întorsura (Evo kako 2015). Варианты этого заговора нам приходилось записывать и в других румынских (влашских) селах восточной Сербии, в частности, в сс. Шипиково и Гамзиград общины и округа Заечар.

У Вои Барбуловича, насколько нам удалось понять, самостоятельной практики пока нет. В их с матерью «тандеме» он, по-видимому, занимается преимущественно маркетингом, в чем весьма преуспевает. Однако уже сейчас он ведет подготовку к будущей самостоятельной деятельности. Воя показал нам книги, которые он, по его словам, использует в своей работе. Среди них было несколько книг на русском языке, а также ряд книг, переведенных с русского на сербский. В частности, у него имеются книги Владимира Мегре — основателя движения New Age, которое называется «Звонящие кедрь России» или «Анастасия». Воя даже попросил нас привезти ему из России ветку сибирского кедра, что мы и сделали в свой следующий приезд (ветка этого дерева изображена на логотипе вышеупомянутого движения; название «Звонящие кедрь» носит также ежегодно организуемый Мегре с 2010 г. фестиваль) (см., например, Андреева 2014: 73–87). В библиотеке Вои имеются также книги последователей Григория Грабового — создателя нового религиозного движения «Учение о всеобщем спасении и гармоничном развитии» (см. Колодний 2007: 68–75), который в 2006 г. был осужден по статье 159 УК РФ «мошенничество», в 2010 г. условно-досрочно освобожден, после чего переехал в Сербию и продолжил свою деятельность там. Это, в частности, работы Светланы Новак «Желтая книга» и «Семинары по учению доктора Григория Грабового» и книга Елены Логиновой «Путь в вечность» (эти книги опубликованы на сербском языке). Знахари, подобные Вое Барбуловичу, в этнографической литературе называются «приобщенными» (это люди, не обладающие даром, но отправляющие магические практики и пытающиеся развивать свои экстрасенсорные способности на основе соответствующей литературы) (Харитоновна 1999; Мазалова 2011: 280).

Необычным является не только тот факт, что в своей «профессиональной подготовке» знахарь использует современную эзотерическую литературу. Нужно также отметить, что для местной традиции мужское знахарство в принципе нехарактерно; знахарками, которые лечат и решают другие проблемы с помощью заговоров (*vrājtoare* — sg. f. ‘ворожея’, *vrājtori* — pl.) обычно становятся женщины, тогда как мужчины бывают костоправами (*ciubrean* — sg. m., *ciubreni* — pl.). Также следует упомянуть о том, что Йованка и Воя — первые встретившиеся нам в

восточной Сербии знахари, которые позиционируют себя как «самородков», все остальные «знающие», с которыми нам доводилось общаться, говорили, что переняли знания у кого-либо из членов своих семей.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреева 2014 — *Андреева Ю. О.* «Места силы», «духи дольменов» и «знания первоистоков»: археологические памятники и движение New Age «Анастасия» // Этнографическое обозрение. 2014. № 5. С. 73–87.
- Колодний 2007 — *Колодний А. Н.* Вчення Григорія Грабового як неорелігія // Релігійна панорама. 2007. № 4. С. 68–75.
- Мазалова 2011 — *Мазалова Н. Е.* Этнографические аспекты изучения личности «знающего» (XIX — начало XXI в.). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2011.
- Плотникова 2003 — *Плотникова А. А.* Южнославянские персонажи типа вила в свете «балканского» на Балканах // Славянское и балканское языкознание. Человек в пространстве Балкан. Поведенческие сценарии и культурные роли / Седакова И. А., Цивьян Т. В. (отв. ред.). М.: Индрик, 2003. С. 228–248.
- Харитоновна 1999 — *Харитоновна В. И.* Заговорно-заклинательное искусство восточных славян. Проблемы традиционных интерпретаций и возможности современных исследований. М.: ИЭА РАН, 1999.

ИНТЕРНЕТ-ИСТОЧНИКИ

- Баба Йованка 2015 — Баба Йованка принимает Дмитрия Воздвиженского. URL: https://www.youtube.com/watch?v=jVay_B9wtaI (дата обращения: 15.01.2019).
- Evo kako 2015 — Evo kako baje najpoznatija vlaška vračara. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ftlt-jtdAQE> (дата обращения: 15.01.2019).

Е. С. Узенёва (Москва)

РЕЛИГИОЗНЫЙ СИНКРЕТИЗМ НА БАЛКАНАХ: КУЛЬТОВЫЕ МЕСТА БОЛГАР-МУСУЛЬМАН*

Доклад основан на полевых материалах автора, проводившего экспедиционные исследования у болгар-мусульман в разных регионах Болгарии (средние и восточные Родопы, обл. Тетевена) и за ее пределами (обл. Ксанти в северной Греции). И хотя работа в поле была нацелена на сбор этнолингвистического материала, главным образом языкового, результаты экспедиций оказались более разнообразными. Наряду с обрядовой лексикой был собран обширный экстралингвистический материал, содержащий контекст функционирования терминологии и включающий различные по содержанию тексты, в том числе из сферы народной религии и религиозной повседневности, в частности, о местночтимых святых и культовых местах изучавшегося региона.

Общеизвестен факт, что религиозная ситуация на Балканах представляет собой невероятно яркую мозаику¹, частицы / плитки которой могут быть самой разнообразной формы и размера. Плюрализм характерен для религиозной культуры балканских народов и на формальном (конфессиональном), и на внеконфессиональном уровне. Это обусловлено многообразием этносов и религий Балканского полуострова. Длительные добрососедские отношения в культурно-сложных сообществах и необходимость реализации многостороннего взаимодействия определили специфику коммуникативного кода Балкан, одной из характерных черт которого является культура соседства как «modus vivendi повседневного сосуществования» (Valtchinova 2012).

---

* Авторская работа выполнена при финансовой поддержке проекта «Язык и культура в полиэтничных и поликонфессиональных сообществах Юго-Восточной Европы XXI века: междисциплинарное исследование» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН I.1.24 «Культурно-сложные общества: понимание и управление» (2018–2020).

¹ Подобная пестрота находит отражение и в языковой картине мира балканских народов (Цивьян 1990).

Многих ученых интересовал феномен смешанных паломничеств и смешанных религиозных культов, широко распространенных на Балканах и имеющих особое значение для социально-политических процессов в регионе. Религиозный синкретизм особенно характерен для традиции болгар-мусульман.

В болгарской науке обрядовые практики двух различных конфессий, осуществляемые параллельно в одном и том же культовом месте, называют *утраквизмом* (Димитров, Попов 2002; Мутафова 2000)¹. В более узком смысле это понятие относится к одновременному почитанию двух святых, мусульманского и христианского. Это явление — факт культурного и религиозного наследия гетеродоксного ислама на Балканах. Выделяют «ранний» и «поздний» утраквизм, который получает свое развитие после Освобождения Болгарии от османского рабства. Тогда начинается процесс постепенного освоения культовых объектов ислама местным христианским населением (Мутафова 2000: 258–259).

В докладе речь пойдет об одной категории мусульманских святых, известной под названием *шехиди, гази* или *баби*. Они являются историческими или мифологическими (мифологизированными) персонажами (воины, завоеватели, правители), которым в народной традиции приписываются особые заслуги в присоединении болгарских земель, в частности Родоп, к миру ислама. Могилы этих людей (называемые *турбе* или *теке* в соответствии с местной терминологией) стали культовыми местами, которые посещают верующие люди, ищущие помощи и заступничества у святых.

В Родобах наибольшее значение и популярность имеют трое святых: Осман-баба, Енихан-баба и Сары-баба. В докладе мы приведем варианты легенд о трех братьях и подробнее остановимся именно на культе последнего святого, могила которого находится на границе земель двух сел: христианского Момчиловци и мусульманского Виево в области Смоляна, в Средних Родобах, в которых мы провели несколько экспедиций (в 2005, 2012, 2013, 2014 гг.). Существует множество версий по поводу того, кем же был Сары-баба. Будут рассмотрены основные из них, как христианские, так и мусульманские.

Отметим, что для данного региона Родоп, где мирно сосуществуют православные болгары, помаки и турки, характерно явление, называе-

¹ Подробнее о святых местах и паломничествах в постсоциалистической Болгарии см. в монографии М. Карамиховой (Карамихова 2014).

мое «утилитарная сакральность», в терминологии Е. Ивановой, приложимое как к мусульманам, так и к христианам: носители традиции ожидают реальной пользы от обрядового действия у могилы святого, не считая, что это каким-то образом нарушит их веру (Иванова 2001: 74).

В докладе будут поставлены вопросы о различном генезисе утраквистических культовых мест, о механизмах памяти в соответствии с доминирующими идеологическими, культурными и др. приоритетами в прошлом и настоящем, о динамике проявления религиозного синкретизма и утилитарной сакральности в свете взаимоотношений между исламом и христианством.

Характеризуя специфические этноконфессиональные отношения в анализируемых районах, где существуют утраквистические сакральные места, стоит говорить не только о добрососедстве (*система на комшулука* — Георгиева 2003), но и об общей памяти, связывающей единое освоенное пространство, о передаваемом в нарративах легендарном прошлом и совместно проживаемом настоящем (Янкова 2015: 70).

ЛИТЕРАТУРА

- Георгиева 2003 — *Георгиева Цв.* Християни и мюсюлмани в българското пространство // Балкански идентичности. Част. IV. София: Отворено общество, 2003. С. 7–29.
- Георгиева 2015 — Религии: култури и политики / Георгиева Цв. (съст. и редактор). София: Ан-Ди, 2015. С. 61–73.
- Димитров 2002 — *Димитров С.* Проблеми на религиозния синкретизъм и скритото християнство // Криптохристиянство и религиозен синкретизъм на Балканите / Димитров С., Попов Р. (ред.). София: Етнографски институт с музей — БАН, 2002. С. 11–22.
- Димитров, Попов 2002 — *Димитров С., Попов Р.* (ред.). Криптохристиянство и религиозен синкретизъм на Балканите. София: Етнографски институт с музей — БАН, 2002.
- Иванова 1995 — *Иванова Е.* Утилитарната сакралност — откриване на поносимостта // Български фолклор. 1995. № 1–2. Сакралното във фолклора. С. 102–117.
- Карамихова 2014 — *Карамихова М.* Динамика на свети места и поклонничества в постсоциалистическа България. Велико Търново: УИ «Св. св. Кирилл и Методи», 2014.

- Мутафова 2000 — *Мутафова Кр.* Култът към светците в народния ислям и утраквистичните светилища // Етнологията на границата на два века. Изследвания и материали, посветени на 60-годишния юбилей на доц. д-р Николай Колев. Велико Търново, 2000. С. 249–266.
- Цивьян 1990 — *Цивьян Т. В.* Лингвистические основы балканской модели мира. М.: Наука, 1990.
- Янкова 2015 — *Янкова В.* Утраквистичните светилища като общи места на паметта // Религии: култури и политики / Съст. и редактор Цв. Георгиева. София, 2015. С. 61–73.
- Valtchinova 2012 — *Valtchinova G.* The Mount of the Cross: Sharing and Contesting Barriers on a Balkan Pilgrimage Site // Sharing Sacred Spaces in the Mediterranean. Christians, Muslims and Jews at Shrines and Sanctuaries / Albera D., Couroucli M. (ed.). Bloomington-Indianapolis: Indiana University Press, 2012.

Е. С. Струганова (Москва)

ЧЕЛОВЕК VS СТИХИИ
В ОБРЯДОВОМ ТЕКСТЕ МУСУЛЬМАНСКОГО СЕЛА ВИЕВО,
БОЛГАРИЯ*

В докладе мы представим коммуникацию в двух аспектах: прежде всего охарактеризуем конфессиональные и культурные диалоги на примере одного мусульманского села в Болгарии, а затем по записанным в нем материалам кратко опишем коммуникацию человека со стихиями (водой и огнем).

Село Виево находится в регионе Средние Родопы, в Смолянской области Республики Болгария (Терзиева, Узенева 2014: 307). В докладе приводятся собственные записи 2018 года.

На примере обозначенного села высвечивается сложная проблематика ислама в Болгарии: с одной стороны, люди, принадлежащие к разным конфессиям, сосуществуют мирно. С другой стороны, чувствуется определенная доля напряженности, обусловленная исторически: так, несколько информантов в одном селе в наших беседах подчеркивали, что они со всех сторон окружены христианами (в с. Виево), а в другом — мусульманами (в с. Славейно). В этих высказываниях есть ощущение собственной исключительности и попытки сдержать напор «чужой» культуры.

В Болгарии живут не только болгары-мусульмане, но и турки, также исповедующие ислам (Вагабова 2011), и первые оказываются в ситуации смешанной идентичности: с одной стороны, они этнически связаны с болгарами, но, с другой стороны, разделены с ними религиозно. Отсюда, как нам кажется, берет свое начало определенный диалог непосредственно внутри культуры села Виево. Людям хочется следовать традициям, хочется их сохранить, и они задают себе вопрос: а каким

---

* Статья написана в рамках проекта «Язык и культура в полиэтничных и поликонфессиональных сообществах Юго-Восточной Европы XXI века: междисциплинарное исследование» (Программа фундаментальных исследований Президиума РАН «Культурно-сложные сообщества: понимание и управление»).

именно традициям? В самом селе есть молельный дом, но ходят туда очень немногие. Жители села носят болгарские имена (после т.н. Возрожденного процесса и изменения турецких имен на болгарские) и соблюдают некоторые христианские традиции. Более подробно о болгарском исламе см. (Карамихова 2009).

Сами информанты отмечают, что для них между христианством и исламом нет особой разницы: *Та между мисл'уманската и християнската религия н'ема гуляма разлика, разбираш ли? Единия е Господ, другия — Аллах* («Между исламом и христианством нет большой разницы, понимаешь? Один Господь, другой — Аллах»).

В ответах информантов наибольшее внимание на себя обращают празднование Юрьева дня (*Гергьовден*), колебания информантов по поводу Пасхи (празднуют ли ее жители или нет), «Бабин» день, практики народного целительства, поклонение Богородице. В полевых данных (Терзиева, Узенева 2014: 319) в том же самом селе отрицали факт празднования дня народной акушерки (*Бабин ден*), в 2018 году мы записали следующее: *Пък са сбирахме ние на Бабинден, Сашка на събираши, та празнувахми. Обаче и та спря да на събира и така* («Мы собирались на «Бабин» день, Сашка нас собирала, и праздновали. Но и она перестала нас собирать, и вот так»).

А Пасху в рамках одного интервью перечислили в ряду традиционных праздников села, но потом, когда я задала уточняющие вопросы о праздновании, сказали, что это — христианский праздник и они его не празднуют, но уважают.

Интересно отметить и высказывание по поводу почитания Богородицы:

Но я например, ей там утдолу им'ех крави и има адин, такова параклисче. Вътре е Св. Богородичка и там запал'вах св'еицица, помол'вах са на н'ее и хи викам: «Миличка, Св. Богородчко <...>. Викам, давай хубаву на сички и чувай, и на сека майка и сека жена да стани майка, както тебе и да види какво ѝ е детенцету милу.» <...> Св. Богородичка, и аз много я обич'ам. («Но у меня, например, вон там внизу были коровы, и там есть часовенка. Внутри Св. Богородица, и там я ставила свечу, молилась ей и говорю: «Милая Св. Богородица. <...> Говорю, давай хорошее всем и оберегай, и каждой матери и каждой женщине, которая станет матерью, как ты, и чтобы она увидела, какой у нее милый ребеночек» <...> Святая Богородица, и я очень ее люблю».)

Таким образом, можно наблюдать неустойчивую позицию жителей по поводу некоторых праздников, а также диалог между религиями внутри

одной традиции, что соответствует отмеченному многими исследователями «балканскому религиозному синкретизму» (Трофимова 2012; 2014).

В коммуникативном поле *человек vs стихия* в ходе полевой работы удалось зафиксировать не все представления, свойственные народной культуре Болгарии в целом, и мы будем следовать за записанным в селе Виево материалом.

Так, вода имеет ряд характеристик (на общеболгарском материале): чистая (болг. *чиста*), крещеная (болг. *кръстосала*), целебная (болг. *лековита*), «молчаливая», или немая (болг. *мълчана*), непочатая (болг. *неначната*), цветочная (болг. *цветкова*), переночевавшая под звездами (болг. *престояла под звездите*), свежая (болг. *свежа*), прозрачная (болг. *бистра*), быстрая (болг. *бърза*), очищающая (болг. *очистваща*), проточная (болг. *течаща*), мутная (болг. *мътна*), старая (болг. *стара*), мертвая (болг. *мъртва*, *мъртвешка*), вредоносная (болг. *вредоносна*).

Мертвой называют воду после обмывания покойника. Информантки отмечают:

Водата — те напреж пазеха, <...> защото от една вода като вземеш и префърнеш човекън, цял живот мъртв'ее («Воду — раньше ее хранили, потому что, если взять такой воды и побрызгать человека, вся жизнь „мертвеет“»).

То есть человек мертвеет, как вода, которой его обрызгали. Свойства воды распространяются и на человека, который с ней соприкасается, поэтому обычно следят, чтобы никто не налил себе мертвой воды. От такого проклятья невозможно излечиться: [Ходжа говорит женщине, которая к нему пришла:] *Женице, нема да оздрав'еши, защото близък човек е умр'ел и от водана са мъртва зели и та са префълили да мъртвееши, да си болна вс'е* («Женщина, ты не выздоровеешь, потому что близкий человек умер, и взяли мертвой воды, да тебя побрызгали, чтобы ты „мертвела“, чтобы ты всё больной была»).

Вода может впитать как отрицательные свойства, так и положительные:

Мойта дъщеря, като беше в осми клас, тя една едричка такава, но всички други по-малки и слабички момичета беше им дошло мензиса, обаче на мойта не идва и аз направо се притесних. И един път тука мета вънка на двора и минава една циганка, и ми вика: «Седни, баба, седни да ти кажа нещо». Викам: «Не, не, аз не вярвам на такива работи». — «Седни бе, седни — и аз да си почина и ще ти кажа. Имаш дъщеря и си се много притеснила за нея, понеже е такава едра и не й идва менструацията. Аз ще ти кажа — вечер ще сложиши в една купа

вода — и ми даде нещо като муска, ей такава триъгълно — ще го сложиш във водата и ще оставиш паничката отвънка под звездите. С тая водичка ще измиеш коремчето на дъщеря ти и мукичката ще сложиш под възглавницата» («Моя дочь была в восьмом классе, она крупненькая такая, у всех остальных худеньких девочек начались месячные, а у моей нет, и я разволновалась. И я подметаю во двор, и проходит цыганка и мне говорит: „Сядь, скажу тебе кое-что“. Я ей: „Не, я не верю во все это“ — „Сядь, сядь — и я отдохну и скажу тебе. У тебя есть дочь и ты волнуешься за нее, она такая крупная, и к ней не приходит менструация. Я тебе скажу: налей воды в миску — и дает мне что-то типа амулета такое треугольное — положишь это в воду и оставишь снаружи под звездами. Этой водой вымоешь живот дочери и амулет положишь под подушку“»).

Так, вода, переночевавшая под звездами, приобретает особые целебные свойства. Это объясняется тем, что, по местным поверьям, звезды — лечебные (болг. *лековити*).

Взаимодействие человека с огнем заключается в разжигании костров по разным поводам, в окуривании жилища, а также в гашении углей (что соединяет в себе и огонь, и воду). Тематически с огнем связаны болезни, например оспа (*баба Шарка*). Про оспу говорят, что *пламвало е селото* (рус. букв. ‘загоралось село’). Обычно эпидемию представляют в образе старухи, но в Виево информанты отмечают, что это просто название болезни, что баба Шарка — не женщина: *Кой може да я види?! Никой не може да я види — само Господ, то си е Господе, то не е жена, то си е господева работа и го зоват Баба Шарка* («Кто может ее увидеть?! Никто не может ее увидеть — только Господь, это Господне [дело], это не женщина, это все божье, и называют „баба Шарка“»).

Но при описании колачей, которые традиционно пекут, когда дети начинают болеть, та же информантка говорит: *...наръсваше ги със захар, и ги даваше по дечинките, за да са махне ш'еркана, че ш'еркана е била галила благу* («Посыпали их сахаром и давали детям, чтобы ушла оспа, ведь оспа любит сладкое»). То есть антропоморфизация, пусть и несознательно, все равно присутствует: баба Шарка «ест» и любит сладкое.

Уже упоминалось, что Юрьев день является особенно почитаемым в Виево. Из практик, связанных с огнем, стоит отметить превентивное окуривание жилища в этот день: *...боклуци такива събирами, пример — сено малко в една лопатка такава за боклук и запалиме гу. И обикаляш къщата* («...мусор всякий собираем, например — немного сена в совочек для мусора и поджигаем. И обходим дом»).

Это делается для того, чтобы не кусали змеи и ящерицы. Помимо этого, для той же цели соблюдается запрет работать.

Наибольшее количество данных было собрано по стихии воды. Но и на достаточно асимметричном материале можно показать главное — человек из всего многообразия окружающих предметов выбирает совершенно определенные субстанции для своих целей — выздороветь, соблюсти традицию, чтобы не нарушить сформированный ей порядок, получить процветание для своего дома, пропитание, защитить дом от нежелательных существ (змеи и ящерицы) и многих других. По словам С.М. Толстой, «...если субъектом ритуальных действий может быть только человек, то их объектами могут быть самые разные сущности: <...> вещества и стихии (вода, огонь, песок, камень и т.д.)» (Толстая 2018: 236). Человек в коммуникации со стихиями выступает как субъект и как объект, что будет проиллюстрировано в докладе рядом соответствующих примеров.

ЛИТЕРАТУРА

- Вагабова 2011 — *Вагабова Н. К.* К проблеме этноконфессионального разнообразия мусульман Болгарии // Вестник Дагестанского научного центра. 2011. № 40. С. 36–40.
- Карамихова 2009 — *Карамихова М.* Ислам в Болгарии // Россия в глобальной политике. 2009. № 3. С. 150–160.
- Седакова 2001 — *Седакова И. А.* Культ Богородицы в славянских родинах // Родины, дети, повитухи в традиционной народной культуре. М., РГГУ. 2001. С. 151–163.
- Терзиева, Узенева 2014 — *Терзиева Д., Узенёва Е. С.* Этнолингвистические материалы из болгарских сел Виево и Кутела (область Смоляна, регион Средние Родопы) // Карпато-балканский диалектный ландшафт: язык и культура. 2014. Вып. 3. С. 307–347.
- Толстая 2018 — *Толстая С. М.* Человек в ритуале: субъект, объект, адресат, медиум // Образ человека в языке и культуре. М.: Индрик, 2018. С. 231–240.
- Трофимова 2012 — *Трофимова К. П.* К проблеме изучения религиозных традиций в мультикультурном сообществе // Проблемы философии культуры. М.: Институт философии РАН, 2012. С. 186–201.
- Трофимова 2014 — *Трофимова К. П.* Конструирование священных мест в мультикультурной среде: пример святилища «Зайде Башче» в Нише (Сербия) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2014. № 2. С. 204–230.
- Узенева 2013 — *Узенёва Е. С.* Болгары-мусульмане Средних Родоп в XXI веке: взгляд этнолингвиста // Славяноведение. 2013. № 6. С. 21–27.

К. С. Задоя (Дюссельдорф), Е. Э. Будовская (Вашингтон)

ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ «СВОЙ – ЧУЖОЙ» И КОНСТРУИРОВАНИЕ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ В ОДНОМ КАРПАТСКОМ СЕЛЕ

1. ВВЕДЕНИЕ

В селе Жупаны Сколевского р-на Львовской обл., обследованного нами (К. Задоя) летом 2018 г., обнаружено несколько пересекающихся систем самоидентификации и идентификации чужих. При этом в Жупанах для конструирования образа «своих» и «чужих» и стереотипизации используются два важных в карпатской культуре противопоставления: «паньы» vs. крестьяне, и владеющие vs. не владеющие магическим знанием.

2. СИСТЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ

1. Записи из Жупан показывают, что жители многих (возможно, всех) сел имели клички-экзонимы, которыми их называли жупанцы. Эти клички несли отрицательную коннотацию, хотя необязательно являлись оскорбительными. Так, жителей большого села Нижнее Синевидное называли в Жупанах *каштани*, потому что они в межвоенный период привозили в село из Венгрии жареные каштаны и торговали ими.

2. Кроме того, жители некоторых географических регионов, более крупных, чем село, также имели экзонимы. Эти регионы не всегда совпадают с общеизвестными. Так, жители Львовской области для жупанцев разделяются на группы *самборці* и *базі*: первая группа живет к западу, а другая к востоку от условной линии, проходящей через с. Хітар Сколевского р-на. *Самборці* назывались так потому, что они якобы пришли из Самбора, а также потому, что населенные ими села когда-то входили в одну епархию с Самбором. *Базі* (м. *базьо*, ж. *базян-*

ка) назывались так якобы потому, что они занимались овцеводством. Третья группа, *дички*, совпадает в понимании жупанцев с населением Закарпатской области; объяснение для этого названия записать не удалось.

3. Еще одно разделение пролегает по межвоенной границе между Польшей и Венгрией, современной границей между Львовской и Закарпатской областями Украины, проходящей по Карпатскому хребту. Эта граница достаточно старая, она существовала в Австро-Венгерской империи между Галичиной, относившейся к подчиненной Австрии Польше, и населенными славянами горными районами, относившимися к Венгрии. Население бывшей Галиции (современных Львовской и Ивано-Франковской областей) называется в Жупанах *поляки*, а бывшей Венгрии (современной Закарпатской области) — *мадьяри* или, как упомянуто выше, *дички*. Граница между «нашими людьми» и «поляками» является релевантной также в Закарпатье, где она активно используется для конструирования положительного образа себя и отрицательного образа чужого (см. Boudovskaia (in print)). В отличие от этого, в материалах, записанных в Жупанах, практически не отмечается антагонизма между *поляками* и *мадьярами*.

4. Говорящие также выделяют противопоставление «верховинцы» и «долиняне».

Первая группа, к которой жупанцы относят себя, живет высоко в горах и является более бедной, чем вторая, очевидно, вследствие более холодного климата и более бедных почв. Вторая группа, как следует из названия, живет в долинах, где лучшие земли и лучшая инфраструктура, поэтому они богаче.

Некоторые экзонимы выступают как не окрашенные эмоционально, но со многими в Жупанах связаны определенные противопоставления, являющиеся существенными в культуре.

3. «КЛАССОВОЕ» ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ В ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЧУЖОГО

Отношения между группами *верховинці* и *долиняне* являются не только значимыми, но и эмоционально окрашенными, включающими антагонизм. По рассказам жупанцев, лучше не брать жену из *долинян*, потому что они плохие люди. Типичные представители *долинян* для жупанцев — жители упомянутого села Нижнее Синевидное. Про них говорят, что они «успешные, но наглые», что «при любой власти они уме-

ют приспособиться — при коммунистах махали красным флагом, при Украине нарядились в вышиванки», что они «позанимали все руководящие должности». Совокупность обвинений показывает, что жителей Синевидного жупанцы считают *панами*, что представляет собой скорее классовое, чем этническое или какое-то иное, разделение.

Противопоставлению *пани* — *прости* следовало бы посвятить отдельную статью (ср. Pine 2002: 99–100), но вкратце можно сказать, что *пан* — это любой, кто получает зарплату и не живет сельскохозяйственным трудом / натуральным хозяйством. *Пани* считаются высокомерными и неприспособленными к труду, они обладают рядом особенностей с точки зрения не только поведения, но и одежды, еды, и даже запаха. Советская и постсоветская мобильность населения видоизменила противопоставление *пани* — *прости*, но оно, тем не менее, остается одним из основных разделений людей для жителя карпатского села. Живущие в городе, как правило, *пани*, но из записанных разговоров выясняется, что жители низинных сел, *долиняне*, также воспринимаются жупанцами как *пани*.

4. МАГИЯ В ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЧУЖОГО

Со своей стороны, *долиняне* не любят верховинцев; однако интересно, что, по свидетельству жупанцев, *долиняне* считают, что существенной отрицательной характеристикой жителей Жупанов, и вообще верховинцев, является то, что среди них много ведьм. Возможно, для *долинян* наличие ведьм и вообще магии среди верховинцев — либо знак их отсталости (в глазах долинян с более городской ментальностью), либо знак их опасности, вытекающей из более близких отношений верховинцев с потусторонними силами (в глазах долинян с более традиционным взглядом на мир). Для самих жупанцев наличие сверхъестественных способностей также не вполне желательная характеристика: рассказывая о том, как их видят долиняне, жупанцы повторяют, но не подтверждают мнение, что среди них самих много людей, владеющих магией. Кроме этого, жупанцы редко рассказывают о том, что в их родном селе живут сильные целители и знахари, но часто упоминают, что люди из их села ходят к знахарям в другие села; для исцеления, например, от змеиного укуса (одна из немногих медицинских нужд, при наличии которой к знахарю обращаются столь же часто, как к современной медицине) в Жупанах ходят к целителю в другое село — Сможе. Наконец,

во время интервью, слыша о каком-то несвойственном им обычае или обряде, жупанцы часто отвечают, что так делают *базі*, которым вообще свойственно *ворожити*. Такое утверждение не означает, что говорящий знает, что *базі* действительно практикуют неизвестный жупанцам обряд, оно означает только, что этот обряд, и вообще тесные связи с магией и ворожкой, не свойственны жупанцам, в отличие от *базів*. Таким образом, магия практически никогда не является компонентом образа «своего» человека, но часто характеризует «чужого».

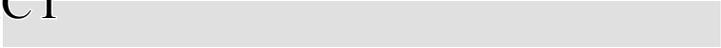
5. Выводы

Конструирование образа «чужого» производится в Жупанах с помощью стереотипизации (stereotype formation, см. Martin 2014, а также приведенная там литература), когда группе «свой» присваиваются определенные характеристики (считающиеся в культуре положительными), а группе «чужой» — противоположные характеристики (считающиеся в культуре отрицательными). При этом некоторый объективный признак (проживание в определенном селе или регионе) связывается с группой положительных или отрицательных характеристик. Стереотипизация, представляющая собой упрощение мыслительных процессов (“mental shortcuts”) и экономящая время реакции, тем не менее чревата дегуманизацией других социальных групп, которые конструируются как объекты, а не как самостоятельные субъекты, равные с говорящим (Martin 2014). Характеристики групп «свой» и «чужой» в культуре традиционного общества являются интересным объектом изучения, поскольку они показывают, что именно носители данной культуры считают важным. В культуре карпатского села материалом для конструирования противопоставления «свой — чужой» оказались две характеристики: владение магией (свои характеризуются как ею не владеющие) и условно классовая характеристика (работающие на земле, крестьяне как «свои», и «паны» как «чужие»). Вероятно, эти две характеристики находятся в историческом отношении преемственности, и условно классовая характеристика постепенно, с развитием образования и мобильности населения, вытесняет магическую.

ЛИТЕРАТУРА

- Boudovskaia (in print) — *Boudovskaia E.* “S/he went to Poland to see wise people”: The historical border and the magical component in stories of people beyond it in a Carpatho-Rusyn village in Ukraine.
- Martin 2014 — *Martin D., Hutchison J., Slessor G., Urquhart J., Cunningham Sh. J., and Smith K.* The Spontaneous Formation of Stereotypes via Cumulative Cultural Evolution // *Psychological Science* 25 (9). P. 1777–1786.
- Pine 2002 — *Pine F.* Retreat to the Household? Gendered Domains in Postsocialist Poland // *Postsocialism: Ideals, Ideologies and Practices in Eurasia* / Hann Ch. M. (ed.). London: Routledge, 2002. P. 95–113.

TEKCT

Н. В. Злыднева (Москва)

К ПРОБЛЕМЕ КОММУНИКАЦИОННЫХ СТРАТЕГИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ БАЛКАНСКОЙ МОДЕЛИ МИРА: АПОФАТИЧЕСКОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ*

Коммуникационные стратегии художественного пространства балканской модели мира характеризуются полярностью векторов. Это особенно проявилось в XX веке. Поле полилога образовано или сверх-коммуникацией, в ряде случаев порождающей парадоксальную адресацию с инверсией своего и чужого (этому посвящено мое предыдущее сообщение на данную тему — Злыднева 2018), или к значительной редукции коммуникации, вплоть до полного отказа от нее. Последнее — модель апофатического дискурса — иногда приходит в резонанс с центральной парадигмой европейской культуры той или иной эпохи, но, многократно усиливаясь и тем самым обретая новое качество, накладывает на нее специфический региональный отпечаток, выступая как своего рода «балканский след» в литературе и искусстве Центральной Европы прошлого столетия. На некоторых примерах последнего и хотелось бы остановиться.

Наиболее яркие приметы апофатического дискурса представлены прозой Иво Андрича (1892–1975), в которой прежде всего нашел выражение клубок национальных, конфессиональных и социальных противоречий балканского менталитета, спроецированных на общечеловеческое в целом. В произведениях Андрича наблюдается большой диапазон форм и сюжетных мотиваций отказа от коммуникации. Так, в рассказе «Туловище» (1925) запрет на коммуникацию демонстрируется как ответ насилием на насилие. Изувеченное тело некогда жестокого боснийского властителя, челеби Гафиза, впоследствии подвергшегося истязаниям восставших подданных, лишено не только рук и ног, но и органов речи: лицо превращено в «один огромный шрам, обтянутый тонкой

---

* Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ «Россия и Венгрия на перекрестке культур Востока и Запада: проблема пограничья» № 18-512-23002.

кожей» (Андрич 1983: 121). Это тело выставлено на центральной площади дворца на обозрение домашним и лишь покачивается на ветру, сохраняя на том, что было раньше лицом, слабое подобие улыбки.

В одной из жемчужин творчества Андрича, повести «Проклятый двор» (1954), причины затрудненной коммуникации иного рода. Повествование ведется от лица монаха фра-Петара, из тюрьмы (проклятого двора). Герой повести — Чамил-эфенди из Смирны, по отцу турок, по матери грек, не находил точек соприкосновения с окружающей средой (его отвергали как турки, так и греки) и, погруженный в чтение книг по истории, в легком помешательстве возомнил, будто в него вселился дух потерпевшего поражение в борьбе за власть средневекового султана Джема, брата султана Баязита II. Чамила, называвшего себя Джемом, бросили в темницу как замыслившего восстание против действующего султана по образцу своего исторического идеала. Находясь в тюрьме, Чамил проявляет чудеса межъязыковой коммуникации, рассказывая о своей судьбе сочувствующему ему монаху Петару: «Он говорил то по-турецки, то по-итальянски, забывая в спешке переводить французские и испанские цитаты» (Андрич 1983: 208). Но при этом среда полностью исключила Чамила из своей коммуникации — нежелание и невозможность идти на контакт вызывали допросы и истязания. Отказ юноши отречься от себя, ибо, как и его исторический предшественник, он только «султан — и ни на волос меньше, ибо значит это уже не султан, и ни на волос больше, ибо большего не бывает» (там же, 211), приводит его к трагической развязке. В нарративную ткань повествования тема этого героя вводится посредством приема «mise en abyme» (рассказ в рассказе) и образует кульминационную точку сюжета, отчего предстает как символический аналог рассказа как такового. Значимая деталь, комментирующая его образ, — книга в дорогом переплете, которую Чамил всегда возит с собой: письменный текст служит потенциальной заменой коммуникации, которую — при всем обилии продемонстрированных речевых / языковых возможностей — не суждено было реализовать в общении с окружением. Трагедия Чамила-Джема является экзистенциальной проблемой человека вообще, особенно человека в XX веке, особенно на Балканах — непонимание как следствие отчужденности личности во внешней среде, трагедия «заброшенности в мир» (в категориях Кьеркегора).

Наконец, в рассказе «Мост на Жепе» (1925) агентом апофатической коммуникации является центральный персонаж, итальянский зодчий, приглашенный в Боснию для строительства моста через бурную гор-

ную речку. Он не находит общего языка (в буквальном смысле) с местными жителями в силу своей иноязычности и потому выбирает молчание. Безымянным остается и мост, поскольку угасает разум заказчика моста, боснийского визиря. Но самым последним, от чего заказчик перед смертью отказался, был девиз, который он хотел высечь на камне: «в молчании надежность» (Андрич 1983: 52). В этом умозаключении нетрудно обнаружить парадоксальность апофатической (аннулированной) коммуникации, в которой реализована расподобленная метафора: обуздание непокорной *реки* как символического обозначения *речи* (см. этимологию В. Н. Топорова) достигается посредством ее (речи, а вместе с ней и реки) отрицания и тем самым возводится на более высокий уровень семантической ценности. Все модели антикоммуникации у Андрича лежат в русле экзистенциальной проблематики литературы 1950-х годов, однако, спроецированные на реалии балканской жизни, они могут быть осмыслены в контексте региональной картины мира, прослежены как одна из ее самых ярких манифестаций.

В качестве другого примера — сербская живопись 1960–1970-х годов. Белградский художник Мича Попович (1923–1996), оппозиционно настроенный по отношению к властям тогдашней Югославии, задал художественную стилистику, чья критическая направленность отдаленно напоминает советский соц-арт 1970-х — начала 1980-х годов. Его раскованная, пастозная манера живописи — в лучших традициях экспрессионизма и в целом поставангарда 1920-х годов, обогащенная открытиями энформеля 1950-х. В противоречие с этой, по сути элитарной эстетической позицией, однако, входит открытая памфлетная мотивика произведений, наделенная аллегорическими и протестными политическими смыслами. Художник изливал на полотнах свое возмущение беспринципным, гибельным курсом руководства страны, безработицей, насилием властей по отношению к инакомыслящим, зависимостью от западного капитала. В сюжетах изображений это вылилось в мотивы бедствий югославских гастарбайтеров, окровавленных туш скотины, сцен из публичного дома, обезьянок, бездумно вертящих в лапах предметы человеческого обихода. В рамках нашей темы важно заметить, что коммуникативные модели этого протеста чаще всего принимали форму отрицательной коммуникации. Особенно значима была серия, показывающая карточные домики, — аллегория, которая стала грозным предсказанием грядущего крушения страны. Одна из наиболее выразительных композиций этой серии представляет обращенного к зрителю

спиной мужчину на первом плане с сомкнутыми за спиной руками. Он пристально разглядывает очередную конструкцию из карт, которая вот-вот распадется. Традиция персонажа, который отвернулся от зрителя и созерцает сцену (как правило, пейзаж) на втором плане, уходит корнями еще в европейский романтизм. В творчестве немецкого мастера Гаспара Фридриха можно насчитать несколько композиций такого рода: персонажей может быть не один, а двое, но это не меняет ситуацию. В этих антипортретах или портретах-пейзажах реализована модель апофатической коммуникации, выраженной визуальными средствами. Отвернувшийся от зрителя герой посредством отрицания коммуникации взглядом не только отвергает общение со зрителем, но и выступает как посредник — передаточное звено сообщения о созерцаемом пейзаже. Возникает коммуникация, отмеченная Ю. М. Лотманом в качестве характерной для жанра портрета в целом: «Он говорит, что Он говорит» (Лотман 2002). Однако в ситуации, когда зритель видит только затылок и спину «говорящего», визуальная «речь» последнего аннигилируется: «Он говорит, что Он не говорит». Выразительное молчание персонажа на картине М. Поповича относится к тому же случаю. В контексте других произведений мастера оно не только выражает добровольный отказ от коммуникации, ее невозможность в сложившихся идеологических и политических условиях, но и стратегию апофатического, сверхполного высказывания, возникающего как отчаянная попытка пробиться к пониманию со стороны властей предрежащих.

Наконец, третий пример — из области концептуализма конца 1970-х — начала 1990-х. Мы имеем в виду творчество хорватского художника Младена Стилиновича (р. 1947). Предметом художественного осмысления этого мастера является травма утраченной идентичности, характерная для общественного сознания Югославии в переломный период ее истории. Она влечет за собой а-коммуникативность как форму коммуникации. Оперируя знаками вербальными и визуальными, сталкивая надписи и изображения (как правило, фотографические), текст и социальный контекст его бытования, Стилинович выстраивает свои интермедийные «диалоги», которые похожи на «две страны, жители которых говорят на разных языках, но которые имеют длительную историю взаимных миграций, культурных обменов и других форм общественной коммуникации» (Mitchell 2004: 80). По наблюдению хорватской исследовательницы С. Бриски-Узелац, для творчества Стилиновича характерна «ироническая игра с художественной структурой „вопрос — ответ“,

которая „общепризнанное“, понятное и буквальное делает открытым, многозначным, абсурдным или даже невыразимым, противостоящим авторитету идеологических штампов, „истине в последней инстанции“ или „здоровому“ смыслу» (Бриски-Узелац (в печати)). В серии «Эксплуатация мертвых» (конец 1980-х) Стилинович представляет некий каталог «мертвых знаков и символов» (незавершенные картины, чьи-то тексты, разные репродукции, кучи повседневного барахла). Все это подано как следы «утраченного смысла», «опустошенного содержания» в общественной коммуникации, социальном взаимообмене (ценностями, идеологиями и т.п.)» (там же). Демонтаж смыслов, контаминация высокого и низкого в культуре обнажают отказ от коммуникации. В рамках постмодернизма Стилинович, используя приемы художественной провокации, реализовал характерную для Балкан модель полилога с отрицательными значениями.

ЛИТЕРАТУРА

- Андрич 1983 — *Андрич И.* Туловище / Пер. с сербохорватского А. Голенищева-Кутузова // Андрич И. Повести и рассказы. М.: Радуга, 1983. С. 118–126.
- Андрич 1983 — *Андрич И.* Проклятый двор / Пер. с сербохорватского Т. Поповой // Андрич И. Повести и рассказы. М.: Радуга, 1983. С. 164–224.
- Андрич 1983 — *Андрич И.* Мост на Жепе / Пер. Т. Вирты // Андрич И. Повести и рассказы. М.: Радуга, 1983. С. 47–54.
- Бриски-Узелац (в печати) — *Бриски-Узелац С.* Как манипулировать тем, что манипулирует тобой или о стратегии концептуального искусства // Искусство Сербии, Хорватии и Словении в XX веке. М.: Индрик, 2019.
- Злыднева 2018 — *Злыднева Н. В.* «Балканский» код художественного сообщения и проблема адресата // Балканский полилог: коммуникация в культурно-сложных сообществах. Памяти Вячеслава Всеволодовича Иванова / Седакова И. А. (отв. ред.), Макарец М. М., Цивьян Т. В. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 149–177. (Материалы круглого стола ЦЛИ Balcanica. 6)
- Лотман 2002 — *Лотман Ю. М.* Портрет // Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства (Серия «Мир искусств»). СПб.: Академический проект, 2002. С. 349–375.
- Mitchell 2004 — *Mitchell W. J. T.* Word and Image // *Critical terms of Art History* / Nelson R. S., Shiff R. (ed.). Chicago: Chicago UP, 2004.

Дагмар Буркхарт (Маннгейм)

ВНУТРИТЕКСТОВАЯ И ВНЕТЕКСТОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ: БОСНИЙСКО-СЕРБСКО-СЛАВОНСКАЯ ПАРАДИГМА*

Начиная с 1971 года в Югославии шли политические чистки, организованные режимом Тито в целях подавления «контрреволюционных происков». Интеллектуалы, художники и литераторы, как предполагалось, вдохновляемые Западом, испытывали на себе влияние цензурного гнета партии. Например, сатирик Бора Чосич был — по причине запрета на печатание его сочинений — с 1972 по 1976 год исключен из «свободной от господства» коммуникации (если воспользоваться термином Хабермаса, Habermas 1981). Он избрал для себя внутреннюю эмиграцию и продолжал писать без надежды на публикацию своей книги. В конце концов разрешенный к печати в 1978 году постмодернистский текст «*Tutori*» (русское заглавие: «Наставники») представляет собой великолепный образец тематизируемой коммуникации. Пародия на семейную хронику толщиной в 622 страницы состоит из пяти частей, которые — под рубриками «1828», «1871», «1902», «1938» и «1977» — вложены в уста повествователей из разных поколений одной семьи и охватывают в общей сложности 150 лет жизни в многоголосой Славонии. Показательно, что этот текст, отмеченный не только влиянием Джеймса Джойса и Данилы Киша, но и в значительной мере питаемый повседневной коммуникацией (*Gerede* ‘болтовня’, по Хайдеггеру), открывается лексемой *riječ* ‘слово’, — сатирический намек на Евангелие от Иоанна (1:1: «В начале было Слово»), а также на изданный в 1818 году сербский словарь Вука Караджича (*Srpski rječnik*).

Весь роман Чосича оформлен как книга-наставление; в ней приводятся разнообразные обороты устной и письменной речи, а также общая история литературных форм. Из сплетения отсылок к литературным текстам и жанрам, а кроме того, к языку бюрократическому, языку всевозможных инструкций, руководств по ведению домашнего хозяйства, рекламных проспектов, словарей и энциклопедий, порнографии,

---

* Перевод Галины Потаповой.

хмельных тирад и каламбуров возникает метатекст Чосича как подобие целого мира. А стало быть, язык как вербальное средство коммуникации на деле оказывается подлинным протагонистом «*Tutori*».

Война подразумевает наиболее агрессивный вид коммуникации. Не случайно, например, в немецком языке используется фразеологическое сращение «*die Waffen sprechen lassen*» ‘заставить *говорить* орудия’, а во времена перемирия и мира говорится: «*die Waffen schweigen*» ‘орудия молчат’. Война в Югославии 1991–1995 годов, как и предшествовавший ей рост националистических настроений, привели к разрушению или проблематизации коммуникации в постъюгославских странах.

То, что в эпоху Тито было само собой разумеющимся: успешно функционировавшее общение жителей шести республик, составлявших страну, — теперь оказалось под вопросом. Продемонстрируем это положение дел на двух примерах.

Эмигрировавшая в 1989 году в США писательница Наташа Радойчич (отец — серб, мать — боснийка) описывает в своем автобиографическом паратексте *Writing the Madness of War* (Radojčić 2002/2003), как сначала менялись средства музыкальной коммуникации и как потом прекратилось общение между ней и ее сербскими однокурсниками, потому что она сделалась врагом, как наполовину мусульманка:

I felt it most personally through the music of the time. By the late 1980s the lines at the opera house, where my father had first taken me, were shrinking, and a new kind of music crammed the stores: terribly aggressive turbo-folk, expressing the discontent of a nation gasping for air under the yoke of the disintegrating economy. And then there were my friends at Belgrade's Academy of Arts, where I was a film student. Once, they were sharp, unflinching supporters of free thought; individualist, secularist. Now they were succumbing, lost and hopeless, to the new mantra — “Serbia, Serbia”. My half-Muslim blood rendered me persona non grata at their parties. My phone grew quieter and quieter. Bad things lay ahead.

Общение с родными матери в осажденном Сараево оказалось преврано на пять лет, а скудное питание привело под конец к выпадению зубов и соматическому расстройству коммуникации:

My mother had died in Belgrade, and though I missed her terribly I was actually relieved that she wasn't around to see what was happening. Her Muslim brothers and their Muslim children were under siege in Sarajevo, and the rest of the family would not know if they were alive for close to five years. When I finally spoke to my uncle I didn't recognize his voice: starvation had claimed all of his teeth.

Опубликованный в 2005 году роман Радойчиц «You Don't Have to Live Here» (Radojčić 2005; 2005a), который читается и как *road novel* (в манере Джека Керуака), разворачивается на стыке политической истории и субъективного припоминания. Как на отличительный признак «литературы в изгнании» можно указать на симптомы нарушения коммуникации, наблюдаемые у героини романа, когда речь заходит о ее прежней родине, где ей довелось испытать нарастание вражды между мусульманами, хорватами и сербами. Таким образом, Югославия становится постоянно присутствующим топонимом, значение которого подчеркивается *ex negativo* — именно тем, что его избегают. В вожделенном городе Нью-Йорке новоприбывшая Саша любит всё, «even the garbage» («даже мусор»). Напротив, Югославию она ощущает как «не-место» или гетеротоп. Если ее спрашивают, откуда она родом, Саша предпочитает не упоминать Югославию. Взамен того она говорит об «адской дыре, о какой ты еще не слыхивал» («a hellhole you never heard about»), или отвечает на вопрос «Where are you from?» — «Far» («издалека»), — или лжет, утверждая, что она «из Небраски».

С точки зрения коммуникативных проблем не менее интересен дебютный фильм Даниса Тановича «No Man's Land» («Ничья земля», боснийское название: *Ničija zemlja*, 2001; совместное производство: Бельгия, Босния, Англия, Франция, Италия, Словения, см. Tanović 2001), в 2002 году удостоенный «Оскара». Танович, который вплоть до своей эмиграции в Бельгию (1994) работал как документалист для «Кинофотоархива вооруженных сил Боснии», выступил не только как режиссер фильма, но также как сценарист и автор музыки.

Проникнутая ненавистью к войне кинолента «No Man's Land» (далее: NML) — это произведение многоплановое, подключающееся одновременно к целому ряду дискурсов. Наряду с историко-политическим дискурсом и такими проблемами, как «война и мир» или «вина и невиновность», затрагиваются дискурсы психо-социальные, фокусирующие внимание на оппозиции «ненависть и эмпатия», а также на возможностях коммуникации. Развертывающееся на грани реализма и абсурда действие фильма «No Man's Land» приурочено ко времени Боснийской войны.

На примере сербских и боснийских солдат, волею случая оказавшихся в непосредственной близости друг к другу, в старой траншее на нейтральной полосе, NML демонстрирует абсурдность братоубийствен-

ной войны. Помимо всего прочего, этот антивоенный фильм критически освещает неоднозначную роль солдат-миротворцев ООН, а также недобросовестные преувеличения, встречавшиеся в средствах массовой информации в годы войны в Югославии.

Сатирически рисуя войну, NML делает очевидной бессмыслицу военной конфронтации: дело в том, что никто из простых солдат враждующих сторон не знает, за что и почему, собственно, ведется война. Исходя из этого, фильм семантизирует личностные сходства и взаимоотражения.

Сходство сражающихся бойцов состоит в том, что все вместе они являются жертвами жестокого механизма войны — и они сами, без малейшего идеализма, воспринимают себя в этой роли. Их вынужденное пребывание в траншее иногда даже приводит к взаимопониманию. Диалог, ведущийся между сербом Нино и боснийцем Чики на общем для них языке, выявляет не только точки соприкосновения в плане биографическом, но и более существенную общность между боснийскими сербами и босняками-мусульманами, так как оба персонажа могут считаться в известном смысле представителями своих сторон. Благодаря этому абсурд братоубийственной войны выступает еще резче.

Беседа, то и дело становящаяся довольно непринужденной («симметричная коммуникация», по Вацлавику, Watzlawick 1967), заставляет думать, что Нино и Чики — чьи абсолютно негероические имена отсылают зрителя к героям-паяцам Гого и Диди из беккетовского претекста «В ожидании Годо» — в других условиях могли бы стать если не друзьями, то хотя бы мирно сосуществующими и общающимися соседями.

Если общение оказавшихся в одной траншее ведется на общем для них языке, то коммуникация с представителями Объединенных Наций осуществляется по-английски или на (чреватом недоразумениями) языке жестов, так как ни боснийцы, ни сербы не понимают французского языка солдат ООН. Это означает, что в фильме выводится на поверхность противоречивое соотношение «близости» и «далекости» персонажей: междоусобную войну ведут те, кто на деле стоят ближе всего друг к другу. Траншея в качестве центральной метафоры фильма NML реализует свое значение и как бездна, лежащая между людьми и затрудняющая их общение, и в то же время как могила. Не раз слышащееся в NML жужжание мух делает возможным метафорическое сопоставление окопа и могилы; подобным образом мотив кладбища у Ремарка и мотив разлагающегося трупа у Гаршина и Барбюса реализовали изотопию «смерть».

Вывод из предложенного выше анализа текстов и фильма гласит: коммуникация без вмешательства цензуры — это понимание и мир; и напротив, отсутствие коммуникации или тем паче ее запрет приводят к вражде, а при неблагоприятном развитии событий — к войне и смерти.

ЛИТЕРАТУРА

- Ćosić 1978 — *Ćosić B.* Tutori. Beograd: Nolit, 1978.
- Habermas 1981 — *Habermas J.* Theorie des kommunikativen Handelns. Frankfurt: Suhrkamp, 1981.
- Radojčić 2002/2003 — *Radojčić N.* Writing the Madness of War // Boston Review. <http://bostonreview.net/december-2002january-2003> (дата доступа: 03.03.2018).
- Radojčić 2005 — *Radojčić N.* You Don't Have to Live Here. New York: Random House, 2005.
- Radojčić 2005a — *Radojčić N.* Ti ovde ne moraš da živiš / Pajvančić N. (prevod). Beograd: Laguna, 2005.
- Tanović 2001 — *Tanović D.* Ničija zemlja / No Man's Land. Baschet, M. & Dumas-Zajdela, F. & Kollar, C. (Producers), & Tanović, D. (Director). (2001) Bosnia and Hercegovina, France, Slovenia, Italy, UK, Belgium: Arsenal, MGM.
- Watzlawick 1967 — *Watzlawick P.* Menschliche Kommunikation. Bern: Huber, 1967.

Т. В. Цивьян (Москва)

КАВАФИС СКВОЗЬ ПРИЗМУ БАЛКАНСКОГО ТЕЗАУРУСА*

Идея *балканского тезауруса* (БТ) впервые возникла на Балканских чтениях 13, была продолжена на Балканских чтениях 14, но до сих пор пребывает *in statu nascendi*, поскольку очертания БТ остаются неопределенными. Наши тезисы на БЧ 14 «От балканского травелога к балканской лингвистике» (Цивьян 2017) содержали попытку представить концепт *движения* как основное ядро балканистических процессов. Там речь шла главным образом о путешествиях в пространстве, но в балканском контексте столь же важны путешествия во времени. *Движение* предполагает *коммуникацию* — не только между разными географическими пунктами, но и *коммуникацию* как общение людей. В этом случае во главу угла ставится язык и возникает тема контактов — столь важная в балканской картине мира.

Привязка Кавафиса, «александрийца, пишущего об Александрии», к теме БТ на первый взгляд может показаться натянутой. Но две основополагающие черты БТ, *движение* и *общение* (= *слово*), т.е. коммуникация в обоих значениях, просматриваются в его стихах и прозе более чем отчетливо. Кавафис помещает себя во время и пространство пестрого *греческого мира*, целостность которого поддерживается *греческим языком*, «живым организмом, находящимся в постоянном преобразовании» (как писал эллинист Н. М. Бахтин). Кавафис осознавал себя «звеном и наследником эллинской традиции; его поэзия развилась из размышлений надо всей греческой цивилизацией как целым, будь то сам архипелаг, Азия, Африка или Италия» (Ч. Милош). Показательна сигнатура афинянина у Кавафиса — *Человек* и *Слово* («Мое слово не пропадет»). В определенном смысле программным можно считать его

---

* Статья написана в рамках проекта «Язык и культура в полиэтничных и поликонфессиональных сообществах Юго-Восточной Европы XXI века: междисциплинарное исследование» (Программа фундаментальных исследований Президиума РАН «Культурно-сложные сообщества: понимание и управление»).

раннее стихотворение «Слово и молчание», призывающее к общению как таковому (настоячивое *λαλήσωμεν, λαλήσωμεν*). Примечательно, что поставленная в качестве эпиграфа пословица «Слово серебро, молчание золото» дана по-арабски. Общение / взаимопонимание людей, *разных* — по признаку языка (утрата / сохранение родного языка, выбор языка общения), по происхождению, по религиозным, культурным традициям, указание на место (с подчеркиванием оппозиции *родина / чужбина*) и время (не только *здесь* и *теперь / там* и *тогда*, но и точная хронология), мотив путешествия (прежде всего по морю, см. хрестоматийную «Итаку», отмеченность метафоры *корабля* и т.д.)¹ — все это вполне вписывается в балканскую картину мира, и *александриец*, *alīas homo mediterraneus*, приобретает черты *homo balcanicus*.

Возникает вопрос, насколько правомерно (целесообразно) «втягивать» Кавафиса в балканистическую перспективу и соответственно в БТ? Что это может дать для исследования творчества Кавафиса и для балканистических штудий?

Иосиф Бродский в своем эссе «На стороне Кавафиса» писал: «Каждый поэт теряет в переводе, и Кавафис не исключение. Исключительно то, что он также и приобретает». Представляется, что это приложимо и к нашему случаю. С одной стороны, предлагаемый подход выглядит упрощением, если не натяжкой: поэтический мир Кавафиса никак не ориентирован на Балканы (биографически этот «египетский грек» в Греции лишь редкий гость): он рассматривает мир сквозь призму Александрии. С другой стороны, ограничивать Кавафиса Александрией невозможно². Его Александрия выступает как сигнатура объединенного «великим греческим языком» мира, который в своей раздробленности, «разности» сохраняет (заложенную изначально? приобретенную?) цель-

¹ Приведем для иллюстрации выборочный список названий. *Стихи*: «В Спарте», «Фермопиль», «В малоазийском деме», «В большой греческой колонии в 200 г. до н.э.», «В окрестностях Антиохии», «Мирис. Александрия 340 г.», «Перед Иерусалимом», «В царстве Осроене», «Юлиан в Никомидии», «Юлиан и антиохийцы», «Аполлоний Тианский на Родосе», «Пеласгийская картина», «Ионическое», «На италийском берегу», «В гавани», «На корабле», «Вторая Одиссея», «По пути из Греции», «На пути к Синопе», «Ночной путь Приама». *Проза*: метафорическая «Гора», «Конец истории Одиссея», «Ученые греки в римских домах», «Византийские поэты», «Отзыв о книге Политиса „Греки и Египет нового времени“», «Дневник первого путешествия Кавафиса в Грецию», «Корабли», «Ночь в Калиндери», «Кипрский вопрос»; см. особо пронизательный анализ самоназвания греков (эллыны / ромеи; Римская империя versus Греческая или Византийская).

² Ср. об Ахматовой: «*Ты поэт местного, царскосельского значения. Н.П.*».

ность и спаянность (в свое время это сочетание *одинакового* и *разного* было положено в основу балканской картины / модели мира). И в этом отношении Кавафис, как кажется, «приобретает» иной масштаб. В «Похвальном слове самому себе» он назван «поэтом сверхсовременным, поэтом будущих поколений», чья поэзия имеет «историческую, психологическую и философскую ценность» и принесет ему «первостепенное место в мире» — при условии, что мир «будет мыслить значительно больше». Хотелось бы надеяться, что предлагаемый здесь подход оправдан еще и потому, что, хотя бы отчасти, поддерживает эту уверенность великого поэта и — *pro domo nostra* — свидетельствует его вклад в *балканский тезаурус*.

ЛИТЕРАТУРА

- Цивьян 2017 — Цивьян Т. В. От балканского травелога к балканской лингвистике // Балканский тезаурус: Взгляд на Балканы извне и изнутри. Тезисы и материалы. Москва, 18–20 апреля 2017 г. / Макарец М. М. (отв. ред.), Седакова И. А., Цивьян Т. В. (ред.). Москва: Институт славяноведения РАН, 2017. С. 245–248. (Балканские чтения. 14.)

Ф. А. Елоева (Санкт-Петербург)

ГЕОРГИЙ ВИЗИИНОС (1849–1896)
и ГЕОРГИЙ ИОАННУ (1927–1985) –
ПУТИ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЧЕРЕЗ ОБРАЗ *ДРУГОГО*

«Специфика балканских традиций, их типологическая и отчасти генетическая близость позволяет, по словам Т. В. Цивьян, постулировать *балканский текст*», самостоятельную знаковую единицу, образованную на основе корпуса мифологических, фольклорных и литературных, словесных и несловесных текстов, принадлежащих всем членам балканского культурно-языкового пространства, Kulturraum Balkan (Цивьян 2008: 179). «Балканский континуум можно, видимо, уподобить некоторой коммунальной квартире, приютившей остатки аристократических “бывших”, где установлен некоторый новый (гибкий и жесткий одновременно) код общения, формирующий новую личность, еще не избавившуюся до конца от груза воспоминаний» (Цивьян 2008: 180).

Балканская ситуация стимулирует выработку различных стратегий самоидентификации, а также разные варианты реализации оппозиции *свой / чужой*.

В докладе будет рассмотрен особый вариант самоидентификации — не через противопоставление себя чужому, а через отождествление себя с чужим, путь к себе через признание, восхищение и сострадание чужому.

Этот специфический балканский путь к самоидентификации будет рассмотрен на материале повести Георгия Визииноса «Москов-Селим» и ряда рассказов Георгия Иоанну, в частности «Кровать» и «У Кемаля в доме».

Георгий Визиинос — один из самых значительных греческих писателей XIX века. Он родился в городке Визии в Восточной Фракии, его отцом был мелкий разносчик, умерший, когда мальчику было пять лет. Родственники посылают его на обучение к портному в Константино-

поль, далее его необыкновенные способности привлекают внимание меценатов, он получает теологическое образование, затем увлекается психологией, пишет в Германии диссертацию по психологии детских игр, затем занимается Плотиним и, наконец, становится писателем.

Его повесть «Москов-Селим», написанная за два года до того, как Визинос погрузился во мрак безумия (в 1892 г.) и умер (в 1896 г.), уже своим названием представляет оксюморон.

Герой рассказа — турок Селим — называет себя Селимом из Москвы и всячески демонстрирует невероятную привязанность и нежность по отношению к России. Это в высшей степени странно хотя бы потому, что Россия и Турция находятся к этому времени в состоянии войны уже примерно двести лет (ср. даты русско-турецких войн: 1676–1681, 1686–1700, 1710–1711, 1735–1739, 1768–1774, 1787–1792, 1806–1812, 1828–1829, 1853–1856 (Крымская война), 1877–1878).

Восточная Фракия, откуда происходил Визинос, была уголком Юго-Восточной Европы, где бок о бок жили греки, турки и болгары. Ситуация балканского полилога была ему знакома с детства.

В повести «Москов-Селим» автор показывает нам двойной путь самоидентификации: он восхищается способностью «свирепого воина» — турка — жертвенно и преданно любить другую культуру. Описание жизни Москов-Селима в передаче автора приобретает житийные интонации.

Гуманистические установки Визиноса нашли отражение в творчестве другого замечательного греческого писателя — Георгия Иоанну, родители которого также являлись переселенцами из Восточной Фракии с ее этническим и языковым многообразием (этот фракийский полилог представляется чрезвычайно значимым и, безусловно, многое определил в судьбе и творчестве обоих писателей). Юность Иоанну пришлось на трагический период греческой истории — страдания переселенцев (как мусульман, так и христиан), еврейский Холокост Салоник, свидетелем которого стал писатель, сделали мгновенно узнаваемой его интонацию экзистенциальной печали.

Тем не менее кажется, что (как мы уже писали ранее) единственным внешне драматическим событием в частной жизни зрелого Иоанну стала публично высказанная и резко негативная оценка его творчества одного из ведущих греческих литературоведов, признанного мэтра греческой словесности Димитрия Маронитиса. Критику Маронитиса Иоанну воспринял невероятно болезненно — на поверхности Маронитис упрекал его в провинциальности (по словам Иоанну, слово

επαρχειοτισμός ‘провинциальность’ повторялось в тексте Маронитиса сорок раз). На самом деле всем наблюдающим за этим литературным спором было очевидно, что в действительности Маронитис упрекал Иоанну в скрытом гомоэротизме его прозы. В истории греческой литературы есть пример драматичного и мужественного coming out великого Кавафиса, который публикует свою любовную лирику после нескольких лет молчания — и побеждает — в литературе и в жизни, обезоруживая читателя своим мужеством и искренностью. Можно предположить, что Маронитис на имплицитном уровне сопоставляет Кавафиса и Иоанну — не в пользу Иоанну. Иоанну невероятно болезненно воспринял критику Маронитиса, многие считают, что именно эта критика привела к его ранней смерти.

В сущности, это всё, однако при внешней незатейливости материала проза Иоанну оказывается предельно биографичной, причем Иоанну играет на метафизичности pop-fiction, в его прозе всё построено на обстоятельствах жизни автора, но контрапунктом его биографических и даже местами документальных текстов (он публикует свои дневники как приложение к повести) становится метафизический план, музыка сфер, и тексты Иоанну начинают звучать как сюрреалистическая поэзия.

Иоанну пользуется техникой противопоставления «свой — чужой», снимая это вечное противопоставление через описание своей дружбы с соседским еврейским мальчиком, погибшим в лагере. Описывая трагическую историю еврейской общины Салоник, через воспоминания детства и память Иоанну отождествляет себя с умершим мальчиком — он спит в его кровати, которую приносит в дом после гибели соседей и, как может предположить читатель, как бы продолжает жить за своего соседа, перерождаясь в него. Таким образом, через воспоминания, связанные с трагической историей соседского еврейского семейства, Иоанну фактически приходит к осознанию самого себя и своей идентичности. Заметим, что Иоанну был одним из немногих греческих писателей, с такой силой раскрывших тему Холокоста.

Рассказ «У Кемалья в доме» («Στου Κεμάλ το σπίτι») Иоанну с поразительной силой раскрывает тему исчезающей из жизни гармонии и красоты, которая неожиданным образом воплощается в облике одетой в траур старухи-турчанки. Раз в год она приходит посмотреть на дом, где прошла ее молодость, где под полом скрывается дивной красоты мозаика и где живет теперь семья автора после выселения мусульман.

Это возвращает нас к способности Визиноса увидеть в чужом родные черты, распознать некий незримый идеал.

Диалектика взаимопроникновения своего и чужого впервые позволяет Визиносу и Иоанну, уроженцам Восточной Фракии, приблизиться к истинной «сложной» реальности.

М. Г. Метляева (Лукьянчикова) (Кишинев),
А. А. Романова (Кишинев)

ПОЭМА М. ЭМИНЕСКУ «ЛУЧАФЭР»:
 АВТОРЕФЛЕКСИЯ НАД ОПЫТОМ ПЕРЕВОДА

Михай Эминеску (1850–1889) — основоположник современной румынской литературы, ведущая фигура румынского культурно-национального возрождения. Его наследие включает в себя поэзию, прозу, драматургию, публицистику, философские эссе, переводы.

Поэма «Лучафэр» — одна из вершин творчества Эминеску и румынской поэзии. Она ориентирована на европейские баллады, с одной стороны, и на румынский фольклор — с другой. В основе лежит известный сюжет — любовь бога к земной женщине. Влечение прекрасной девушки к лучафэру (рум. ‘утренняя/вечерняя звезда’, см. далее) и лучафэра к земной красавице взаимно. Но на его предложение покинуть бренный мир и соединиться с ним в вечности девушка отвечает отказом. Свой выбор она останавливает на земном юноше. Между лучафэром и верховным Богом разворачивается диалог о предназначении лучафэра и о невозможности для него человеческого счастья. В финале — сцены счастливой земной любви, на которые с небес смотрит лучафэр.

«Лучафэр» — одно из самых «излюбленных» исследователями произведений Эминеску: количество научных работ о нем превышает тысячу¹.

Мы рассматриваем этот текст в коммуникативном аспекте, предполагающем ситуацию перехода *чужого в свое*, т.е. *перевод*.

«Лучафэр» переведен на 78 языков. На русский язык его перевели: И. Миримский и Ю. Кожевников (Эминеску 1950), Д. Самойлов (Эминеску 1968), Г. Перов (Эминеску 1974), А. Бродский (Эминеску 1980), Ю. Кожевников (Эминеску 1981), М. Лупашко (Лупашко 2015). Еще несколько переводов циркулирует на просторах интернета, а по-

¹ Из последних работ: (Del Conte 2003, Costache 2009, Vanhese 2014).

следний по времени — наш (Metleeva 2018). Перевод любого поэтического текста представляет собой решение сложной задачи: с одной стороны, требуется точность перевода, сохранение максимальной смысловой, стилистической и ритмической / метрической близости к оригиналу, а с другой — идет поиск средств, делающих этот текст органично звучащим на новом языке. Эти задачи могут противоречить друг другу: так, ритм и рифма не всегда позволяют использовать лексические единицы, по смыслу более точно соответствующие источнику. Таким образом, перевод поэзии — постоянный поиск компромисса.

В настоящей статье мы остановимся на ряде проблем, возникающих перед переводчиками текста Эминеску и связанных с такой трудноопределимой категорией, как «балканскость».

LUCEAFĂR — ИМЯ СОБСТВЕННОЕ ИЛИ НАРИЦАТЕЛЬНОЕ?

Luceafăr (лучафэр) — это архаичное название утренней и вечерней звезды в румынской народной космологии. В поэме *лучафэр* пишется со строчной буквы и с определенным постпозитивным артиклем (*luceafărul*). Отметим, что и переводчики на европейские языки переводили название поэмы как «вечерняя звезда» (т.е. воспринимали его как имя нарицательное): нем. «Der Abendstern» (здесь и далее будем обращать внимание на использование определенного артикля); англ. «Evening Star»; фр. «L'astre du soir» или «Vesper»; исп. «El Lucero». Собственное же имя лучафэра-звезды — *Гиперион*¹; именно так к нему обращается верховный Бог.

В предыдущих пяти русских переводах слово «лучафэр» давалось с заглавной буквы, как имя собственное. Видимо, это связано с возникающими у переводчиков параллелями «Лучафэра» с другими литературными произведениями, где героем является Люцифер (Лучафэр, Люцифер < *lux + fero*), мятежный Ангел, восставший против Бога (Мильтон, «Потерянный рай»; Байрон, «Каин» и т.д.)². Следует отметить и зна-

¹ Гиперион (др.-гр. *Υπερίων* ‘очень высокий’) — один из титанов, сын Урана и Геи, муж своей сестры Тейи, отец Гелиоса, Эоса и Селены; также имя или прозвище солнечного бога Гелиоса. В мировой литературе XIX века сюжет Гипериона был достаточно популярен, ср. поэму Китса (1820), роман Гельдерлина (1799), эпистолярный роман Лонгфелло (1839).

² Вопрос о возможном знакомстве Эминеску с поэмой Лермонтова остается открытым: русского языка Эминеску не знал, а первый перевод «Демона» на ру-

чительное сюжетное сходство с лермонтовским «Демоном», где имя нарицательное становится собственным и пишется с заглавной буквы.

ПЕРВАЯ СТРОФА ПОЭМЫ

О важности *начала*, «первого слова» в литературном тексте, уже шла речь на Балканских чтениях 13 (Макарцев и др. 2015; см. также теоретическую статью Цивьян и др. 2016). *Lost in translation* — «трудности перевода» начались с первой строфы поэмы (в правой колонке приведен подстрочник):

<i>A fost odată ca-n povești,</i>	Было однажды как в сказке,
<i>A fost ca niciodată.</i>	Было как никогда,
<i>Din rude mari împărătești,</i>	Из великого царского рода
<i>O prea frumoasă fată.</i>	Слишком красивая девушка.

Приведем несколько вариантов перевода:

<u>Александр Бродский</u> :	<u>Юрий Кожевников</u> :
Как диво, <i>девушка</i> одна	Средь многочисленной родни
Из царственного рода...	<i>Царевна</i> расцвела...
<u>Григорий Перов</u> :	<u>Давид Самойлов</u> :
Жила-была, как не была,	Жила, наследница царей,
<i>Красавица-царевна</i> ...	<i>Красавица девица</i> .

Наш перевод:

Жила в преданиях веков,
 Что сказкой лишь приснится,
 В одном из царственных родов
 Прекрасная юница.

Вместо нейтрального «девушка» (*fată*) мы использовали архаичное юница. Архаизация, как представляется, соответствует зачину поэмы:

мынский, выполненный И. Р. Рэдулеску, появился в 1907 г. Однако ко времени издания «Лучафэра» (1883 г.) уже существовали переводы поэмы Лермонтова на другие языки, которыми Эминеску владел: в 1866 г. вышел перевод на французский язык, а в 1875 — на английский. Румынский исследователь Елена Логиновская в статье «От Демона к Лучафэру» пишет о том, что «нет ни одного ни категорического подтверждения, ни опровержения» знакомства Эминеску с лермонтовским «Демоном» (Loghinovscki 2000: 257).

A fost odată ca-n povești, a fost ca niciodată («было когда-то как в сказке, было как никогда (не было)» — стандартная формула зачина румынских сказок¹).

В одном из царственных родов (*din rude mari împărătești*). У Эминеску нигде не говорится, что героиня является дочерью императора, короля или дочерью царя — царевной. Она высокого происхождения, но не принцесса². В своем переводе мы убрали упоминание об ее особом статусе.

БОЖЕСТВЕННОЕ/ЗЕМНОЕ В ПОЭМЕ

Эта оппозиция воплощается в тексте не единожды. Во-первых, в образах лучафэра и его возлюбленной. Здесь важно, что они олицетворяют не только божественное и земное, но и живое и мертвое (*тепло и холод*)³. Девушка говорит:

(дословно:) (наш перевод:)

Eu sunt vie, tu ești mort, Я живая, ты мертвый, Ведь я жива, а ты, как смерть,
Și ochiul tău mă-ngheață Твой взор меня леденит Мне леденишь сознание⁴.

Другое воплощение оппозиции *небесного/земного* — героиня и ее земной избранник. Они носят парные имена Кэтэлина (*Cătălina*) и Кэтэлин (*Cătălin*)⁵. В этой паре уже Кэтэлина олицетворяет собой *небесное*. Земная, яркая, бросающаяся в глаза красота юноши (*cu obrăjei ca doi bujori de rumeni*, досл: «с личиком румяным, как пион», наш перевод: «Румян, пригож, слов не найти,/ Не отрок, а картина») контрастирует с *небесной* красотой Кэтэлины (*Cum e Fecioara între sfinți / Și luna între*

¹ Ср. типичные зачины румынских народных сказок: *A fost odată ca niciodată, că de n-ar fi* («Было когда-то как никогда, как будто и не было»), *A fost odată ca niciodată. A fost un împărat* («Было когда-то как никогда. Был один царь»).

² Заметим, что для романтической баллады вопрос социального статуса главной героини не слишком релевантен. Важнее то, что она — *особая* (*prea frumoasă, mândra din toate cele*).

³ Ср. балканский вариант «Леноры»: «Приход мертвого брата».

⁴ И далее, в продолжение этого мотива: «Меня в бессмертье не зови./ А стань, как я, мой милый»; ср. смещение смыслового акцента в сторону оппозиции *свой / чужой* в переводе Адель Василюй (перевод не издан, доступен только в интернете): «Ты — видно по всему — чужой./ Сияешь мертвым светом./ Из взор твой, будто бы живой./ Так леденит при этом!».

⁵ Парные имена героев не характерны ни для европейских баллад, ни для румынского фольклора.

stele), что мы и старались подчеркнуть в переводе: «Она, как Дева меж святых, / Луна меж звёзд, сияла»).

ОТКУДА ПОЯВЛЯЕТСЯ ЛУЧАФЭР?

Третья строфа также вызывала полемику среди переводчиков:

(дословно:)

<i>Din umbra falnicelor bolți</i>	Из тени величественных сводов
<i>Ea pasul și-l îndreaptă</i>	Она направляет свой шаг
<i>Lângă fereastra, unde n-colț</i>	К окну, где на краю (?)
<i>Luceafărul așteaptă.</i>	Ждет лучафэр.

Перевод 3-й и 4-й строки:

Кожевников-Миримский: *Она у темного окна / Лучафэра встречала;*

Самойлов: *Она Лучафэра восход / Ждала в оконной нише;*

Перов: *К окну, где ночи напролет / Лучафэр ожидает;*

Бродский: *К холодной прорези окна / Лучафэру навстречу;*

Кожевников: *Ей хочется увидеть, как / Лучафэрул восходит.*

Наш перевод:

Туда, где смотрит вглубь окна

Лучафэр с круч¹ утесных.

Здесь значима оппозиция *верх / низ*: именно лучафэр поджидает Кэ-тэлину (в переводах так только в версии Перова), а не она его: в этом случае было бы *pe luceafărul așteaptă*. Инициатор — лучафэр, и его падение с небес — не наказание (ср. свержение Сатаны в ад, в *нижний мир*), а добровольная жертва, отказ от *божественного* ради *земного*. Эминеску переосмысляет общеевропейский сюжет и придает поэме *балканское* звучание (мотив жертвы, ср. «Миорицу» (миоритическая свадьба, Элиаде), «Легенду о Мастере Маноле» — строительная жертва).

В работе над переводом нашим принципом было бережное обращение с метрикой, смыслом и эстетикой поэмы Эминеску, стремление сохранить художественное послание поэмы — при всех смысловых сме-

¹ Рум. *colț* означает 'угол', 'край', 'окраин'а, 'часть', 'кусочек', 'зуб (резец)', 'росток, побег', 'скала', 'горный хребет', 'вершина, пик'; 'вершина горы'. Мы остановились на значении 'вершина, пик', акцентируя *высоту* полета лучафэра.

щениях, неизбежных при трансформации *чужого* текста в *свой*. Наш перевод, не претендуя на абсолютную оригинальность, ставит целью грамматическую верность источнику и усиливает мифологические мотивы, связанные с балканской традицией.

ЛИТЕРАТУРА

- Costache 2009 — *Costache L.* Mihai Eminescu. Eseuri deschise. Chipul de aer și chipul de lut. Pitești: TIPARG, 2009.
- Del Conte 2003 — *Del Conte R.* Eminescu sau despre absolut. Clul-Napoca: Dacia, 2003.
- Loghinovski 2000 — *Loghinovski E.* Eminescu universal. Spațiul culturii ruse. București: Vinea, 2000.
- Metleaeva 2018 — *Metleaeva M.* De la stereotip la originalitatea traducerii. Poe-mul „Lucafărul” de Mihai Eminescu în spațiul rusolingv / От стереотипа к оригинальности перевода. Поэма Михая Эминеску «Лучафэр» в русском пространстве. Monografie bilingvă. Târgoviște: Bibliotheca, 2018.
- Vanhese 2014 — *Vanhese G.* „Lucafărul” de Mihai Eminescu. Portretul unei zeități întunecate. Iași: Timpul, 2014.
- Лупашко 2015 — *Лупашко М.* Загадка Эминеску. Кишинев: Tipografie-3, 2015.
- Макарцев и др. 2015 — Балканский тезаурус: Начало. Тезисы и материалы. Москва, 7–9 апреля 2015 г. / Макарцев М. М., Седакова И. А., Цивьян Т. В. (ред.). Москва: Институт славяноведения РАН; Принт Про, 2015. (Балканские чтения. 13.)
- Цивьян и др. 2016 — *Цивьян Т. В., Седакова И. А., Макарцев М. М.* «Балканский тезаурус»: начало и начала // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология, 1 (2016). С. 98–116.
- Эминеску 1950 — *Эминеску М.* Стихи / Пер. Ю. Кожевникова и И. Миримского. М.: Гослитиздат, 1950.
- Эминеску 1968 — *Эминеску М.* Лирика / Пер. Д. Самойлова. Москва: Художественная литература, 1968.
- Эминеску 1980 — *Эминеску М.* Избранное / Пер. А. Бродского. Кишинев: Литература артистикэ, 1980.
- Эминеску 1981 — *Эминеску М.* Лучафэр / Пер. Ю. Кожевникова // Вершины. Страницы молдавской классической поэзии. Кишинев: Литература артистикэ, 1981. С. 106–116.

Ε. Α. Σαρτορι (Афины)

ΤΑΝΟΣ ΒΕΛΛΟΥΔΙΟΣ:
ΦΑΝΤΑΖΙΟΜΕΤΡΙΑ ΚΑΚ ΠΡΟΕΚΤ ΧΥΔΟЖΝΙΚΑ-ΕΤΝΟΓΡΑΦΑ

Проецируя подход Вальтера Беньямина к отношениям художник — рабочий класс, изложенный им в выступлении «Автор как производитель»¹, на отношения художник — культурный «другой» в искусстве второй половины XX века, Хэл Фостер отметил, что нередко художники выступают в роли квазиантропологов (Foster 1995: 302). Они работают не во имя решения социальных и экономических проблем общества в целом, к чему призывал Беньямин, а используют поле другой, чужой, культуры, с той или иной степенью выраженности метода «включенного наблюдения», то есть изучения «изнутри». Название этого эссе, «Художник как этнограф?», мы использовали в заголовке статьи, чтобы обозначить интересующий нас аспект жизни и творчества Таноса Веллудиоса, где переплелись различные социальные роли и разные роды деятельности, связанные, в том числе, с искусством и изучением народной культуры.

В 1983 году в автобиографическом тексте «Curriculum vitae — Βιογραφικό σημείωμα» (Βελλούδιος 1983: 180) Веллудиос представляется следующим образом: «Velloydios-Murray, Thanos Alexander Dimitri / Βελλούδιος-Μούρραης, Θάνος-Αλέξανδρος Δημήτρη, αεροπόρος, λαογράφος, συνθέτης, ελληνοδίφης». Уже с начала этого текста-самопрезентации в самом имени автора очевидна реализация идеи «сдвига», центрального для новаторской поэтики приема деформации, контраста и нарушения нормы. Так, *Βελλούδιος* — результат оригинальной транслитерации, поскольку обычно греческий диграф *ov* передается латинскими буквами *oi*.

Шотландской фамилией *Murray* (Муррей) Веллудиос был обязан своему предку — филэллину из Шотландии, участвовавшему в войне за независимость Греции, дочь которого стала бабушкой Луизы Муррай

¹ Институт изучения фашизма в Париже, апрель 1934 года.

(женский род греческой фамилии *Μούρραης* — *Мурраис*, образованной от *Murray*), супруги профессора археологии Атанасиоса Русопулоса (1823–1898), деда Веллудиоса по отцовской линии. Третий сын А. Русопулоса, Димитриос Мурраис Веллудиос, был математиком и имел двух детей — Марику (1894–1989) и Таноса-Александроса (1895–1992, отметим также, что *Τανος* — краткая форма имени *Αθανασιος*). Дети рано потеряли мать, в 1898 году, и после смерти отца, в 1916 году, были переданы на попечение родственников. Марика и Танос получили образование в Швейцарии и Германии. По возвращении на родину Марика стала одним из первых греческих экскурсоводов, а Танос, возвращаясь к приведенному выше резюме, — авиатором (он использует немного устаревшую для конца XX века лексему *αεροπόρος*, по структуре аналогичную лексеме *воздухоплаватель* в русском языке), фольклористом, композитором и эллинистом (здесь вместо привычного *ελληνιστής* употребляется лексема *ελληνοδίφης*, образованная по тому же принципу, что и *φυσιοδίφης* ‘естествовед’). При этом текст, на который мы ссылаемся, был опубликован в книге «Грекоцентрическое фантазиометрическое искусство» (1983 г.), и в наше время Веллудиоса чаще вспоминают как художника.

Фантазиометрия — это новое, по его утверждению, направление в искусстве. Как и полагается художнику-авангардисту, Веллудиос сам описывал теоретические и практические основы своего изобретения. В его идеях оригинальным образом проявляются оппозиции *внешнего* и *внутреннего*, *своего* и *чужого*, *близкого* и *далекого*, *современного* и *архаического* и даже *пространственного* и *временного*. Он утверждал, что художник должен исследовать и подмечать внутреннюю суть одушевленных и неодушевленных предметов, явлений и идей. При создании художественных произведений должны соблюдаться его (создания) историческая развернутость и пророческая перспектива. «Фантазиометр» должен иметь внутреннюю связь с геометрией в духе надписи над входом в платоновскую Академию: «Негеометр — да не войдет». Поскольку Академия была расположена в священной роще в Аттике, подобной Элизию, «этим... “меридианом”, или же “географической параллелью”, и особенно этим духовно-душевному “греческим” полем, фантазиометр должен покрывать свои мысли, свое существо, свои повседневные поступки и переживания в самых сильных позициях внутри бескрайних пределов пространства посреди времени и промежутка, по ту сторону Добра и Зла и по ту сторону ограниченной временной

длительности своей нынешней человеческой жизни». «Фантазиометр» должен с искренностью и хорошим вкусом по отношению к себе самому и к другим людям согласовывать свой внутренний мир со внешней средой. Через этот тезис оригинальным образом Веллудиос переходит к теме национальной идентичности: следуя этому правилу, художник скоро обнаруживает свои корни и традиции того «народа» («Λαός»), к которому он принадлежит. Он осознает, что сам становится «сверхнационалистом в чисто культурном смысле этого понятия» («Υπερθνικιστής»), и незамедлительно вводит в действие свои соответствующие душевно-духовные способности, чтобы перейти в «великую, вечную, сияющую, трансземную безграничную Грецию» и встретить там тех, кто пережил то же «Духовно-душевное Освобождение и Восхищение» (Βελλούδιος 2015: 4).

Понятие «греческое» приобретает здесь физические (пространство, цвет, время), этические и эстетические свойства. Если следовать по этому пути, согласно Веллудиосу, то должны решиться проблемы человечества, существующие не только в окружающей его среде, но и вообще в природе и даже в отношениях индивида и всего мира в целом. Все жители Земли постепенно станут подлинными образцами «гуманизированного человечества» и «греков». Таким образом, «грек», по Веллудиосу, — нечто большее, чем этноним.

В его художественной практике также причудливо воплощается соединение творческого начала и актуализации проблем современности — в духе дадаизма, с которым Веллудиос познакомился в Швейцарии в годы расцвета этого движения. Тристан Тцара был для него безусловным авторитетом, но при этом Веллудиос, играя со словами, называл себя представителем направления «дагада», а не «дада». Изобретенный им новый вид искусства, согласно авторскому описанию, представлял собой создание исключительно гуманистических и «грекоцентрических» по духу объектов из бесполезных вещей, «из земли, воздуха, вдохновения и страсти». Новизна состояла как раз в «грекоцентричности», то есть в использовании материалов, которые можно легко найти под рукой, — будь то морские звезды, ракушки, коряги или проволока, лампы и пр. Так все эти «бесполезные» вещи, в изобилии присутствующие в современной жизни, получали новую жизнь.

Другая ипостась Веллудиоса — герой войны. В историю вооруженных сил Греции Веллудиос вошел как один из первых пилотов. В годы Первой мировой войны, управляя одномоторным самолетом воздуш-

ных сил ВМФ Греции, он руками сбрасывал бомбы на турецкие позиции. Самый известный его подвиг — водружение греческого флага над турецким военным училищем (или военной базой, согласно другим источникам) неподалеку от Бурсы 25 июня 1920 года. На самолете типа «Блерио» он приземлился рядом с воротами училища, не заглушая двигателя, выбрался из кабины, спустил турецкий флаг и поднял греческий. Затем, на глазах у изумленных турецких военных, взлетел и благополучно добрался до своей базы. Турецкие солдаты начали стрелять по удаляющемуся греческому самолету, и свидетельство этих событий — фрагмент поврежденного турецким снарядом винта — хранится в греческом Национальном историческом музее.

Важной страницей биографии Веллудиоса стало участие в организации Дельфийских празднеств в 1927 году. Это была серия художественных мероприятий, проект поэта Ангелоса Сикелианоса и его супруги Евы Палмер, в основе которого лежала концепция возрождения античных идей о гармонии тела и духа. Веллудиос отвечал за танцевальную часть программы и научил эвзонов королевской гвардии движениям древнегреческого военного танца «пиррихий», которые он восстановил, исследуя изображения на античных вазах и монетах. Этот танец он связывал с греческим народным танцем *зейбекико*, этимологию названия которого он объяснял сложением слов *Ζεύς* (*Зевс*) и *πτερός* ('хлеб' на фригийском, и это, по мнению Веллудиоса, тот же корень, что и в немецком *backen* или английском *baker*).

Изучение греческого народного танца вписывается во вторую из указанных Веллудиосом в резюме компетенций — фольклорист. Он много путешествовал по Греции и изучал народные обряды и мифологию. В современной традиционной культуре он искал следы древнегреческих верований. При этом он руководствовался, скорее, не научной методологией, а любопытством художника. К примеру, ему принадлежит книга о мифологических существах «каликандзарах» («*Αερικά — ζωτικά και καλικάντζαροι*») — издание больше художественное, чем научное. Таким образом, помимо собранных материалов результатом этих этнографических исследований были его «фантазиометрические» работы.

В заключение добавим еще несколько штрихов к портрету этой многосторонней личности. Известно, что он писал музыку. Его единственное сохранившееся в записи музыкальное сочинение — фортепьянная сюита «Средиземноморский концерт: По ту сторону Добра и Зла». Вел-

лудиос моделировал одежду и сам носил свои оригинальные костюмы. Он говорил и писал на архаизирующем языке, создавая на нем же неологизмы. Владел пятью иностранными языками и иногда спонтанно переходил на них в речи. Был близким другом знаменитого художника Янниса Царухиса, но сам своих работ практически не продавал, не выставлял и даже не называл себя художником. В изданном в 1963 году в Нью-Йорке сборнике «Эрос. Антология мужской дружбы» Веллудиос упоминается как «капитан Тео Грекос». В одной из глав описывается его дом: на стене висел самолетный пропеллер, на нем — два архаических шлема и соломенная шляпа якобы сына британского посла. Другую стену украшали коллекция греческих карнавальных масок, картина художника-самоучки времен греческого восстания Панайотиса Зографоса, фотография хозяина дома в восьмилетнем возрасте в костюме моряка и витрина с медалями и орденами на красном бархате. Повсюду лежала пыль и пахло чем-то кисло-сладким, сообщает автор текста (Βελλούδιος 2018: 17).

Веллудиос был человеком-легендой, однако официальное признание при жизни он получил, главным образом, как военный. Представители его поколения в искусстве и литературе видели одну из своих основных задач в выражении национальной идентичности. Однако «греческость» Веллудиоса не похожа на ту, что мы обнаруживаем в творчестве в известных авторов XX века. Возможно, это объясняется ее дадаистскими корнями и тем, что она могла быть «маской» чего-то другого, более общего.

ЛИТЕРАТУРА

- Foster 1995 — *Foster H.* The Artist as Ethnographer? // *The Traffic in Culture: Re-figuring Art and Anthropology.* Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press. P. 302–309.
- Βελλούδιος 1983 — *Βελλούδιος Θ.* Ελληνοκεντρική φαντασιομετρική τέχνη για προχωρημένους. Αθήνα: Νεφέλη, 1983.
- Βελλούδιος 2015 — *Βελλούδιος Θ.* Τι είναι η φαντασιομετρία // *Ο Φαρφουλάς,* 2015, 18. Σ. 4–5.
- Βελλούδιος 2018 — *Βελλούδιος Θ.* Άπαντα τα ευρισκόμενα στο συρτάρι μας. Αθήνα: Οδός Πανός, 2018.

Т. Ф. Теперик (Москва)

КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО
И ОНЕЙРИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В ФИЛЬМЕ Т. АНГЕЛОПУЛОСА
«ВЗГЛЯД ОДИССЕЯ» (1995)

Фильм греческого режиссера Тео Ангелопулоса «Взгляд Одиссея», как правило, не рассматривается в контексте рецепции античности, как например, фильмы о трехстах спартанцах (Теперик 2010), или другой фильм Ангелопулоса — «Александр Великий» (Чиглинцев 2009: 254). Обращение к античному материалу во «Взгляде Одиссея» скрытое, латентное, аллюзии и аналогии с судьбой гомеровского Одиссея понятны либо знатокам, либо хорошо помнящим содержание поэмы Гомера. Женских персонажей, которых в фильме не случайно играет одна и та же актриса, еще можно условно соотнести с Калипсо или Пенелопой, Навскикаей или Киркой, но остальные сопоставления не столь очевидны, очевиден лишь главный мотив, сближающий героя фильма, режиссера А. (его играет Харви Кейтель) с гомеровским Одиссеем. Это мотив путешествия, пусть оно проходит не по тем местам, где плывал Одиссей¹, но и в эпосе, и в фильме оно продолжается и приходит к своему завершению только благодаря упорству главного героя. Режиссер А. предпринимает свое странствие в поисках пленок пионеров кинематографа, братьев Манакисов, снявших в начале XX века первый балканский кинофильм. В 1994 году эти поиски неизбежно проходят по местам, затронутым войной, что делает предприятие не менее опасным, чем путешествие Одиссея, хотя в пути ему, как и гомеровскому герою, помогают неожиданные помощники. В отличие от наполненной светом и солнцем поэмы Гомера, в фильме Ангелопулоса солнца мало, пасмурность, призрачность, теневое освещение — основные составляющие светового кода фильма, заставляющие думать, что действие временами

---

¹ Начинаясь в Греции, оно проходит через Албанию, Македонию, Болгарию, Румынию, Сербию и Боснию.

происходит не в реальности, а в воображении героя, например, когда он попадает в прошлое. Не случайно тема прошлого и памяти у киноведов рассматривается как одна из важнейших в творчестве Ангелопулоса (Самутина 2016).

По мнению известного киноаналитика Кристиана Метца (2010: 225), фильм и сновидение «работают» одинаково благодаря наличию ассоциативного ряда. Провалы в прошлое сюжетно обусловлены ассоциациями, воспоминаниями и снами, расширяющими онейрическую реальность (Головина 2013: 54) фильма. Не случайно в фильме так часто упоминаются сны: и в начале, когда главный герой говорит другу, что во сне видел любимую женщину, и в Белграде, когда друг говорит ему: «Мы заснули в одном мире, а проснулись в другом», и в Сараево, когда режиссер говорит хранителю киноархива: «Было время, когда я думал, что все происходящее — только сон». Этот наплыв онейризма делает событийный ряд иллюзорным, поскольку не сразу понятно, где заканчивается одна реальность и начинается другая. Но, несмотря на эту иллюзорность, есть аспект, вселяющий надежду, — это аспект коммуникаций, как вербальных, так и невербальных: персонажи отлично понимают друг друга, хотя временами говорят на разных языках: греческом или английском, сербском или болгарском, и т.д. Балканская общность, актуализированная угрозой войны, обостряет это восприятие *другого*, неизменной чертой которого становится готовность помочь, обостренная близостью смерти. Как и у гомеровских героев, которых ощущение близости смерти не лишало способности действовать во благо не только себе, но и другим (Ярхо 2001: 283), у персонажей фильма помощь распространяется и на тех, с кем они, возможно, встречаются в первый и последний раз. Это помощь, которую оказывают режиссеру А. греческий шофер, женщина в Скопье, хранитель киноархива в Сараево; но и его помощь пожилой гречанке на греческо-албанской границе, и т.д.: в коммуникациях этих людей присутствует теплота, подтверждаемая тактильным контактом. Поэтому, несмотря на трагичность сюжета, финал которого не совпадает с поэмой Гомера, так как режиссер в итоге теряет дорогих ему людей, именно в этом аспекте — человеческих коммуникаций, в том числе и невербальных, состоит жизнеутверждающий смысл фильма, усиливая трагический катарсис финальных кадров.

Жуковский в свое время писал, что чудеса земли Гомер видел во сне (Жуковский 2000: 283); режиссер А. говорит, что происходящее с ним он видит как бы во сне, но в отличие от онейротопы (Теперик 2007: 15),

где границы между сновидением и бодрствованием четкие, в онейрической реальности, смысловой доминанте фильма, эти границы размыты. Герой на вокзале в Бухаресте видит солдат в форме Второй мировой войны, но это может быть воспоминанием, как в эпизоде на болгарской границе, где показана встреча с прошлым времен Первой мировой войны. Его встречает мать, обращающаяся с ним как с ребенком, — это тоже может быть воспоминанием, тем более что дальше онейрический сюжет развивается на улицах Констанцы, куда они с матерью приезжают из Бухареста, а заканчивается в доме деда, самом радостном месте фильма. Большая греческая семья встречает Новый, 1945 год, все тепло приветствуют сына с матерью, омрачает радостную встречу лишь отсутствие Спино, отца мальчика, который, как ясно из чьих-то слов, еще в Маутхаузене. Но вскоре и Спино появляется, все радостно поют «Χρόνια πολλά», затем показана встреча Нового, 48-го, года (затем — 50-го), но и это может быть воспоминанием, интенсифицированным, ярким, но воспоминанием, грезой, мечтой о прекрасном времени общности семьи и детства, переживаемым как реальность. Однако еще до обнаружения границы между сном и бодрствованием, когда будет показано утро А. в гостинице, станет понятно, что все-таки это сон. Это ясно из невербальных коммуникаций, из жестов персонажей при аресте родственника мальчика¹. В реальности (а ясно, что арест имел место в действительности), те, кто пришли арестовать, должны были хоть что-то да сказать. Однако в сновидении они молчат, а двое из пришедших, люди в штатском, пытаются танцевать, как и празднующая Новый год семья, но по их фальшивым движениям и отсутствию эмоций видно, что танец этот — не такой, как у остальных. Один из родственников тоже покорно движется в этом псевдотанце вместе с теми, кто его уводит, хотя только что с женой танцевал совершенно иначе. Тот факт, что в дом пришли безликие люди в штатском, не пытавшиеся ни с кем установить вербального контакта, увели одного из членов семьи, и никто не оказал сопротивления, объясняется просто — они пришли от имени Власти. «Игнорируйте их, продолжаем танцевать», — говорит Спино при следующем появлении других ее представителей, на этот раз — членов народного конфискационного комитета, которые, так же, ни слова

---

¹ Кино изначально было искусством, пользующимся языком жестов, но в звуковом кино с появлением словесного текста значение жестов уменьшилось (Эйхенбаум 2001: 23), сохранившись в большей степени лишь в одном типе текста — онейрическом.

не говоря, уносят из этого дома вещи, семейную собственность, пианино, из которого только что звучала музыка в аккомпанемент танцу и пению, кресло, стулья и, что интересно, — стоящую на пианино вазу с цветами. В реальности вазу вряд ли конфисковали *вместе с цветами*, но в сновидении, герой которого — мальчик, возникший потом на семейной фотографии, — это происходит именно так. За кадром служанке было сказано, откуда эти люди (иначе как бы она узнала, что это за комитет). Но в кадре они, как и те, первые, при аресте, придя в общительную греческую семью, не произносят ни слова, и это проводит незримую границу между мирами — миром теплых семейных человеческих отношений и государственной машиной подавления, из-за которой большая греческая семья, как и другие греки, армяне и евреи Констанцы, в итоге уедет из страны. В сознании мальчика машина подавления запечатлена как бессловесная, они могут, конечно, подделываться под людей, изображая их танцы. Но в чем-то они уже не люди.

Когда режиссер в конце пути попадает в разрушенное войной Сараево и встречается там с мальчиком такого же возраста, уже испытавшим тяготы войны, научившимся добывать еду и воду среди развалин, то остается надежда, что этот мальчик не погиб, в отличие от хранителя сараевского архива и его дочери. Ведь запустило эту машину войны распространившееся много лет назад презрение к человеческой жизни, так ярко представленное в коммуникативном аспекте сновидения о событиях в Констанце.

Тот факт, что в онейрическом пространстве сна сочетается вербальная и невербальная коммуникации, связан с художественной задачей автора фильма — показать как позитивный, так и негативный опыт детства героя. Но сам мотив сна, как и другие мотивы, прежде всего мотив путешествия, восходит к Гомеру. Тем самым картина Ангелопулоса тоже вариант рецепции античности, пусть и не совсем привычный для киноискусства, где, как правило, преобладают либо экранизации, либо вольные сюжеты на античную тему. В фильме Тео Ангелопулоса далекое гомеровское прошлое, актуализировавшись в мотивах и аллюзиях, обеспечило такой взгляд на настоящее, который приблизил нас к нему. Не случайно картина так и называется — «Взгляд Одиссея».

ЛИТЕРАТУРА

- Головина 2013 — *Головина О. Ю.* Онейрический хронотоп в романе А. Мейчена «Холм грез» // Вестник РУДН, серия «Литературоведение. Журналистика». 2013. № 2. С. 52–58
- Жуковский 2000 — *Жуковский В. А.* Гомерова Одиссея // Гомер. Одиссея / Перевод В. А. Жуковского. М.: Наука, 2000. (Литературные памятники.) С. 282–284.
- Метц 2010 — *Метц К.* Воображаемое означающее. Психоанализ и кино. СПб.: Издательство Европейского университета, 2010.
- Самутина 2004 — *Самутина Н. В.* Тео Ангелопулос: прошлое, память, истоки // Киноведческие записки. 2004. № 66. С. 2–28.
- Теперик 2010 — *Теперик Т. Ф.* Античные войны в кинематографическом дискурсе: стилистика и поэтика // Литература XX века: итоги и перспективы изучения. М.: Материалы VIII Андреевских чтений. М.: Экон-информ, 2010. С. 29–33.
- Теперик 2007 — *Теперик Т. Ф.* О поэтике литературных сновидений // Русская словесность. 2007. № 3. С. 12–17.
- Чиглинцев 2009 — *Чиглинцев Е. Г.* Рецепция античности в культуре конца XIX начала XXI вв. Казань: КГУ, 2009.
- Эйхенбаум 2001 — *Эйхенбаум Б.* Проблемы киностилистики // Поэтика кино: перечитывая «Поэтику кино». СПб.: Министерство культуры Российской Федерации, 2001. С. 13–38.
- Ярхо 2001 — *Ярхо В. Н.* Человек в эпосе // Ярхо В. Н. Древнегреческая литература. Эпос. Ранняя лирика. М.: Лабиринт, 2001. С. 37–40.

И. А. Седакова (Москва)

БАЛКАНИСТИКА И КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА*

Балканистические лингвистические исследования, оформившиеся в самостоятельную дисциплину относительно недавно, в конце XIX — первой половине XX века, рассматриваются в докладе в свете коммуникативных стратегий, которые предполагают дискуссию исследователей (*теория*) и общение с носителями традиции, балканцами (*эмпирия, практика*). Любое научное исследование — это коммуникация (в том числе автокоммуникация), но балканистика, возникшая, строго говоря, из эмпирических наблюдений, — особенно. Изучение би- и полилингвизма, характерного для определенных исторических периодов в Балканских странах (Николова 2006) и сохранившегося до наших дней, а также других типов языкового взаимодействия в культурно-сложных обществах стимулирует развитие балканистической *теории* и привлекает внимание новых исследователей.

Коммуникативные процессы на Балканах (*практика*) и в описании Балкан (*теория*) очень разнородны, о чем будет говориться подробнее. За ограниченностью места приведем один пример актуальной научной коммуникации, переходящей в политическую. Балканский языковой союз (БЯС) объединяет языки, контакты которых обусловлены не только географическим соседством, но и историческими и политическими процессами. В частности, изменение государственных границ в результате мирных договоров приводило к переходам ряда областей «из одной страны в другую» (юго-западные регионы Болгарии, Добруджа и др.). Язык населения, проживающего в приграничных районах, попадает под влияние национальной идеологии и государственной полити-

---

* Статья написана в рамках проекта «Язык и культура в полиэтничных и поликультурных сообществах Юго-Восточной Европы XXI века: междисциплинарное исследование» (Программа фундаментальных исследований Президиума РАН «Культурно-сложные сообщества: понимание и управление»).

ки «новой» страны. Научные и вненаучные споры (последнее — особый тип коммуникации, нередко агрессивный и далеко отходящий от дискуссии) вокруг названий диалектов и языков Балкан ведутся не одно десятилетие¹. Особую остроту (в том числе и в политическом аспекте) приобретает определение статуса островных диалектов у диаспор на территории балканских земель.

В связи с развитием балканистики как науки и с изучением балканской эмпирии важным представляется исследовать «путь балканиста-филолога»² — нередко это выход из узкой специализации в более широкую, балканистическую. Подобное расширение интересов — обращение к сопоставительным исследованиям — для балканистики закономерно. При изучении одного языка БЯС студентам обычно сообщается о балканских чертах, в нем представленных (*теория*); в полевой работе исследователь оказывается в ситуации би- и полилингвизма (*практика*); анализ грамматики и лексики также выводит на общебалканский контекст (*теория* и *практика*). Это отличает балканистику, например, от славистики, где для многих областей исследования общеславянский фон не требуется.

Для того чтобы составить более ясное представление о том, чем объясняется обращение студента / ученого к общебалканскому контексту, мы провели небольшое пилотное анкетирование. Коллеги из разных стран сообщили о том, как и почему они пришли к проблематике БЯС³. Почти все лингвисты начинали с изучения одного языка и потом сталкивались с необходимостью обратиться к другим, соседним, языкам⁴. Чаще всего это происходило с болгаристами и македонистами, которые обращали внимание на особенности грамматического устройства балканославянских языков и диалектов (например, торлакского в сербском)

¹ См. здесь тему южнославянских диалектов в проекции на национальный язык (А. Н. Соболев и другие).

² Такой путь характерен не для всех гуманитариев. Специалисты по истории одной страны (Болгарии, Сербии, Греции, Албании) по определению являются «балканистами» в силу устоявшихся представлений о собственно балканских процессах, войнах и пр.

³ Благодарю коллег У. Дукову, М. М. Макарецца, А. А. Новика, М. Номати, А. Н. Соболева, В. Фридмана, Т. В. Цивьян, откликнувшихся на мою просьбу рассказать о своем пути в балканистику.

⁴ Многие современные балканисты учились в университетах на отделениях славянской филологии. Специальность «балканистика» появилась в ВУЗах во второй половине XX в. и преподается лишь в нескольких университетах мира.

на общеславянском фоне и понимали необходимость изучения других балканских языков. Для некоторых исследователей основанием для изучения ряда балканских языков стало наличие в них общебалканских турцизмов: турецкий язык хотя и не имел статуса *lingua franca* на Балканах, но оставил яркий отпечаток в языках БЯС. Турецкие компоненты языка воспринимаются и «изнутри», и «извне» как «балканское», например, в южнославянских языках¹, а сам турецкий язык считается одним из «ферментов» балканского союза². Таким образом, общий фонд лексических и грамматических элементов зачастую оказывается императивом для перехода от одной балканской традиции в более широкую, «балканскую». Обращение к балканистике вызвано и рядом экстралингвистических факторов, например — доступностью изучения болгарского и македонского языков в годы социализма (в частности, наличием летних школ, принимавших студентов из всех стран мира), модой на культурные факты Балкан, танцы и музыку (по сообщению В. Фридмана), сопоставлением с лингвокультурной ситуацией в родной стране (М. Номати).

Балканистика предполагает и еще одно расширение — от чистой лингвистики к этнолингвистике, лингвокультурологии и семиотике, к изучению *балканской модели мира*. Здесь уже видим иной тип коммуникации — она происходит на уровне разных дисциплин, поскольку балканистика включает в себя изучение широкого спектра фактов — конфессиональных, культурных, этнографических, фольклорных и пр. (Цивьян 2016).

И здесь очень важна роль учителя, а особенно научного руководителя, определяющего тему диссертационного исследования³. Почти все балканисты говорят о том, что к изучению балканской типологии и модели мира их привели старшие коллеги (В. Н. Топоров, В. Георгиев, А. В. Десницкая, С. В. Зайцева, Б. Попов, П. А. Дмитриев и др.). Отме-

¹ Так, по сообщению немецко-болгарской балканистки Уте Дуковой, турецкие словесные формулы в речи старшего поколения болгар (ее свекрови) всегда были для нее именно балканизмом (устное сообщение).

² Благодарю болгарского коллегу Александра Иванова за информацию.

³ Роль учителя в определении темы (диплома, кандидатской диссертации и дальнейших работ) и иногда направления — балканистики — очень велика. Именно так балканистом стала Т. В. Цивьян: В. Н. Топоров провидчески дал ей, античнице по образованию, балканистическую тему. В свою очередь, Т. В. Цивьян, предлагая своему аспиранту М. М. Макареву тему эвиденциальности, определила его обращение к балканским языкам, в которых эта категория представлена.

тим здесь, что *ученики*, в свое время пришедшие в балканистику благодаря *учителям*, сами стали *учителями*, сознательно направляющими своих студентов к типологии.

Мы же, исходя из собственного опыта, рассмотрим путь ученых Н. В. Котовой и М. Янакиева, которые соединяли в себе талант учителей, теоретиков и «эмпириков», а их деятельность может служить иллюстрацией к восприятию балканистики как коммуникативной стратегии, соединяющей теорию и практику. Будучи университетскими преподавателями, они читали спецкурсы по болгаристике, с обязательным выходом в балканистику, давали темы курсовых и дипломов в соответствии со своими теоретическими установками и языковым опытом. М. Янакиев был не только болгаристом, но и носителем болгарского языка, в отличие от Надежды Васильевны — болгариста «извне». В мои аспирантские годы в одном разговоре по теме моей кандидатской диссертации М. Янакиев вдруг стал вспоминать то, как в детстве на Новый год вместе с друзьями ловил воробьев, пек их и ел «для легкости». Этот эмпирический этнографический факт, не замеченный мною на тот момент в описаниях зимней обрядности, впоследствии был исследован подробнее (Седакова 1984).

Позиция *внутреннего* и *внешнего* наблюдателя имплицировала диалог Н. В. Котовой и М. Янакиева в их совместной работе, и эту технику исследования материала они передавали своим ученикам и коллегам. Не случайно жанр диалектного словаря, словаря говора, так хорошо проработан Н. В. Котовой (Котова 2002; 2017). Именно в эмпирической стихии, которая всегда является результатом коммуникации, она видит «жизнь» слова, грамматической конструкции, морфологии. Обратное эмпирическому направление — от теории к практике — можно увидеть в грамматике Н. В. Котовой и М. Янакиева (Котова, Янакиев 2001), где теоретическое положение подкрепляется фундированным языковым материалом.

ЛИТЕРАТУРА

- Котова 2002 — *Котова Н. В.* Горно поле, Дупнишко. Речник. София: ДИОС, 2002.
Котова 2017 — *Котова Н. В.* Язык албанцев Украины в середине двадцатого века. М.: ЯСК, 2017.
Котова, Янакиев 2001 — *Котова Н., Янакиев М.* Грамматика болгарского языка для владеющих русским языком. М.: МГУ, 2001.

- Николова 2006 — *Николова Н.* Билингвизмът в българските земи през XV–XIX век. Шумен: УИ «Епископ Константин Преславски», 2006.
- Седакова 1984 — *Седакова И. А.* Лексика и символика святочно-новогодней обрядности болгар. Канд. дисс... М., 1984.
- Цивьян 2016 — *Цивьян Т. В.* Модель мира и ее лингвистические основы. М.: УРСС, 2016. 5-е изд.

С ЭТОГО ВЫПУСКА
«БАЛКАНСКИЕ ЧТЕНИЯ» ОФИЦИАЛЬНО ЗАРЕГИСТРИРОВАНЫ
В КАЧЕСТВЕ СЕРИЙНОГО ИЗДАНИЯ
(ISSN 2618-8597, DOI 10.31168/2618-8597)

Для удобства навигации по предыдущим выпускам серии мы приводим их полный список со сквозной нумерацией:

ПУБЛИКАЦИИ СЕРИИ «БАЛКАНСКИЕ ЧТЕНИЯ»

- СИМПОЗИУМ ПО СТРУКТУРЕ ТЕКСТА. ТЕЗИСЫ И МАТЕРИАЛЫ / Гринцер Н. П., Злыднева Н. В., Топоров В. Н., Цивьян Т. В. (ред.). Москва: Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1990. — 156 с. (Балканские чтения. 1 [1].)
- БАЛКАНСКИЕ ЧТЕНИЯ — 1. БАЛКАНСКИЕ ДРЕВНОСТИ. МАТЕРИАЛЫ ПО ИТОГАМ СИМПОЗИУМА. МАРТ 1990 ГОДА / Гринцер Н. П., Топоров В. Н., Цивьян Т. В. (ред.). Москва: Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1991. — 128 с. (Балканские чтения. 1 [2].)
- ОБРАЗ МИРА В СЛОВЕ И РИТУАЛЕ / Гринцер Н. П., Злыднева Н. В., Топоров В. Н., Цивьян Т. В. (ред.). Москва: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1992. — 204 с. (Балканские чтения. 1 [3].)
- СИМПОЗИУМ ПО СТРУКТУРЕ ТЕКСТА. ТЕЗИСЫ И МАТЕРИАЛЫ / Гринцер Н. П., Цивьян Т. В. (ред.-сост.). Москва: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1992. — 158 с. (Балканские чтения. 2 [1].)
- СИМВОЛИЧЕСКИЙ ЯЗЫК ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ / Толстая С. М., Седакова И. А. (отв. ред.). Москва: Институт славяноведения и балканистики РАН; Русская пресс-служба, 1992. — 158 с. (Балканские чтения. 2 [2].)
- ЗНАКИ БАЛКАН / Гринцер Н. П., Топоров В. Н., Цивьян Т. В. (ред.). Москва: Институт славяноведения и балканистики РАН; Радикс, 1994. Ч. I. — 236 с. Ч. II — 184 с. (Балканские чтения. 2 [3].)
- ЛИНГВО-ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ БАЛКАН И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ. ТЕЗИСЫ И МАТЕРИАЛЫ СИМПОЗИУМА / Гринцер Н. П., Топоров В. Н., Цивьян Т. В. (ред.). Москва: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1994. — 158 с. (Балканские чтения. 3.)

- ΕΛΛΑΣ. ΔΡΕΦΝΥΑ — ΣΡΕΔΝΥΑ — ΝΟΒΑΥ ΓΡΕΥΑ. ΤΕΖΙΣΥ Ι ΜΑΤΕΡΙΑΛΥ ΣΙΜΠΟΖΙΥΜΑ / Седакова И. А. (сост.). Москва: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1997. — 124 с. (Балканские чтения. 4.)
- ΒΑΛΚΑΝΙΚΕΣ ΧΤΗΝΙΑ — 5. ΠΟΣΥΑΥΑΟΥΤΑ ΝΙΚΟΛΑΥ ΜΙΧΑΪΛΟΥΙΟΥ ΒΑΧΤΙΝΥ. Β ΠΟΙΣΚΑΧ «ΒΑΛΚΑΝΣΚΟΓΟ» ΝΑ ΒΑΛΚΑΝΑΧ. ΤΕΖΙΣΥ Ι ΜΑΤΕΡΙΑΛΥ ΣΙΜΠΟΖΙΥΜΑ / Плотникова А. А., Седакова И. А., Цивьян Т. В. (ред.). Москва: Институт славяноведения РАН, 1999. — 130 с. (Балканские чтения. 5.)
- ΝΟΜΟ ΒΑΛΚΑΝΙΣΥΣ. ΠΟΒΕΔΕΝΕΚΕΣΙΕ ΣΕΝΑΡΙИ Ι ΚΥΛΤΥΡΝΥΕ ΡΟΛИ. ΑΝΤΙΕΝΟΤΥ. ΣΡΕΔΝΕΒΕΚΟΥΒΕ. ΝΟΒΟΕ ΒΡΕΜΑ. ΤΕΖΙΣΥ Ι ΜΑΤΕΡΙΑΛΥ / Седакова И. А., Цивьян Т. В. (ред.). Москва: Институт славяноведения РАН, 2001. — 138 с. (Балканские чтения. 6.)
- Β ΠΟΙΣΚΑΧ «ΟΡΙΕΝΤΑΛΝΟΓΟ» ΝΑ ΒΑΛΚΑΝΑΧ. ΑΝΤΙΕΝΟΤΥ. ΣΡΕΔΝΕΒΕΚΟΥΒΕ. ΝΟΒΟΕ ΒΡΕΜΑ. ΤΕΖΙΣΥ Ι ΜΑΤΕΡΙΑΛΥ. 24–26 ΜΑΡΤΑ 2003 Γ. / Седакова И. А., Цивьян Т. В. (ред.). Москва: Институт славяноведения РАН, 2003. — 196 с. (Балканские чтения. 7.)
- Β ΠΟΙΣΚΑΧ «ΖΑΠΑΔΝΟΓΟ» ΝΑ ΒΑΛΚΑΝΑΧ. ΠΡΕΔΥΑΡΙΤΕΛΝΥΕ ΜΑΤΕΡΙΑΛΥ. 22–24 ΝΟΥΒΡΥ 2005. Москва: Институт славяноведения РАН, 2005. — 274 с. (Балканские чтения. 8.)
- TERRA ΒΑΛΚΑΝΙΣΑ. TERRA SLAVICA. Κ ΥΟΒΙΛΕΥ ΤΑΥΑΝΥ ΒΛΑΔΙΜΙΡΟΒΝΥ ЦИВЬЯН. 6 ΦΕΒΡΥΑ 2007 Γ. / Свешникова Т. Н., Седакова И. А. (ред.). Москва: Институт славяноведения РАН, 2007. — 206 с. + 8 с. (Балканские чтения. 9.)
- ΠΕΡΕΥΟΔΥ. ΠΕΡΕΜΕΝΥ. ΠΡΕΥΒΡΑΥΕΝΙΑ. ΤΕΖΙΣΥ Ι ΜΑΤΕΡΙΑΛΥ. 31 ΜΑΡΤΑ — 2 ΑΠΡΕΥΑ 2009 ΓΟΔΑ / Седакова И. А. (отв. ред.), Макарецв М. М., Сиднева С. А., Цивьян Т. В. (ред.). М.: Институт славяноведения РАН, Центр лингвокультурных исследований «Balcanica», 2009. (Балканские чтения. 10.)
- ΒΑΛΚΑΝΣΚИЙ СПΕΚΤΡ: ΟΤ ΣΥΕΤΑ Κ ЦΥΕΤΥ. ΤΕΖΙΣΥ Ι ΜΑΤΕΡΙΑΛΥ. 22–24 ΜΑΡΤΑ 2011 ΓΟΔΑ / Макарецв М. М., Седакова И. А., Цивьян Т. В. (ред.). Москва: Институт славяноведения РАН, 2011. (Балканские чтения. 11.)
- ΒΑΛΚΑΝΣΚΑΥ ΚΑΡΤΙΝΑ ΜΙΡΑ SUB SPESIE ΠΥΤИ ΕΕΛΟΥΕΕΣΚИХ ΕΥΣΤΥ. ΤΕΖΙΣΥ Ι ΜΑΤΕΡΙΑΛΥ. 26–27 ΜΑΡΤΑ 2013 ΓΟΔΑ / Макарецв М. М., Седакова И. А., Цивьян Т. В. (ред.). Москва: Институт славяноведения РАН; Университет ДмИтрия Пожарского, 2013. (Балканские чтения. 12.)

БАЛКАНСКИЙ ТЕЗАУРУС: НАЧАЛО. ТЕЗИСЫ И МАТЕРИАЛЫ. МОСКВА, 7–9 АПРЕЛЯ 2015 Г. / Макарецв М. М., Седакова И. А., Цивьян Т. В. (ред.). Москва: Институт славяноведения РАН; Принт Про, 2015. (Балканские чтения. 13.)

БАЛКАНСКИЙ ТЕЗАУРУС: ВЗГЛЯД НА БАЛКАНЫ *ИЗВНЕ* И *ИЗНУТРИ*. ТЕЗИСЫ И МАТЕРИАЛЫ. МОСКВА, 18–20 АПРЕЛЯ 2017 Г. / Макарецв М. М. (отв. ред.), Седакова И. А., Цивьян Т. В. (ред.). Москва: Институт славяноведения РАН, 2017. (Балканские чтения. 14.)

Научное издание

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

**БАЛКАНСКИЙ ТЕЗАУРУС:
КОММУНИКАЦИЯ В СЛОЖНО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЩЕСТВАХ
НА БАЛКАНАХ**

БАЛКАНСКИЕ ЧТЕНИЯ. 15

*Утверждено к печати Ученым советом
Института славяноведения РАН*

Ответственный редактор

И. А. Седакова

Редакторы

М. М. Макарецев,

Т. В. Цивьян

Компьютерная верстка

П. Н. Морозов

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Институт славяноведения РАН

119991, г. Москва, Ленинский просп., д. 32-А, корп. «В»

Адрес электронной почты:

inslav@inslav.ru

Подписано в печать 18.03.2019. Формат 60×84¹/₁₆.

Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная.

Печать цифровая. Усл. печ. л. 11,04.

Объем 11,88 печ. л.

Заказ № 12.

Тираж 500 экз.